

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

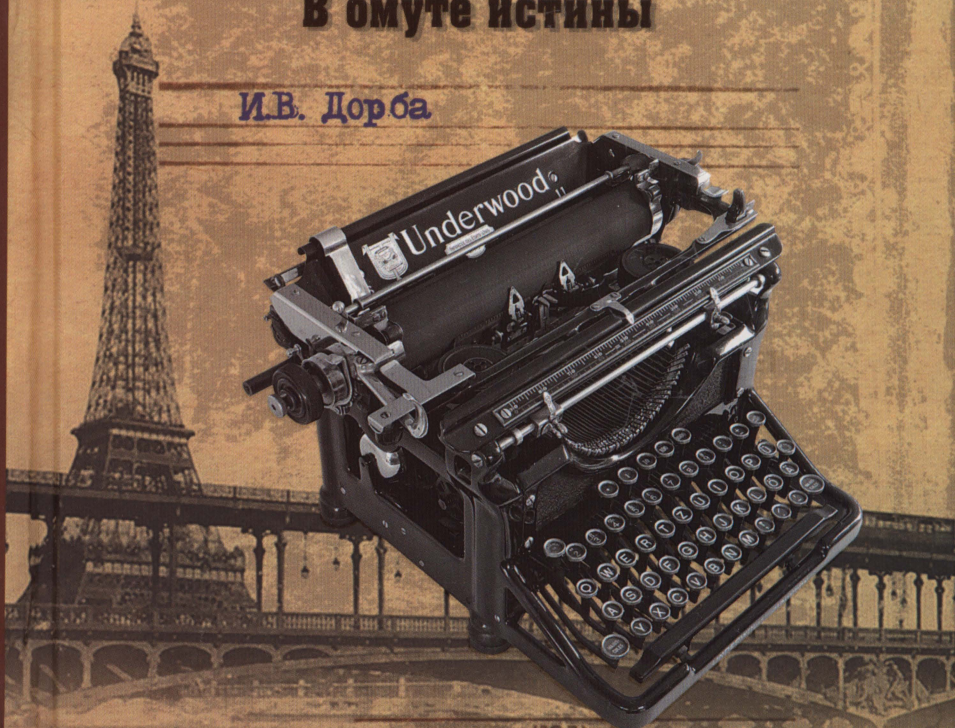
ДЕЛО № 12-013

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

В омуте истины

И.В. Дорба

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ
И.В. Дорба

(год)

ХРАНИТЬ

вечно

ЛЕТ

И.В. ДОРБА

СВОЙ СРЕДИ
ЧУЖИХ

В омуте истины

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622
Д68

Дорба, И.В.

Д68 Свой среди чужих. В омуте истины / И.В. Дорба. — М. :
Вече, 2012. — 304 с. : ил. — (Гриф секретности снят).

ISBN 978-5-9533-6577-2

На долю автора настоящей книги выпало немало испытаний. Ему довелось пережить революцию, Гражданскую войну, эмиграцию и Вторую мировую войну. Волей судьбы он оказался в центре шпионских интриг в Европе в 1930—1940-е гг. Он был одним из руководителей разведки эмигрантского Народно-трудового союза, сотрудничал с немецкой разведкой, а затем стал работать на СМЕРШ.

Жизнь эмигранта оказалась яркой и насыщенной событиями, его не сломили трудности и испытания. Пройдя лихие годы войны, он стал гражданином СССР.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9533-6577-2

© Дорба И.В., 2012
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012
© ООО «Издательство «Вече», 2012

Когда вы читаете биографию, помните, что правда никогда не годится для опубликования.

Б. Шоу

- Первые глотки из чаши Бытия... Эмиграция...
- Попытки бороться с советской властью в качестве начальника контрразведки НТСНП (Национально-трудового союза нового поколения)...
- В Париже выполняю задания абвера...
- Война!...
- Любовь к Родине побеждает ненависть к властям...
- Помогаю французскому Сопротивлению...
- Иду на связь с советским разведчиком, выполняю его задания...
- Берлин
- Перехожу под Витебском линию фронта с группой военнопленных...
- Я — младший лейтенант Советской армии!
- Контузия... вологодский госпиталь...
- Переводчик при штабе 2-го Прибалтийского фронта...
- Арест... внутренняя тюрьма... смертный приговор
- Пугачевская башня...
- Помилование!..
- Русская Женщина!..

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Читателя стараются увлечь невероятными приключениями, но обычно не посвящают в подлинную работу тайной службы... Кто эти люди? Под какими личинами живут? Что исповедуют?... Секретные агенты известны с незапамятных времен. Моисей, блуждая по пустыне, посылал в Ханаан своих соглядатаев. Вавилон, Египет, Древний Рим, Византия — у всех были свои осведомители, сыщики, провокаторы. Наполеон, пожалуй, впервые установил сложную и постоянную систему политического шпионажа. С тех пор эта деятельность совершенствовалась во всех областях.

Романы, очерки, рассказы, воспоминания, написанные нередко на задворках дипломатии и служб безопасности, еще до недавнего времени сочинялись в зависимости от того, как на это посмотрит цензура, начальство... Разумеется, были советские разведчики, а все прочие — оборотни, подлецы, мерзавцы — шпионы!

В своих воспоминаниях я стараюсь прежде всего неприкрашено рассказать о думах и чаяниях молодого поколения белоэмигрантов за рубежом, о сложной, порой трагической, судьбе встречавшихся на моем пути недюжинных людей, волею случая ставших сотрудниками разведок разных стран; упомянуть о методах деятельности этих служб и в какой-то мере раскрыть собственную душу...

Революция заставила меня покинуть Отечество... После чего судьба швыряла меня из страны в страну...

Ностальгия — одно из самых горьких переживаний... Обида на одураченное «быдло», развалившее великую Империю... ненависть к большевистскому кагалу порождали желание бороться!

Став мужчиной и вступив в самую деятельную, как мне казалось, организацию — Национально-трудовой союз нового поколения — ныне Народно-трудовой союз (НТС) — я, по ряду причин, занялся контрразведкой.

В то время ГПУ нанесло по белой эмиграции ряд ударов. В начале войны на меня, как и на многих российских эмигрантов, подействовал призыв Сталина «к братьям и сестрам»: спасти Отечество!

Мы ведь не жили в стране лжи, мы верили, что «Отец народов» действительно помышляет о восстановлении России!

Так, «перескакивая с кочки на кочку», я очутился на родине!

Успел повоевать, полежать полгода в госпитале, посидеть в тюрьме на Лубянке, а потом в камере смертников Пугачевской башни, выйти на свободу, даже стать членом Союза писателей СССР, близко познакомиться и подружиться со многими ведущими писателями страны... получить за свой первый роман «Белые тени» литературную премию от Андропова!

Я всем сердцем, всей душой люблю Россию! Верю, что навалившиеся на нее беды пробудят из летаргического сна совесть моего народа!

Верю, что русский человек поймет, под чьей пятой прозябает...

И восстанет!!!

Автор. 1992 год

Глава первая

НЕИСПОВЕДИМАЯ СУДЬБА

Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого...

М. Лермонтов

1

Человек делает только первый шаг — остальное судьба! И не потому ли, что он жадно ищет, жадно впитывает и красивое, и уродливое?.. А среда, обстоятельства, принуждение? Мудр или глуп человек, «шагающий наперекор» судьбе?

Такие мысли приходят спустя много лет, когда делаешь оценку пройденного, долгого, похожего на лабиринт, жизненного пути...

Сталкиваться с непонятным, непостижимым, даже чудесным, довелось не только мне, последнему в роду, но и далекому моему предку, который, «вышед из немца, муж честна ратна», служил царю Алексею Михайловичу; и прадеду Матвею Павловичу Чеботаеву, начинавшему беднеть рязанскому помещику, получившему в дар от императрицы Елизаветы Петровны 5000 десятин земли и 350 душ крепостных в Новороссии, в

15 верстах от г. Александрии («родины» первого в России гусарского полка «Гусары смерти»).

Так, наряду с переселением сербов, шла и русская колонизация. На реке Ингулец возникла деревня Бандуровка.

Мой дед был женат на дочери соседа по имению Фальц-Фейна Елизавете. У них родились три дочери и сын: Мария, Анна, Лариса, Дмитрий. Мария и Анна вышли замуж за гвардейских офицеров — Крамерова и Бонафедс. Первый получил в приданое 500 десятин земли — и от Бандуровки отделился хутор, ставший потом деревней Крамеровкой. Бонафедс свои 500 десятин продал и купил роскошную виллу в Алушке.

Лариса увлеклась политикой, стала эсеркой, пыталась совершить на кого-то покушение, отсидела в тюрьме, раздала свои 500 десятин крестьянам и поселилась в Одессе. И когда государь император отправлялся через Одессу на отдых в Ливадию, ее, на всякий случай, «изолировали». И все-таки одно покушение, хоть и неудачное, она организовала: стреляла в мою мать. Вечером мать подошла к окну закрыть ставни — раздался выстрел, пуля попала в грудь, вернее, в висевший на груди медальон... Причина этого поступка навсегда похоронена с другими тайнами рода... Знаю только, что отец называл Ларису «бешеной крысой».

В начале века наши предки были чудаками, порой людьми «не от мира сего». Они чаще прислушивались к велениям совести, а не к эгоистическим желаниям, старались влиться в гармонию великого духа вселенной... старались!

Увы, далеко не всегда это получалось; они были честными и думали, что все люди такие же... Их обманывали... В этом мы убедились в 1918 году, с приходом большевиков...

Мой отец Дмитрий Федорович слыл оригиналом среди помещиков Александрийского уезда, тем не менее был уважаем и не раз избирался предводителем уездного дворянства. Звали

его «ходячая энциклопедия». Это было почетно, если учесть, что уезд славился громкими фамилиями: Орлан, Протопоповы, Винберги, Фальц-Фейны, Хорваты — генералы, министры, приближенные ко двору, предприниматели (Хорват строил Дальневосточную железную дорогу).

Отец мой родился в 1868 году. Окончив «курс наук», отправился, по установленной в ту пору традиции, «поглядеть мир», но, в отличие от многих дворянских сынков, не ограничился веселым времяпрепровождением в борделях Парижа или фешенебельных курортах, а жадно познавал мир...

Десять лет!

Такой страстью, как известно, заражены были когда-то древние философы. Моисей недаром заставил сорок лет блуждать свой народ! Болеют этим многие писатели; с двумя-тремя мне посчастливилось даже близко сойтись: мой добрый учитель Евгений Германович Лундберг в молодости исходил пешком всю Европу. Довелось даже прочесть в старой киевской газете о том, как молодой писатель-анахорет, блуждая в лесах Сербии, был заеден волками.

Но Лундберг прожил долго — в 1922 году он привез из Берлина «графа» Алексея Толстого (который потом перестал с ним здороваться). При Сталине и Берии, благодаря «доброму» врачу-психиатру, до самой их кончины числился на учете в «дурдоме» — слишком много знал!..

Таким же неутомимым путешественником был председатель Пенклуба Эстонии, впоследствии народный поэт, Йоганес Семпер. Не менее интересен был путешественник по морям народный писатель Латвии Вилис Лацис... или мой друг Сергей Смирнов... У каждого своя судьба!..

Весьма любопытен неоспоримый факт: некоторые, даже самые талантливые писатели, лишены в сталинские времена

возможности познавать мир, обычно пили горькую... и когда приоткрылся железный занавес при Хрущеве и можно было путешествовать, — таким, как Максим Рыльский или Семен Скляренко, — они все реже брались за рюмку...

В людях заложена потребность с пра-пра-древних времен кочевать, вбирать красоту и уродство мира, его добро и зло, правду и ложь.

Помню, с какой жадностью мальчиком я перелистывал альбомы, грудой наваленные рядом с французскими, немецкими, итальянскими газетами, журналами и книгами в бумажных переплетах, в большом светлом помещении, которое находилось рядом со службами и почему-то называлось кладовой. Я внимательно разглядывал мастерски сделанные фотографии высоких снежных гор Гималаев или Альп, долин широких рек, низвергающихся водопадов, тропиков и голых пустынь Африки, льдов Севера или цветущих садов Андалузии... Или изучал галерею людей пяти континентов: белых, черных, желтых, красных... Фото запечатлели скуластое лицо самоеда и овальное красивое испанки, страшного обезьяноподобного зулуса или волоокою красавицу-марокканку, толстого баварца и поджарого француза... Глядя на все это, меня неудержимо тянуло в мир...

Была ли это присущая всем «тяга к перемене мест» или наследство отца, хранящееся в «запасных» клетках мозга? Кто знает?

Мои путешествия связаны с велением судьбы: сначала болезнь отца заставила переехать все наше семейство в 1912 году в Ялту и поселиться со слугами на даче Эрлангера (ныне Дом творчества писателей), потом переехать по соседству на Княжескую улицу в дом Кочубеев. Там 30 апреля 1914 года скончался мой отец.

Набальзамированный и запаянный в металлический гроб, он был перевезен в Бандуровку и похоронен на родовом кладбище недалеко от церкви. Через шесть лет шайка преступников ночью раскопала его могилу, вскрыла гроб, ища драгоценности, но, увидев сохранившийся труп, разбежалась... В двадцатых годах церковь сгорела.

За это время я не раз побывал в Севастополе, Алушке, Никитском саду, даже ухитрился подняться на Ай-Петри, Медведь-гору...

Ялта — в то время курорт мирового класса — зеленая красавица, с ее богатыми особняками, роскошными парками, набережной, сверкающей витринами магазинов, увитыми виноградной лозой балконами, колоритными татарскими домами и красивым местным населением...

Ялта, куда стекался цвет русской интеллигенции — Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, Федор Шаляпин, Соболев, Серов, Айвазовский, Чайковский...

Ялта — курорт, где по соседству неизменно жили русские императоры. У меня до сих пор стоит перед глазами прибытие Черноморской эскадры, сопровождавшей царскую яхту «Штандарт» до самого порта. По трапу сходят Николай II, Александра Федоровна, цесаревич Алексей, цесаревны Ольга, Мария, Анастасия...

А вечером на набережную сходятся жители немногочленной Ялты полюбоваться необычным фейерверком!..

После смерти отца, согласно закону, имение перешло ко мне. Моими опекунами стали мать и александрийский помещик, художник Дейнека. Старший, сводный брат получил какую-то долю наследства, а мать — пятую часть имущества. И, таким образом, до моего совершеннолетия никто не мог, даже для моего блага, скажем, продать, заложить имение...

Вслед за этой бедой грянула война!.. И тем больше связала руки и принесла новые заботы и огорчения...

Надо было помогать родине! Осенью Николай II обратился с призывом ко всем честным людям сдать имеющееся у них золото...

Я до сих пор помню, как вся ванна сверкала: отмывали золото. Ассигнации гладили горячим утюгом! Матери в ту пору и в голову не могло прийти, что через несколько лет сданные тысяча-другая червонцев оказались бы настоящим капиталом для нас — беженцев...

Большая часть земли была отдана в аренду известному сахарозаводчику Терещенко, который прислал в качестве управляющего Василия Викторовича Филимонова — красивого энергичного агронома, офицера финляндского полка...

Осенью того же злосчастливого 1914 года я поступил в Московский лицей цесаревича Николая, где учился мой сводный брат Николай.

Мать — Евгения Борисовна — дочь крестьянина, волостного старшины Тараненко, была еще молода, хороша собой, понимала, что жизнь для нее еще не кончена, но строить новое гнездо ей в Бандуровке нельзя. Были и другие причины, в том числе, возможно, повторение революции 1905 года, так ее напугавшей: страшно и одиноко жить в помещичьем доме, среди парка, даже если на балконах по ночам сидят сторожа и бегают свирепые доги... Она продала часть своей земли и купила в Елизаветграде на Успенской улице роскошный особняк у известных помещиков Есиповых, со всей обстановкой, картинами, библиотекой, с флигелем, службами, гаражом, закатным двором, конюшней, коровником, погребом, дровяным сараем...

В 1917 году мне и брату пришлось прервать занятия в лицее и поступить в елизаветградскую гимназию Крыжановского на Александровской улице. Однажды меня подозвала мать и спросила: «Володя, скажи честно, ты не против того, если я выйду замуж за Василия Викторовича?» Мне он в то время нравился, и я сказал: «Не против!»... за что потом меня ругал брат... Мать отвергла такие блестящие партии, как сосед по имению Павел Протопопов — самый красивый мужчина Елизаветграда и поручик-князь Голицын, коннозаводчик поляк Жабоклицкий... и предпочла, полюбила нашего управляющего Филимонова...

А вскоре началась вакханалия: немцы, большевики, петлюровцы, гетманцы, добровольцы, григорьевцы, махновцы, анархисты Маруьски Никифоровой и т.д. Много страшных минут было пережито: обыски, убийство жившего во флигеле помещика Казаковского, прятанье евреев от банд погромщиков на сеновале, арест матери и угроза конфискации дома, нашего выселения и многое другое...

Пришли белые... Части генерала Мамонтова приближались к Москве. Стоял вопрос: кто первым на белом коне въедет в Москву — Колчак или Деникин?.. Несогласованность их военных операций заставила откатиться армии Колчака; потом кубанские, а затем и донские казаки оголили фронт и с награбленным добром разъехали по домам... Началось отступление... А вскоре и эвакуация русской интеллигенции из Елизаветграда... Брат схать отказался. Ему в то время было 16 лет, был красив, подавал надежды стать большим художником... Ныне покойный Арсений Тарковский, елизаветградец, когда я упомянул про брата, сказал: «Кто же не знал Николая Чеботаева?»

Мать, отчим и я прибыли поначалу в Одессу и поселились у нашего нотариуса Волкова, ненадолго... Бегство пришлось продолжать — на этот раз на пароходе в Новороссийск. Там,

случайно, на улице я встретил своих лицейских товарищей Каткова и Кановницына. Они собирались поступать в Донской имени Александра III кадетский корпус, который готовился к эвакуации в Египет, и звали меня с собой. Но судьба решила по-другому: свирепый норд-ост, опрокидывающий порой стоящие одиноко вагоны, «просквозил» меня, и я не встретился больше с товарищами.

В ноябре 1918 года мы вновь оказались в Ялте, поблекшей, но все-таки прекрасной! Я поступил в гимназию... увы, ненадолго... На этот раз мы — мать, отчим, только что родившаяся сестренка Галя и я — жили в скромной трехкомнатной квартире дачи Новосильцева, среди парка, выходящего на Учан-Су...

Катаклизмы делают людей мудрыми; молодежь — взрослой. Я уже всюду поглядывал на девочек, особенно нравилась Оля Очеретко — красавица с длинной, ниже пояса, косой и большими выразительными голубыми глазами-озерами. Такие же глаза я полюбил потом! По-настоящему!..

3

В ноябре 1920 года была добита патриархальная Русь... исподволь готовилась пролетаризация крестьянства. ВКПБ — «Второе Крепостное Право Большевиков» — повела страну к голоду, вырождению, рабству...

Меня судьба бросила в Стамбул (в ту пору Константинополь), потом в Сан-Стефано (где в 1878 году была главная квартира русской армии и заключен трактат, по которому получали независимость Румыния, Сербия, Черногория, создана Болгария и возвращена России отторгнутая часть Бессарабии)... И снова Стамбул, в ту пору оккупированный французами, англичанами, американцами Константинополь, с его незабываемыми мечетями, дворцами, с Айя-Софией, Босфором, Золотым Рогом...

Слоняясь по многолюдным улицам Галаты, Топкапы или Перы, я сразу узнавал своих земляков по вялой походке, рассеянным унылым лицам и словно присыпанным пеплом, наполненным глубокой тоской глазам. И, глядя на них, невольно вспоминал рассказ своего спутника в Сан-Стефано полковника Макарова о том, как в городах, после бегства от большевиков русской интеллигенции, появилось очень много бродячих собак — они, опустив голову, метались то в одну, то в другую сторону или вдруг, остановившись перед прохожими, угодливо виляя хвостом, с тоской и надеждой смотрели на них, будто умоляя: «Скажи, где мой хозяин?»

Так, наверное, по улицам Елизаветграда бродил и мой мудрый Лорд! Помню, на охоте — подстреливал я дичь с десяти лет, сначала из «монтекристо», потом из 24-калиберной бельгийской двустволки — выстрелил в зайца (мой гувернер говорил: «Никогда не стреляйте в убегающего от вас зайца, зад у него «*Sac de plomb*»*), косой кинулся в камыши, собаки догнали его и стали терзать (они ведь доги!), только Лорд подбежал ко мне, схватил зубами за рукав куртки и повел поглядеть, что вытворяют его братья!

В Елизаветграде Лорд любил, как только открывали калитку или ворота, выбежать на улицу, разлечься поперек тротуара и с любопытством снисходительно поглядывать, как его опасливо, сторонкой обходят прохожие... Бедный Лорд! Где сейчас твое достоинство, уверенность в себе?

И не такими ли мы все — эмигранты — стали... бездомными псами?..

Прошла неделя-другая, и снова в путь: голубое прозрачное Мраморное море, Дарданеллы, беспокойное Эгейское... и ласковое Адриатическое...

* Мешок со свинцом, дробью (*франц.*).

Пароход «Владимир», битком набитый русскими беженцами, через несколько дней причалил в бухту Бокарро — Королевство сербов, хорватов, словенцев (СХС). Страну, близкую по крови, языку, вере, истории, с мужественным народом, считавшим русских своими братьями.

Еще до высадки пассажирам «Владимира» сообщили, что, согласно распоряжению короля Александра I (бывшего кадета Пажеского корпуса), их расселят по стране «колониями» по 50 человек.

Каждая колония должна иметь своего председателя. Нашим председателем стал бывший начальник «Южной школы» — Елизаветградского кавалерийского училища — полковник Банковский.

Поселиться нам предстояло в большом словацком селе неподалеку от Белграда, под названием Стара Пазова. Каждому «избеглице» (беженцу), независимо от пола и возраста, правительство выдавало субсидии в размере 400 динаров в месяц, на что можно было существовать...

Осенью того же 1921 года я был принят во 2-й Донской кадетский корпус, дислоцированный поначалу в Словении в бывшем лагере русских военнопленных — территории распавшейся Австро-Венгрии — Стернице-при-Птуи. Спустя год корпус перевели в гористую Герцеговину: в старую крепость у города Билеча, неподалеку от Черногории.

Революция, Гражданская война, эвакуация препятствовали нормальному образованию; почти все мы были переростками. Так, в 4-м классе, куда я вновь поступил, учились кадеты-добровольцы, среди них Николай Басов — георгиевский кавалер, участник знаменитого Ледового похода*.

* Ледовый поход — поход Добровольческой армии под командованием генералов Корнилова Л.Г. и Алексеева М.В. из Ростова на Екатеринодар в феврале 1918 г.

Споры донских, кубанских, терских казаков с «иногородними»^{*} между собой казались мне дикими, а взгляд на прошлое — чуждым: война не утихла еще в их сердцах — искали виноватого!..

Не ладилось и в преподавательском составе. Особенно невзлюбили кадеты директора корпуса генерала Бабкина.

В шестом классе я остался на второй год, за что получил кличку «Илья Ильич» (Обломов)... После бесконечного чтения по ночам — в то время я увлекался Достоевским, который принуждал заглядывать и к философам, — я стал вялым, упрямым, возник протест к раболепию, чиновничеству. Я вступал в спор с преподавателем словесности и огрызнулся на замечания вице-урядников^{**} и вахмистра. Новый воспитатель тоже стал величать меня Ильей Ильичом. Тогда я взялся за гимнастику, бег и бокс... и сразу завоевал авторитет у товарищей.

А тут вскоре произошел неожиданный инцидент: второй день шел «бенефис»^{***} первой сотни — кадеты отказались ходить на занятия, не отвечали на приветствия начальства и требовали отставки директора. Перед обедом в нижнем дворе кто-то побил окна у жившего на отшибе полковника Мальцева — ярого сторонника Бабкина; он с двумя сыновьями погнался за «громилами», и случилось так, что когда они подбегали к казарме первой сотни, я, ничего не подозревая, столкнулся с ними на пороге и попал в их разъяренные объятия. Сгоряча, не разобравшись, они повели меня в город к начальнику полиции Бипечи

^{*} Иногородний — так называли людей, живущих в казачьих областях, но не приписанных к Войску.

^{**} Вице-урядник — несколько отличников выпускного класса получали на погоны нашивки: они следили за порядком в сотне и в случае необходимости заменяли вахмистра, который командовал сотней или всем корпусом.

^{***} «Бенефис» — своего рода забастовка, организованная по распоряжению Круга и Атамана. В Донском кадетском корпусе избирался атаман, в других корпусах — генерал.

как «громилу» и, несмотря на мое отрицание участия в этом проступке, убедили начальника в моей виновности.

Комиссар, зная о «бенефисе», начал с крика и угроз: «Кто зачинщики беспорядка? Говори сейчас же! Не то всыплю тебе!» И помянул Бога... Я взбеленился: «Мы с вами, комиссар, вместе коз не пасли! Прошу мне не тыкать, а разговаривать, как с человеком!» Полицейский в людях разбирался, понял, что превышать власть чревато: «Кто знает этих русских? Их любит сам король Александр!»

И отправил меня в камеру... Кто-то из кадет видел, как меня повели в город — это подлило масла в огонь: «бенефис» первой сотни поддержали вторая и третья сотни...

Утром меня снова вызвали на допрос и уже в более вежливой форме потребовали выдать зачинщиков «бунта». Недолго думая, я начал перечислять фамилии подряд по списку, по которому каждое утро шла перекличка. Начальник полиции, явно не сообразив, удовлетворился десятью фамилиями и отправил меня обратно в камеру. Через два часа, примерно, отворилась дверь, и я, улыбаясь, встретил «зачинщиков», которые поняли мою уловку: вызывали по очереди — мы были молодыми, память была хорошая, список помнили твердо. Вечером всех нас выпустили. Победило товарищество!

Начальника полиции, потерпевшего фиаско (в списке была фамилия сына Донского атамана Богаевского!), перевели из Билечи в местечко Гацко, а вскоре прибывшая «авторитетная комиссия» во главе с генералом, атаманом Войска Донского Африканом Богаевским освободила Бабкина от обязанностей директора. А первую сотню неизвестно почему назвали «Атаманской»! Не знал, не ведал я, что мое первое «сидение» — ПОЧИН!

С приходом нового директора многое изменилось. Если раньше с интересом слушали только преподавателя истории

Абрамцева, то теперь пальма первенства перешла к мудрому законоучителю епископу Вениамину (вновь принятому) — замечательному оратору, владевшему аудиторией (впоследствии митрополит экзарх Московской патриархии в США, а после Отечественной войны — митрополит Рижский).

Читал лекции подолгу гостивший в Билече митрополит Киевский Антоний (Храповицкий), помышлявший о воссоединении Православной и Англиканской церквей. Их проповеди, беседы, порой задушевные, порой жесткие, оставляли в душе глубокие следы...

В 1923 году, по распоряжению правительства, кадетские корпуса СХС (Донской в Билече, Крымский в Белой Церкви и Русский в Сараево), чтобы получить «Матуру» (аттестат зрелости), должны были пройти дополнительный восьмой класс, после чего кадеты могли поступить в университеты без экзамена и получать пособие, а также в военные училища, с условием принятия подданства.

Увы! Зло неизменно сопутствует добру: среди белых эмигрантов начались раздоры; поводов было много: кто возглавит — Врангель или Деникин, великий князь Николай Николаевич или Кирилл Владимирович, Милоков или Керенский? У всех были свои сторонники. Немалую роль сыграли сепаратисты Украины. Это напоминало заразную болезнь. Ею «заболели» донские и кубанские кадеты: началось увлечение историей Горелова, который старался доказать, что казаки ничего общего с русскими не имеют, что версия о том, будто казачества образовались в основном из некогда беглых крестьян, неверна, о чем говорит само слово КАЗАК!

В пику им я организовал «Конвой Его Величества» из иностранных и родовитых казаков. В результате мне пришлось перевестись и заканчивать последний восьмой класс в Крым-

ском кадетском корпусе, занимавшем казармы в небольшом, утопающем в зелени и окруженном виноградниками городке Белая Церковь.

В этих казармах проходили курс юнкера Николаевского кавалерийского училища, когда король Александр еще верил в близкое падение большевистского режима.

В центре города, на главной улице, напоминавшей тенистую аллею, находился Донской Мариинский институт благородных девиц, возглавляемый вдовой генерала Духонина.

Директором кадетского корпуса был добродушный покладистый генерал Римский-Корсаков. У него были две дочери, и, видимо, потому он сквозь пальцы смотрел, когда кадеты опаздывали после воскресного отпуска... Не очень наказывала за это своих институток и Духонина.

Мне исполнилось 18 лет, когда я получил «Матуру» и поступил в Белградский университет. Поначалу я поселился в общестии со своими товарищами по Донскому кадетскому корпусу в конце Александровской улицы, учился с грехом пополам, сдавал зачеты и по мере сил помогал отчиму, который открыл на центральном рынке Белграда мясную лавку под вывеской «Сибирец». Таким образом, в отличие от многих русских студентов, я был довольно обеспеченным, мог ходить по театрам, барам, ресторанам, ухаживать за девушками. В Белградском театре довелось слушать Шаляпина, видеть Анну Павлову, Карсавину, а в ночных ресторанах «Казбек», «Мон Репо» — Вертинского, Морфесси, Лору Побединскую и других...

В Белграде свирепствовал туберкулез. Поэтому за плевков на улице взымали солидный штраф. Недоедание, плохая одежда, холодная зима, свирепая кошава унесли моего доброго товарища Дуракова-Александрова (по распоряжению Екатерины II всех Пугачевых переименовали в Дураковых). Атаман Войска Дон-

ского Богаевский не решился перечеркнуть полностью приказ императрицы, и Сапка получил двойную фамилию.

Наряду с развлечениями я ходил слушать лекции приезжих и местных светил нашей интеллигенции: Казерветтера, И.С. Шмелева, П.Б. Струве...

В то время все мы еще лелеяли мечту, подобно вылупившемуся из яйца птенцу, выкарабкаться на кромку гнезда и полететь, стать героем, прилететь на помощь возрождающейся России. Мы не знали, что идет истребление древних фамилий, а заодно и всех тех, кто может помешать «железным посохом» гнать стадо прочих российских «баранов»...

Каждый из нас представлял советского человека не пассивным и безразличным ко всему, кроме собственного благополучия, рабом, а свободомыслящим, любящим родину человеком!

Мы думали, что строящим «социализм в одной стране» чужд коварный иудейский замысел интернационализма!

Отцы нам твердили: «С захватом власти большевиками воцарилась “диктатура пролетариата” — что может быть омерзительней этого? Владычество воров и бездельников, морально разложившихся пьяниц, циничных ненавистников России, отрешенных от патриархального уклада крестьян, не приобщенных к элементарной культуре?! Захватив власть, этот чуждый пришлый сброд наводнил карательные органы, внедрил в Советы и получил исключительное право грабить и убивать! ЧК, ГПУ возглавляли евреи, грузины, латыши, а палачами были уголовники, которых поощряли избивать и мучить “врагов народа” — чтобы потом получить пулю в затылок от послушного раба или кровожадного садиста. Все это разлагало и разнуздывало, вызывало вражду между классами и тем вело народ к пропасти!»

Но отцы наши ничего не делали, чтоб помочь России сбросить эту банду, в лучшем случае посылали своих сыновей и младших братьев совершать террористические акты... а тех уже поджидали гелеушники на так называемых «секретных явках»!.. Всюду гнездились предательство, начиная с верхов белой эмиграции...

Особой ненависти к большевикам, а тем более к Сталину, я не питал. Да, большевики меня ограбили, но я еще не знал цену настоящего богатства... Все познается сравнением — я был «богачом» по сравнению с друзьями. Пользовался успехом у девиц (выгодный жених). Влюблялся то в одну, то в другую, наконец полюбил по-настоящему маленькую балерину Ниночку Польш, но... пришлось жениться на другой — Анне — Нюсе Котельниковой, которая вскоре родила мне сына Павлика.

К этому времени я закончил университет, устроился на работу в кадастр*. Человеку с нансеновским паспортом**, даже в такой дружественной стране, как Югославия, было нелегко устроиться на хорошую работу. Будущий создатель воздушного флота США Сикорский, прибывший поначалу в Белград, был принят «на работу» с мизерной ставкой!

В начале тридцатых годов, с группой геодезистов, я проводил съемки в Шумадии (сердце Сербии), в Срезах*** Горний Милановец, Чачак. Группа состояла в основном из русских. Эта работа познакомила меня с мужественным народом сербским изнутри и заставила полюбить его на всю жизнь!

Однажды я получил предложение от председателя Белградского отдела НТСНП организовать и возглавить в Милановце отделение Союза. Писал мой товарищ, бывший кадет Донского

* Кадастр — отдел по определению ценности земли.

** Нансеновский паспорт — международный паспорт для эмигрантов.

*** Срезы — уезд, район.

кадетского корпуса Евгений Дивнич*. Заинтересовавшись, я согласился и вскоре получил кучу любопытных материалов и программу Союза. Так я связал свою судьбу с новопоколеницами.

4

Независимость, уважение окружающих, свобода — мечта каждого самолюбивого мужчины. А всё это делают, прежде всего, деньги...

Вот почему, когда богатеющий отчим предложил мне «похозяйничать» в его мясо-колбасном магазине, открытом в центре Белграда, я отказался от работы в кадастре и переехал в столицу. Были и другие причины: надоела провинция, нелюбимая жена, хотелось встретиться со старыми товарищами, побывать в театрах; лелеял и тайную надежду повидать незабвенную Ниночку Поль... Интересовал и НТСНП, его программа. Хотелось регулярно читать газету «За Россию», где часто критиковалась бездарность отцов, не сумевших в 1917 году завоевать доверие народа, обманутого еврейско-большевистской шайкой, проигравших Гражданскую войну и теперь, за границей, неизменно терпящих крах в борьбе с большевиками, поскольку все усилия проникнуть смельчакам-офицерам в СССР и поднять оставшихся честных русских, любящих свою родину, на восстание, заканчиваются их расстрелом...

Поначалу НТСНП считал себя детищем РОВСа. Охлаждение между ними шло постепенно. Причин было много: аполитичность отцов, чиновничество при подборе кадров, скудная материальная помощь, честность, доходящая до глупости, приводящая к неизменным провалам переправляемых

* Евгений Иванович Дивнич — арестован в 1945 году СМЕРШем. Отсидел несколько лет в лагерях и тюрьмах. Написал книгу, изданную в США: «НТС, нам пора объясниться!». Умер в г. Иваново.

за кордон агентов; а похищение генерала Кутепова привело к критической черте!

Молодежь все яснее понимала, что их прямолинейным отцам не под силу бороться с могущественным ОПТУ, начавшим широкое наступление на разрозненную, потерявшую почву белую эмиграцию, умело используя многие коварные методы, начиная с главного — предательства! Так Оперпут* заманил аса разведки Бориса Савинкова. Якушев и Арапов водили за нос Шульгина: под неусыпным оком ГПУ он разъезжал по СССР, выявляя явки, а вернувшись, написал книгу «Три столицы», или «Возрождение России».

Вскоре все обнаружилось... В 1931 году Шульгин отошел от политики. На тот же манер, под маской «Треста»**, «Евразийцев»***, разделились с многими засылаемыми боевиками и их начальниками — Кутеповым, Миллером...

Провокаторы, предатели, генералы, полковники. Откуда? Почему? Одни спасали жен, детей, родителей; другие шли ради денег, положения, третьи — убежденно, из патриотических чувств... — обманутые!!!

* Оперпут Эдуард Оттович (он же Стауниц) — чекист. Бежал из СССР, установил связь с разведывательными органами иностранных государств, чтобы разоблачить ГПУ и заручиться их поддержкой.

** «Трест» — раскрывая в 1922 году монархическая организация МОЦР, использованная ГПУ в своих целях. Пресс-атташе эстонской дипломатической миссии в Москве был советским агентом, использовался для связи с Якушевым, Заянчковским, Потаповым (чл. МОЦР), в его сети попал и Шульгин, перешедший границу под именем Шварца.

*** «Евразийцы» — Георгий Фроловский, Петр Савицкий, Николай Трубецкой, Петр Свечинский. Мечтали открыть новые пути для послереволюционной России, доказывая, что Россия — не Европа, а широкое поле народов — славянских, азиатских, угро-финских, которое противостоит Европе и Азии и одновременно связывает их. Беслая эмиграция погрязла в косности, а большевики — зло, которое приведет к власти национальные слои российского общества.

Таким «идейным» провокатором стал генерал Скоблин... Так, спасая себя и своих близких, полковники Попов и Де Роберти по заданию ОГПУ 17 и 19 января 1930 года встречались с генералом Кутеповым в Берлине. Де Роберти, воспользовавшись кратким отсутствием напарника, предупредил Кутепова, что «Трест» — ловушка ОГПУ, и добавил, что на него готовят покушение через два месяца, и наконец попросил помочь перебраться с семьей за границу...

26 января начальник РОВСа генерал Кутепов, поняв, что похищен, стал душить сидящего слева от него гешеушника и был заколот ножом переодетым в полицейского французом Онелем*.

Немезида покарала и Де Роберти: 22 мая того же года он был расстрелян (чтобы «обрубить концы»). А в 1937 году были расстреляны главные организаторы убийств и похищений — Захар Моисеевич Якович, член посольства на рю Гренель, позднее помощник начальника секретного отдела ГПУ Паукера; расстреляна и жена Яковича — Александра Иосифовна: он — как германский шпион, она — как троцкистка.

Немезида!

Сменивший Кутепова генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер был похищен 23 сентября 1937 года. На машине отвезен в Гавр, посажен на пароход «Мария Ульянова», привезен в Ленинград, потом в Москву. Судим и расстрелян!

После похищения Миллера, ареста Плевицкой и бегства Скоблина господа офицеры поняли наконец, что начальник контрразведки РОВСа генерал Эрдели, подозревавший Скоблина в предательстве, был прав!

* Морис Онель — депутат-коммунист, перед смертью, облегчая душу, рассказал французскому историку Жану Элленстайну, что его брат, участвовавший в похищении Кутепова, был тем самым «полицейским», который заколот генерала ножом.

Глава вторая

КАК Я ВОЗГЛАВИЛ ОТДЕЛ КОНТРРАЗВЕДКИ НТСНП И ПОЛУЧИЛ ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

1

Энтеэсовцы, в основном бывшие кадеты, встретили меня хорошо. Сыграли роль прежний авторитет, материальное положение, красивая жена, костюм «с иголочки», золотые запонки, кольцо с рубином и, конечно, неизменные приглашения посидеть в «Москве»*, выпить чашечку кофе, «душлу»** шлиовицы или комовицы***, съесть пару пирожных...

Председатель Союза Виктор Михайлович Байдалаков и генеральный секретарь профессор Михаил Александрович Георгиевский (по кличке «Маг») отнеслись ко мне с подчеркнутой любезностью. Поначалу я удивлялся этому вниманию, но потом понял, в чем дело. Практичный и неглупый Дивнич жил у своих родителей в небольшом городе Вршац, где председателем русской колонии был мой двоюродный брат полковник Крамеров, женатый на дочери генерала от кавалерии Ивана Григорьевича Эрдели, занимавшего пост начальника контрразведки РОВСа. Он давно подозревал Скоблина и Плевицкую в предательстве и вел подспудную борьбу с непопулярным и бездеятельным генералом Миллером. Попытка обрести такого союзника, как Эрдели, казалась Исполнительному бюро НТСНП весьма заманчивой.

Незадолго до убийства Кирова в энтеэсовской газете «За Россию» появилась статья с призывом: «Нужно прежде всего убить Кирова в Петрограде, потом Сталина в Москве...» И вдруг —

* «Москва» — гостиница на Теразии (центр Белграда).

** Душла — двойная порция (около 150 г).

*** Шлиовица — сливовая водка, комовица — виноградная водка.

Свой среди чужих. В омуте истины

убит Киров! Белоэмигранты, относившиеся к «нацмальчикам» весьма скептически, резко изменили мнение. Насторожило это и югославскую разведку «Управу државной безбедности», а у правительства вызвал беспокойство призыв к террору.

В магазин, где я хозяйничал, потянулись русские: все-таки свой, не обманет, даст подешевле, откроет «версию»^{*}... Возникли новые знакомства, не говоря о дамочках и девушках, весьма интересные. В их числе писатель Шмелев; атаман Войска Кубанского генерал Филимонов — однофамилец отчима; бывший атаман легендарный генерал Шкуро; шеф русского отдела тайной полиции Губарев и т.д.

Зная, что я состою в НТСНП, атаман Филимонов открыл мне секрет: «Начальник 4-го отдела РОВСа генерал Барбович возмущен недобросовестностью руководителя по переброске террористов через румынскую границу полковника Жолондковского, который поначалу не отрицал причастности своих людей к убийству Кирова, а теперь смущен полным разгромом английской разведки, руководившей линией Жолондковского, и сообщением советской печати о расстреле в Харькове энтезосовцев Иропшников и Фроловского. Начальник 3-го Отдела РОВСа в Болгарии генерал Абрамов считает, что Жолондковский обманщик и тратит 5000 франков, получаемых от РОВСа, на свои личные нужды. Возмущен генерал Барбович и тем, что только сейчас узнал о расстреле в декабре 1934 года двух своих офицеров, посланных через Румынию, Дмитриева и Богдановича. Все они никакого отношения к убийству Кирова не имели. Поэтому связь с Румынией прерывается, а активный помощник

^{*} Версия — кредит, в долг (серб.).

и доверенное лицо ротмистр Альбин Комаровский занят тем, чтобы наладить связь с польской и турецкой разведками».

Все это я рассказал Байдалакову и Георгиевскому спустя несколько месяцев после убийства Кирова, в марте или апреле 1935 года.

Выслушав меня, Байдалаков рассказал, что неделю тому назад, придя после работы домой, он обнаружил, что в квартире побывали «гости»: рылись в вещах и бумагах, пропали два неотправленных письма, в которых он касался все более натягивающихся отношений НТСНП и РОВСа, обвиняя в этом «правую руку» генерала Барбовича Комаровского, который много обещает попусту.

После обстоятельной беседы с начальником русского отдела тайной полиции Николаем Николаевичем Губаревым пришли к выводу: взять под наблюдение недавно принятых в Союз членов из т.н. «офицерского звена», принять опытного в «сыске» агента Георгия Сергеевича Околовича, чтобы он «на уровне» организовал контрразведку, подобрав надежных людей

— Околович — сын жандармского офицера, у него «сыск» в крови; мне кажется он толковым, решительным и весьма проникательным; советую, Владимир Дмитриевич, с ним познакомиться поближе, — заметил «Маг». — А что касается Комаровского, то он вроде сделал предложение нашей Марии Дмитриевне Пепескул! Вы ее знаете.

— Может, сейчас он станет щедрей и начнет выполнять обещания? — усмехнулся я. На что они покачали головами.

2

На третий день пасхи я направился в клуб НТСНП, на Балканскую, 2. У лифта стояла Мария Пепескул — веселая, приветливая. Мы похристосовались, вошли в лифт и стали под-

ниматься на шестой этаж. Спросив, как я провел праздники, и не дослушав, она защебетала:

— А я вчера до упаду танцевала в Офицерском собрании. Так было весело! До глубокой ночи! Подошли мы к дому, я открыла сумочку — а ключей ни от подъезда, ни от квартиры нет! Ха-ха-ха! Разиня! Наверно, потеряла, когда пудрилась в уборной!

— А может, украли? Кошелек на месте?

— Нет, никто не выгащил! Когда я танцевала с Альбиной, я оставляла сумочку на столе. С нами ведь был еще доктор Личинский, а он не танцует. Пришлось будить бедную тетушку!

После недавнего разговора с Байдалаковым и Георгиевским эта «потеря» ключей в Офицерском собрании показалась мне подозрительной, и я решил поделиться своими сомнениями и, кстати, ближе познакомиться с Околовичем.

Георгий Сергеевич выслушал меня внимательно, чуть прищурившись, оценивающе измерил меня своими зеленовато-кариими глазами и, неторопливо проведя рукой по волосам, заметил:

— Мария Дмитриевна умная, интересная, волевая женщина, но она сейчас влюблена — значит, многого не замечает...

— Любовь зла, полюбишь и козла! — не удержался я.

— Мне сдается, что вы ухватились за ниточку. Теперь надо ее не выпустить из рук, и надеюсь, она приведет до чего-то весьма любопытного. Поможете мне, а?

— По мере сил! Вы ведь знаете, Георгий Сергеевич, что я работаю. Прихожу рано утром, перерыв на обед, и до вечера! После восьми вечера я к вашим услугам! Конечно, интересно, чем дело кончится, как распутать ниточку! Кстати, о ключах: Марии Дмитриевне придется заказывать новые или менять замок. Это учитывает, конечно, и ротмистр, и я полагаю, что он должен торопиться, — высказал я свое мнение.

Обо всем рассказали Байдалакову и Георгиевскому. Пепескул решили в операцию не включать, поскольку наблюдательный Комаровский может по ее поведению догадаться... и не были уверены до конца, что ключи взяты им.

— Я постараюсь узнать о планах Пепескул в ближайшие дни. Если вопрос идет о выемке, то нужно, чтобы отсутствовала и ее тетушка, — заметил «Маг».

В субботу Околович доложил Губареву*, что ротмистр Комаровский пригласил в театр Марию Пепескул и ее тетушку. У начальника русского отдела полиции, видимо, были основания не доверять Комаровскому.

После ухода Пепескул у ее квартиры устроили засаду. Около 10 часов три человека отперли дверь и вошли внутрь. А спустя несколько минут четверо здоровенных жандармов ворвались, сбили дубинками преступников с ног, надели наручники и повезли в знаменитую белградскую тюрьму Главнячу.

Участники неудавшейся выемки — доктор Линицкий и его два товарища, понимая, что могут стать калеками, во всем признались, назвав инициатором операции Комаровского. Начальник белградской полиции Драгомир Йованович направил наряд жандармов в театр.

Ротмистр Комаровский был арестован, судим и выслан из Югославии.

Губарев, перед его высылкой, вызвал Околовича и, назвав точную дату, когда «красный ротмистр» будет в отдельном купе подъезжать к границе, намекнул, что никто не усомнится в его самоубийстве...

Доктора Линицкого суд приговорил к двум годам тюрьмы, а его пособников — к шести месяцам.

* Губарев уже в то время был связан с абвером; впоследствии он стал одним из подручных знаменитого Скорцени.

Мария Пепескул, обиженная тем, что ее не ввели в курс готовящейся операции, заявила, что Комаровский ни в чем не виноват, и принялась чисто по-женски обвинять Георгиевского во всех смертных грехах: в масонстве, в разбазаривании средств, в нежелании сотрудничать с РОВСом и так далее...

Знала она много, поскольку являлась членом Исполнительного бюро НТСНП. Писать она умела, и непосвященному человеку ее письма казались убедительными. В Белград из разных стран посыпались вопросы...

Прошел месяц, она не унималась. Тогда «Маг» решил дать реванш.

Помню, Околович пригласил меня в кабинет, где обычно заседало Исполнительное бюро Союза; за столом уже сидели Байдалаков, Георгиевский, Дцвнич и бывший кадет хабаровского кадетского корпуса Гоша Перфильев, ныне председатель Югославского отдела НТСНП. Речь шла о том, как обезвредить Марию Пепескул, которая вносит раскол в ряды новопоколенцев, уже привлекла на свою сторону ряд людей из «офицерского звена» и в какой-то мере влияет на генерала Барбовича. Последний настаивает, что его адъютант не столь уж виноват и, конечно, никакого отношения к ОПТУ не имеет (хотя, как известно, при обыске его квартиры были обнаружены исчезнувшие письма Байдалакова и материалы, заинтересовавшие органы безопасности Югославии).

В ту пору я не имел понятия о борьбе разведок. Не мог представить, что начальник разведывательного отдела Генштаба полковник Углеша Попович и начальник полиции Белграда Драгомир Йованович находятся под влиянием комиссара гестапо при немецком посольстве баварца Ганса Гельма, сына мюнхенского извозчика, недоучившегося студента и любимца шефа гестапо Генриха Мюллера...

РОВС, сотрудничая с Сюрте, Интеллидженс сервис, румынской Сигуранцей, опасался идти на тесную связь с немецкими службами, к тому же абвер, СС, Имперская безопасность стояли на иных позициях.

— Владимир Дмитриевич! — обратился ко мне Георгиевский, — вы нам недавно помогли, надеюсь на вашу помощь и в дальнейшем! Сами видите, что Пепескул точно взбесилась: плетет небылицы про Виктора Михайловича, меня и многих других, кто с ней не согласен; уподобляется советским провокаторам, а их ГПУ заслало немало, поставив задачу разобщить эмиграцию, подстрекая на борьбу за призрачную власть, иллюзорное влияние и тем внося общий раздор не только среди левых и правых, но и среди военных организаций. Пример: «бунт генералов»* в РОВСе.

— Молодежи трудно во всем этом разобраться... — заметил я.

— Если так пойдет дальше и мы как-то ее не уйдем, она будет гадить дальше. К сожалению, к ней прислушиваются... Сделать это нужно умно и решительно! Вы, Владимир, приехали в Белград недавно, знают вас как человека принципиального, а о вашем участии в истории с разоблачением Комаровского ей не известно... Может, попробовать вам притвориться ее сторонником? Она цепляется за каждого человека, а вы для нее козырный туз! Ей известно, что вы в родстве с генералом Эрдели (который может сменить непопулярного Миллера).

Поначалу я отнекивался, но после долгих уговоров Байдалакова, Дивнича, Околовича мои сомнения рассеялись, и я взялся за «важную миссию» предотвратить раскол в НТСНП...

* Завербованный ГПУ генерал Скоблин сеял рознь, создавая оппозицию Миллеру и одновременно донося ему о ней. В результате генерал Туркул создал РНСУВ (Русский национальный союз участников войны). Солоневич собирал штабс-капитанов и т.д.

Так я провел, по сути дела, провокационную «отвратительную» операцию, с точки зрения гуманиста, и «дошлую» — по мнению разведчика...

В моей квартире на камине в гостиной установили закамуфлированный микрофон, а в сарае засели стенографистка, полицейский пшик и два энтеэсовца... Я вошел в доверие к Пепескул, вопреки ожиданию, легко.

Когда все было налажено, я пригласил ее к себе...

Георгиевскому она инкриминировала причастность к масонам, его несогласие устроить покушение на Литвинова, отказ пойти на связь с опытным болгарским разведчиком Буревым (тем самым Буревым, который помог председателю французского отдела НТСНП Поремскому взорвать несколько советских самолетов в Испании)... Обвинений было много, и все они в ее устах звучали убедительно. Закончила она тем, что объяснила наступившее охлаждение между РОВСом и НТСНП подспудной деятельностью генсека, которая не является секретом для моего родича генерала Эрдели.

Выслушав все это, я заявил, что являюсь сторонником решительных мер, и если все так, как она говорит, то профессора следует убрать!

В ту пору в эмигрантских кругах ходил настойчивый слух, что смерть генерала Врангеля была насильственной — денщик ему в еду подсыпал толченые бриллианты. И, недолго думая, я предложил этот вариант, выразительно поглядев на ее кольцо с бриллиантом.

— Хорошо, но кто и где это будет делать? — усмехнулась Пепескул. И я, прочтя в ее глазах настороженность, выругал себя за глупость. Тут же предложил устроить автокатастрофу, что понравилось ей больше, но она восприняла все сдержанно и вскоре распрощалась и ушла с сопровождавшим ее Черташем.

На следующий день, на основании этих материалов, был подан донос в белградскую полицию, где говорилось, что Пепескул и Черташ, видимо, завербованы советской агентурой, свившей гнездо в Четвертом отделе РОВСа, поскольку готовятся убить генерального секретаря Союза Георгиевского...

А на другое утро меня арестовали и отвезли в Главнячу. Вызвали на допрос лишь на третьи сутки: за столом в большом кабинете восседал начальник полиции Драгомир Йованович. На мой вопрос, почему я арестован, он резонно ответил:

— Согласно данным, расшифрованным стенографисткой и подтвержденным свидетелями, виновата не одна сторона: вы провоцировали Марию Пепескул, когда предложили свою помощь убрать профессора Георгиевского, как это сделал с бароном Врангелем его денщик...

— Мне поручили узнать, на что может пойти эта женщина. Вся операция была проведена ради Георгиевского, который опасается за свою жизнь.

— Тем не менее... роль обвиняемых пассивна...

Меня снова отвели в камеру. Шагая в сопровождении жандарма, я решил, что за Пепескул, вероятно, заступился генерал Барбович.

Однако, как выяснилось впоследствии, все было намного сложнее: завербованному немцами Драгомиру Йовановичу выпал удачный повод, воспользовавшись недостаточной убедительностью обвинения, повлиять на руководство НТСНП и заставить работать на себя, верней, на немцев!

До 1937 года в Югославии работал VI отдел РСХА и, разумеется, осведомительная служба министерства Риббентропа; главным уполномоченным нацистской разведки по Югославии был Карл Краус Лот, но он оставался в Берлине, а в Загребе был его представитель — Руди Коб. В непосредственной связи с ним

были Макс Борхард, Герхард Хибнер и красавица Лина Габель. Канарис, верный своим принципам, называл РСХА ватагой любителей, считая, что нужно получать «ощутимые данные», а не о том, «кто что болтал и кто с кем спал»...

Ничего этого я в ту пору не знал...

Прошло десять дней. Байдалаков и Георгиевский, понимая опасность назревавшего скандала, грозившего подорвать престиж Союза, обратились за помощью к высокому правительственному чину Джуре Чирковичу.

Отчим, в свою очередь, попросил заступиться за меня бывшего городского голову Белграда, чей загородный дом снимал в аренду. По их ходатайству дело было прекращено: меня выпустили, а Марию Пепескул и Ивана Черташа выслали из Белграда...

Молодежь, особенно энтезосовцы, встретили меня как героя; старшее поколение — скептически, а у меня самого на сердце лежал камень...

Вскоре руководство Союза (в основном «Маг») связалось с польской, а потом с японской разведками.

Проведя предварительную подготовку с будущими «террористами» из НТСНП, Околович со всей группой уехал в Польшу. Прощаясь, он попросил меня занять его пост. На том же настаивали Байдалаков и Георгиевский, Дивнич и Перфильев.

Победило любопытство: что может быть интересней секретных материалов, собранных по всей Европе, проясняющих интриги, грязные махинации, предательства, кровавые дела, а нередко и героизм, борющихся в глубокой тайне разведок, партий, обществ...

В центре Белграда, напротив знаменитой гостиницы «Москва», шестой этаж большого дома на Балканской занимает НТСНП. Большая прихожая, просторный зал на 80—100 мест,

позади него комната для заседаний Исполбюро, напротив нее кабинет председателя, машинописное бюро, отдел пропаганды, гостиная, превращенная во временную спальню для «бездомных» и приезжих новопоколенцев, и, наконец, напротив прихожей большая, видимо, кухня, туалет, ванная и в сторонке, похожий на чулан, кабинет контрразведки. Стены его уставлены полками, на них громоздятся папки под номерами. В углу негостраемый шкаф, где хранятся несколько пистолетов, в другом углу два стула и небольшой стол.

По вечерам прихожу в клуб и, снедаемый любопытством, знакомлюсь с самыми напумевшими событиями последних лет, происшедшими в русском зарубежье. Встречается разное: кое-когда материал построен на домыслах, но чаще зиждется на данных, полученных или выцарапанных из анналов многих разведок — чаще французской «Сюрте-2». Они интересуются, а порой и сотрудничают с русскими молодыми людьми, готовыми вести борьбу с весьма опасной Россией. ОГПУ засылает своих людей за границу в больших количествах, работают они неплохо и, умело используя тех же эмигрантов, достигают своих целей. Самые интересные данные посылали из Парижа Владимир Поремский, близко связанный с «Сюрте-2», и Столыпин (сын великого Столыпина), потом Вюрглер из Варшавы — источник «Двуйки»; Завжалов из Софии, работавший в дружном контакте со шпионом международного класса Буревым: Субботин, черпавший сведения из Берлина; Лукницкий, связанный с Сигуранцей, из Бухареста; Ольгский — будущий глава разведки НТС, из Бельгии. Все эти люди приезжали в Белград, знакомились со мной, чтобы вести дальнейшую переписку, поскольку получаемые мной со всех концов сведения порой были весьма ценными. К тому же со мной делился секретной информацией шеф русского отдела тайной полиции Николай Николаевич Гу-

барев. Встречам я обязан его жене-сербке, которой нравилось со мной танцевать...

Постепенно я набирался знаний и приобретал опыт в секретной службе..

В 1936 году в Испании началась гражданская война. Генерал Франко, поддерживаемый нацистской Германией и фашистской Италией, начал боевые действия против Народного фронта. Советский Союз тут же организовал помощь, посылая «добровольцев» и военную технику. Поплыли караваны судов по Средиземному морю. Франция и Англия держали фиктивный нейтралитет, побаиваясь «красной заразы». Заволновалась русская эмиграция, а с ней и НТСНП. Первым отличился Поремский, который с двумя энтеэсовцами пробрался в Испанию и взорвал два советских самолета!

Вскоре после этого меня пригласил Губарев:

— Разговор у нас будет конфиденциальный, Владимир Дмитриевич! — начал он, указывая мне на кресло. — Прощу!

— Я вас слушаю, Николай Николаевич!

— Хочу попросить вас подыскать мне толкового парня, желательно не очень связанного с Белградом, чтобы направить его в Улцин.

— В Черногорию? — удивился я.

— Порт, как известно, расположен неподалеку от Албании, куда заходят советские суда, направляющиеся в Испанию.

— Зачем им делать такой крюк? А что будет делать человек в Улцине?

— Может быть, для камуфляжа?.. Мало того, суда нередко становятся на рейд, под разными предложениями, в Улцинском порту. Вот это надо прежде всего выяснить. Заплывом в наши воды советских судов заинтересовалась УДБ (Управа државной безбедности).

— Каким образом?

— Сами понимаете, я этого не знаю... Главное — нам нужен надежный, неглупый русский человек. А как ему действовать, будем решать с ним...

Я подумал о Бржестовском, которому, после неудачной попытки перейти польско-советскую границу, удалось, в отличие от Бережного, отстреливаясь от пограничников, вместе с тремя проводниками вернуться в Польшу, а оттуда в Белград. Я предложил его кандидатуру. Губарев нашел ее подходящей.

Невмешательство Англии и Франции дошло до того, что Италия и Германия беспрепятственно снабжали войска Франко боеприпасами и военными частями; закрывали глаза на то, что итальянские подводные лодки все чаще торпедировали советские корабли. Очевидно, ОГПУ принимало меры, чтобы точно знать, куда, когда и откуда выходят подводные лодки на «охоту». Значит, в портах сидели их осведомители.

Губарев предполагал, кто является советским агентом в Улцине... И Бржестовскому надо будет выявить его... и найти к нему подход.

3

22 сентября 1937 года был похищен большевистской разведкой генерал Миллер. Печать сообщала, что исчез и командир Корниловского полка, участник похищения, генерал Скоблин и арестована его жена — известная певица Надежда Плевицкая. Сообщения газет были противоречивы...

Пост начальника РОВСа занял генерал Абрамов, издав приказ: «...В Париже исчез 22 сентября 1937 года начальник Русского Общевоинского Союза генерал Миллер.

Допуская возможность предательского покушения со стороны врагов, я как первый заместитель, вступаю в исполнение

должности начальника РОВСа с сегодняшнего дня. Одновременно оставляю за собой пост начальника III отдела в Болгарии и Турции, с резиденцией в Софии».

Эмиграция волновалась: «рука Москвы» могла схватить каждого, кто ведет борьбу с советской властью. Членов Исполбюро по вечерам сопровождал вооруженный энтеэсовец...

На мой запрос Поремскому, который должен быть знаком с подлинной историей похищения или убийства генерала Миллера, ответ пришел с большим опозданием:

«Дорогой тезка! Исчезновение очередного генерала — дело настолько запутанное и темное, что в нем не может разобраться даже Сюрте, не говоря уж о нашей “merveilleuse police criminelle”*. Подробности тебе известны из печати... Но встает ряд вопросов: как мог осторожный Миллер попасть в ловушку?.. Как удалось уговорить его Скоблину пойти на свидание?.. Ведь Миллер до конца не доверял “своему другу” Скоблину, раз оставил ближайшему помощнику генералу Кусонскому запечатанный конверт с просьбой: “Вскройте, если вовремя не вернусь”. В половине одиннадцатого вечера, когда в семье генерала Миллера началась паника, вызванная его отсутствием, Кусонский вспомнил о конверте и прочитал: “У меня сегодня в 12 час. 30 мин. свидание с ген. Скоблиным на углу улиц Жасмен и Раффе. Он должен отвести меня на свидание с германским офицером, военным атташе в балканских странах Штроманом Вернером и чиповником здешнего германского посольства. Оба хорошо говорят по-русски. Возможно, это ловушка, потому, на всякий случай оставляю эту записку 22 сен. 1937 г. Ген.-лейт. Миллер”.

* Замечательной криминальной полиции (франц.).

И снова millequestions!!!* Миллер хорошо говорил по-немецки Он знал, что “Штротман” в переводе на русский — Пугало, Страшилище... и надо думать, ему были известны фамилии военных атташе на Балканах; не мог он не знать, что Вернера-югослава убили неизвестные лица сразу же после похищения генерала Кутепова... Вызывает недоумение, почему Кусонский спохватился так поздно — уже после звонка семье генерала?.. Почему тот же Кусонский, Шатилов, адмирал Кедров и полковник Мацьцлов, разыскавший Скоблина в отеле “Паке”, обсуждали происшедшее до двух часов ночи, дав тем самым ускользнуть Скоблину? Логика говорит, что, прочтя письмо, генералы, еще прежде чем разыскивать Скоблина, должны были заявить об исчезновении их шефа в полицию или сделать это после невразумительных объяснений почему-то не ночевавшего дома Скоблина... Разгадать эту тайну не сможет ни Шерлок Холмс, ни Мегре, ни твой Губарев... С сердечным приветом, твой Владимир Поремский. 20 октября, Париж».

Прочтя это письмо, я задумался: «Как тонко он все продумывает... Вот у кого надо учиться!»

Все эти события напугали и насторожили «активистов», ведущих борьбу с большевизмом, и сделали их недоверчивыми и слишком осторожными. Тем более, что в РОВСе разразился еще один скандал: не прошло и полгода, как его новый начальник генерал Абрамов подал в отставку и передал руководство генералу Архангельскому. Причиной тому был его сын Николай — оставшись в Советском Союзе и не имея возможности получить образование, он стал матросом... и, когда его судно прибыло в Гамбург, он попросил убежища и оттуда приехал к отцу в Софию.

* Тысяча вопросов (*франц.*).

Генерал поверил «легенде» сына и взял его в разведку РОВСа. И вот теперь начальник «Внутренней линии» капитан Фосс разоблачил Николая Абрамова как советского шпиона!.. Примерно в то же время португальская пресса сообщила, что неизвестными лицами убит генерал Скоблин...

4

События надвигались. Все это понимали.

Вся Европа была охвачена волнением. Фашизм набирал силу. Профашистская политика воцарилась и в Югославии. Сколачивались фашистские и профашистские партии. Появился и вождь «Русской фашистской партии» красавец Вонсяцкий (покоривший «королеву кофе» и ставший мультимиллионером).

НТСНП готовил для изучения новый конспект «Еврейский вопрос».

Нашумел в конце октября и судебный процесс в Берне по поводу издания «Протоколов сионских мудрецов». А вслед за тем — книга В.Л. Бурцева «Протоколы сионских мудрецов — доказанный подлог»... Заговорили об иудомасонах: что именно они «снова тянутся к спусковому крючку войны!»

...Вспомнили старый спор «Последних новостей» с «Возрождением» и пространный ответ Шульгина на статью Литовцева («Последние новости» 29 мая 1928 г.), в котором он предлагает русской эмиграции решить русско-еврейский вопрос и «перейти на новые рельсы»! — в виде целой книги «Что нам в них не нравится». И спустя десять лет ее перечитывали, а кто не читал (в их числе и я), с интересом за нее взялись; недаром многие считают эту книгу Василия Витальевича самой мудрой. Эпилог ее таков:

«Заканчивая эту книгу, я хочу резюмировать ее как можно короче. Делаю это в той форме, которая диктуется поставленным Литовцевым вопросом: “Что вам в нас не нравится?”»

Отвечаю: “Хотя мы сами злы как демоны и слабы как дети, но нравятся нам сила и добро. Мы и друг друга ненавидим именно за то, что во всех нас — бессильное зло. Вы — уже сильны! Научитесь быть добрыми, и вы нам понравитесь...!”

Да будет так! Аминь!”»

В 1938 году споры о жидомасонах вызвали и другую реакцию. Совсем для русских неожиданную. Шоковую!

По постановлению Леона Блюма из Франции была выслана группа «нежелательных лиц» без объяснения причин — генералы Туркул, Кусонский, Шатилов, Кочкин, капитан Ларионов, ротмистр Баранов, журналист А. Суворин. А незадолго до того «Русская ложа» (масоны, входящие в «Великий Восток Франции») была объявлена на время «уснувшей»!

Вспомнив утверждения Марии Пепескул, что Георгиевский — масон, я решил добраться до истины и все чаще провозжал, в качестве охранника, профессора домой — жил он «за мостом», в небольшом городке Земун.

«Маг» привык, пожалуй, даже привязался ко мне и все чаще приглашал на конфиденциальные встречи с рядом лиц (начиная с Губарева). В минуты откровенности, а они естественны после напряженного разговора, он делился со мной мыслями, соображениями, прошлым...

Неожиданно в Белград из Парижа приехал Терещенко и пригласил Байдалакова и Георгиевского на квартиру графа Голенищева-Кутузова. С ними поехал и я; и хотя меня усадили в соседней комнате, я услышал, что бывший министр Временного правительства связан с рядом крупных политических деятелей Англии, Америки и Франции, что хочет быть полезным НТСНП, поскольку Союз подходит им по своей программе...

— Я готов оказать материальную поддержку. Если вы согласны, нам остается «познакомиться» поближе!

Что на это ответил Байдалаков, я не слышал: видимо, он сидел спиной к двери, да и говорил тихо, в отличие от Терещенко и Георгиевского. У профессора была необыкновенно четкая дикция:

— Закрытый сектор НТСНП должен оставаться засекреченным. Это мое глубокое убеждение. Достаточно вспомнить смехотворную попытку устроить покушение на Литвинова в Женеве на заседании Объединенных Наций «в складчину»! План разрабатывали генералы Миллер и Шатилов и председатель лионского отделения нашего Союза капитан Рачковский, парижский кружок «Белая идея» Ларионова, ксюнинский «Комитет содействия», «Республиканский центр» — это, сами знаете, — Гучков, Ладыжинский, Маслов. На организацию теракта было собрано десять тысяч франков, нашлись и смелые ребята — Рудич и Евреинов...

— Михаил Александрович, — перебил профессора Терещенко, и в его голосе прозвучало недовольство, — вы, помнится, это начинание категорически отвергли?

— Совершенно точно! Потому что тайной полиции Швейцарии стало известно о готовящемся покушении и был даже разработан план «схватить преступников в последний момент»... нет, нет!.. извините, откуда я получил сведения... нет! Сами понимаете, о таких вещах не говорят.. Примером безнадежности подобной «складчины» была попытка убить Троцкого... За несколько дней до покушения Лева переселился в Мексику из Принцевых островов...

Скрипнула дверь, я подошел к окну, делая вид, что не заметил вошедшего Голенищева-Кутузова...

— Простите меня, ради Бога, заставил вас ждать: никак не можем решить мировые проблемы! Ха-ха-ха!

Он был выше среднего роста, шатен, серовато-зеленые глаза смотрели на меня оценивающе. Смех фальшивый... И все же в нем чувствовалась какая-то уверенность, сила.

Не успел я что-то ответить, как в комнату вошел «Маг». Кисло улыбнувшись, он посмотрел на нас, потом вытащил из жилетного кармана часы и обратился к хозяину:

— Большое спасибо за гостеприимство, за добрые слова. Надеюсь, как договорились, проводите Михаила Ивановича. Милости просим ко мне, вот, прошу! — и протянул свою визитную карточку. — Если разрешите, на этой неделе я к вам зайду, чтобы не откладывать дело в долгий ящик.

Прошла томительная минута, пока наконец появились высокий и довольно грузный Родзянко и стройный Байдалаков. По их лицам ничего нельзя было прочесть, разве только то, что у бывшего министра глаза глядели куда-то в сторону, когда он сухо прощался.

Протягивая Терещенко руку, я сказал:

— Михаил Иванович, вы, конечно, меня не помните: я был еще мальчиком, но двадцать лет тому назад вы гостили в нашем доме!

Он удивленно вытаращил на меня глаза.

— Вы приехали, чтобы заключить контракт с моей матерью на аренду земли под свеклу, со своим нотариусом и агрономом Филимоновым в село Бандуровку Александрийского уезда.

— Виктором... Виктором... Бандуровка!..

— Василием Викторовичем! — подсказал я. — Будущим моим отчимом.

— Точно, точно. Вспоминаю, ночевали у вас: надо было подковать лошадей. Неужели ваша красавица-матупшка выбрала его в мужья? Вот так дела! Кланяйтесь ей от меня! — и его лицо расплылось в улыбке.

Когда мы вышли и, подхватив такси, уселись, я рассказал, что богатый киевский сахарозаводчик Терещенко арендовал у нас более тысячи десятин земли. Его управляющий Филимонов, мой будущий отчим, был весьма деловым, энергичным человеком; года два тому назад он обратился к Михаилу Ивановичу с просьбой одолжить какую-то сумму денег, но не получил даже ответа. Вот таков этот масон!

— А мне он предложил вступить в ложу, обещая через три месяца возвести в третью степень! Все они — Гучков, Милюков, Родзянко и, конечно, Керенский, хотят прибрать к рукам наше молодое поколение. С младороссами это им, кажется, удастся — их вождь Казем-Бек одновременно исполняет обязанности министра иностранных дел у так называемого императора Кирилла... О Керенском мы еще поговорим. Он, видимо, получил какое-то задание от «старших братьев», о чем намекали и Родзянко, и Кутузов!

Георгиевский только хмыкнул и потом что-то проворчал себе под нос. Байдалаков повернулся к нему:

— Вы что-то хотели сказать, Михаил Александрович?

— Полагаю, что Голенищев-Кутузов сделает мне такое же предложение!

Через несколько дней я узнал, что Голенищев-Кутузов явился к Георгиевскому с официальным визитом и сделал предложение вступить в масонскую ложу, уверяя, что только в этом случае перед ним откроется широкое поле деятельности, а также предложил переправить его с семьей в Италию, где им окажет существенную поддержку миллионер Фарини. Примерно тогда же председатель югославского отдела НТСНП бывший кадет Гоша Перфильев, сидя со мной в ресторане «Москва», поделился «последней новостью»:

— На этой неделе у Ксюнина* был очередной прием. К нему приехали Гучков и Маслов**. Вчера пригласили на совещание Виктора Михайловича, Михаила Александровича и меня. Пришел и Василий Витальевич Шульгин. Он-то больше всех распинался.

— Что? Земельная реформа? — усмехнулся я.

— Нет, другая песня... Явно инструкторованный Ксюниным, всячески уговаривал меня изменить характер нашей газеты и рекомендовал НТСНП завязать связи с «Крестьянской Россией»... Одним словом, они хотят нас использовать как резервуар молодой силы для своих целей!.. Свержение советской власти он представляет себе не иначе, как при помощи иностранцев: главные надежды возлагает на немцев и твердит о том, что надо действовать в направлении обеспечения себе немецкой поддержки.

— И как вы на это смотрите? Может, он прав?.. Шульгин не дурак! По-моему, и Виктор Михайлович такого же мнения. Всячески ему противится только «Маг».

— Слушай дальше: Шульгин принес свою книгу «Пояс Ориона» и просил как-нибудь протолкнуть ее в высокие немецкие круги; в ней речь идет о создании единого целого из трех «звезд»: «Пояса Ориона» — Германии, Японии и России. Этот «Пояс» может опоясать весь мир и проводить свою политику! Подданные трех стран пользовались бы одинаковыми правами. Тем самым в России началось бы не стесняемое никакими ограничениями хозяйствование немецкого и японского капитала. Начиная с передачи совхозов и прочих земельных угодий.

* Александр Иванович Ксюнин — председатель Союза журналистов и писателей в Белграде.

** Сергей Семенович Маслов — экономист, руководитель партии «Крестьянская Россия», издатель в Праге.

— И, конечно, угля, нефти, золота, металла! Ай да Шульгин!!! И это после его книги «Что нам в них не нравится»?! — заметил я.

— Неужто и он стал масоном? Неужто и его уговорили?!

— Вряд ли он знает, что масоны преувеличивают свое могущество, дабы омалодушить противников и ободрить наперсников! — резюмировал Гоша, любивший пофилософствовать.

— Кстати, у Шульгина сын Дмитрий живет в Любляне, развел такую деятельность! Он ведь наш энтезовец! Организовывает закрытые и публичные собрания, где выступает с докладами.

— Он что, папашин ученик?

— Читай «Отцы и дети», дорогой Володя! — Перфильев поглядел на часы. — Пошли?

В клубе нас ждал сюрприз. Байдалаков, что бывало с ним редко, расхаживал по залу, весь красный; увидев нас, подхватил под руки и повел к себе. Присев на край письменного стола (что вовсе не было его привычкой), заговорил:

— Идет наступление по всему фронту! На этот раз прибыл эмиссар польского правительства Владимир Владиславович Степневский — масон, я уж не знаю какой степени и какой логи, и официально предложил вступить тайно Исполнительному бюро НТСНП в «Объединенный эмиграционный комитет», находящийся в США, созданный для общего руководства активной борьбой с Советами. Его председатель Керенский близко связан с Черчиллем, который лично представил его Рузвельту, и они оба клятвенно обещали комитету оказывать всяческое содействие... Потом этот тип посулил крупную сумму денег, на полном серьезе, в случае нашего согласия, признать претензии Польши на Литву и Галицию и перевести свою деятельность на масонские рельсы... Вот так, господа, действует Саша Керенский! И надо

полагать, что ему это часто удается. Уж слишком самоуверен и беззастенчив был Степневский!

— Керенского многие недолюбливают, не говоря уж о «правых». Хорошо бы собрать компромат и напечатать, — заметил Перфильев.

— Объявить войну? — Байдалаков поглядел на Гошу, потом на меня.

— Может, сделать это похитрее? А?.. Как вы думаете, Владимир? — Он впервые назвал меня по имени. — Думаю, вы правы! Собрать материал и отослать ему, чтобы понял: нам войну объявлять опасно!

— Вполне с вами согласен. Напишите Субботину в Берлин, Вюрглеру в Варшаву и, конечно, Поремскому; всем, с кем имеете по своей линии связь. Саша — личность темная...

5

Будущий министр юстиции, а после «июньских дней» министр-председатель и верховный главнокомандующий, Александр Керенский к 1912 году стал не только преуспевающим адвокатом, но и масоном.

В тот же период в Москву прибыл в качестве вице-консула Великобритании некий Локкарт (Роберт Брюс): молодой дипломат, разведчик, масон. Веселый, общительный, спортсмен, лишенный английской чопорности, быстро научился русскому языку, приобрел русскую любовницу, стал разъезжать на лихачах, пить шампанское в «Стрельне»... перед ним широко раскрылись двери многих купеческих гостиных, где (по его словам) «можно было встретить дочь анархиста Кропоткина и графиню Клейнмихель...»

Летом 1917 года Локкарт часто бывает в Петербурге, встречается с Керенским, Милюковым, Савинковым, Черновым, Маклаковым, Львовым, Терещенко, Гучковым...

На какое-то время он возвращается в Лондон, беседует с лордами Милнером, Керзоном (старыми покровителями), а на другой день два часа беседует с глазу на глаз с Ллойд-Джорджем. И снова Петроград. Керенский (Аарон Кирбис) к тому времени уже сделал все, что мог: по его настоянию правительство арестовало царскую семью!

7 (20) марта он заявил: «Николай в моих руках... Маратом я не буду, под моим личным наблюдением он будет отвезен в гавань, а оттуда на пароходе в Лондон».

Локкарт уверил его, да и он сам понимал, что Ллойд-Джордж никогда этого не допустит... Режим семьи императора тоже устанавливал Керенский. «Преднамеренная жестокость была принята по моей инициативе, в основе которой лежала мысль получить таким способом возможность ДОБЫТЬ ВИНУ Николая и Алисы перед страной».

Услыхав, что императрица уничтожает документы, при помощи Вырубовой, он прибыл лично, чтобы ее арестовать и отправить в крепость: больную Вырубову подняли с кровати и увезли сначала в министерство юстиции, а оттуда в три часа ночи полковник Перетц и вооруженные юнкера отвезли в Петропавловскую крепость.

Вырубова пишет: «Потрясли не Кирбисы и Перетцы, а озверевшие русские солдаты и рабочие, доходящие до изуверства! Лучших убили, осталась сволочь!.. неужто так легко можно внушить сатанинскую злобу?!» И дальше: «...миновав ворота крепости, подъехали к Трубецкому бастиону. Полковник Перетц крикнул, что привезли двух важных политических преступниц (Вырубову и Сухомлинскую). Нас окружили солдаты... Меня толкнули в темную камеру и заперли. На кровати лежал волосяной матрац и две подушки. И тут вошел ужасный мужчина с черной бородой, с грязными руками, преступным

лицом, окруженный толпой наглых, отвратительных солдат. Они сорвали тюфяк с кровати, убрали вторую подушку и потом начали срывать с меня образки, золотые кольца. Этот субъект заявил мне, что он здесь вместо министра юстиции и от него зависит установить режим заключенным. Впоследствии он назвал себя: «Кузьмин, бывший каторжник, пробывший 15 лет в Сибири...»

Таких «заместителей» выбирал себе Керенский! Как мог влиять такой преступный тип на солдат?!

«...Когда солдаты срывали золотую цепочку от креста, они глубоко ранили мне шею. Крест и несколько образков упали мне на колени. От боли я вскрикнула, тогда один солдат ударил меня кулаком и плюнул в лицо... от изнеможения и слез я начала засыпать под насмешки и улюлюканье наблюдавших в окошко солдат...» — Как без боли читать эти строки?!

Нужны были Керенскому и другие кадры... Был выпущен на свободу обвиняемый в экономическом шпионаже еврейский цадик Рубинштейн — бывший банкир царицы, благодаря Распутину и его секретарю Симановичу; петербургский банкир Дмитрий(?) Рубинштейн — друг и заступник целого ряда киевских евреев-сахарозаводчиков, шпионов, начиная с Хепнера и кончая Львом Бродским, о котором, спустя год, народ распевал:

Чай Высоцкого, сахар Бродского,
А Россия — Лейбы Троцкого!..

Освобождены Керенским и Лев Троцкий, А. Луначарский и прапорщик Крыленко.

Тогда «Иуда из Керенска» стал «Пилатом».

И, наконец, одним из последних его деяний на высоком посту было предательство Верховного главнокомандующего Кор-

нилова, который задумал, поначалу не без согласия Временного правительства, навести порядок в армии и тылу, покончить с бесчинствами, вплоть до применения смертной казни.

26 августа (8 сентября) Корнилов, через Львова, предложил подать в отставку правительству со всеми министрами, начиная с Керенского. Спустя два дня атаман Войска Донского генерал Каледин предлагает Керенскому принять условия Корнилова, в противном случае Каледин отрежет их от снабжающего юга.

Началась бешеная агитация корниловских частей: «Товарищи! Неужели вы с предателем революции Корниловым, который со своими офицерами и генералами хотят войны, которая дает им чины и награды? Товарищи! Керенский вывел вас из-под офицерской палки! Керенский за мир! За то, чтобы вы скорее разъехались по домам и получили землю!»

С другой стороны агитировали уставшего от войны и окопной жизни солдата и умелые агитаторы: большевики, меньшевики, эсеры — среди них уже освоившиеся 257 эмигрантов, прибывшие из Финляндии в конце мая (Луначарский, Аксель, Рязанов, Мартов, Кон и др.)... А также, как ни странно, прибывшие в конце мая в Петроград открыть 7-й Всероссийский съезд сионистов (входящий в состав Всемирной Сионистской Организации) — поскольку, будучи верным орудием еврейского капитала, они делали ставку на Антанту, впрочем, как меньшевики и эсеры, представляющие интересы мелкой буржуазии.

Так Керенский разделялся с теми, кто мешал сценарию: сослал всех Романовых, чтобы потом в тиши с ними покончить, уничтожил цвет русского офицерства и запрятал в тюрьмы и крепости всех ему неудобных и опасных...

Спецслужба Германии завязала контакты с группировками эсеровского толка. По данным охраны, наряду с масонской деятельностью, Керенский стремился объединить радикальные

силы интеллигенции вокруг псевдонароднических журналов «Заветы» и «Русское богатство». В то время он состоял юрисконсультом в немецкой фирме «Шпан и сыновья».

Керенский становится заметной фигурой. 26 января 1916 года товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий сообщил дворцовому коменданту В.Н. Воейкову, что бойкий адвокат располагает значительными средствами. «Ввиду сего, — резюмирует Белецкий, — а также имеющимися точными данными о полном отсутствии средств у революционеров, действующих внутри страны и за границей, была произведена тщательная проверка личного материального положения Керенского в целях исследования источника, дающего ему возможность располагать такими средствами».

Ссылаясь на ряд косвенных, но довольно веских обстоятельств, высказывалось предположение о получении крупных сумм от «внешних врагов» для «организации революционного движения в пределах империи». Известно, что Керенский первым получил в Петрограде «Германское воззвание о мире», сфабрикованное в Копенгагене и Стокгольме. По его признанию в узком кругу, у него якобы имелась копия письма Николая II Вильгельму с предложением мира.

Охранке были известны контакты Керенского с эмигрантами: эсером Цевиным, живущим на средства Австро-Венгерской разведки, с Черновым-Натансоном, Камковым, Зайоницем, Диккером, Шаншлевичем, получавшими германские субсидии. И после своего отъезда* — не бегства — из России Керенский не нуждался и, наверное, не будет до самой смерти нуждаться: будь то марки, франки фунты или доллары! Керенский по-прежнему

* Сербские документы дал ему Локкарт. Выехал Керенский через Архангельск.

встречается с Локкартом, издает журнал «Новая Россия», побывал в США, где Ллойд-Джордж представил его Рузвельту. Президент принял брата-масона и лидера «Внепартийного демократического объединения» хорошо.

И Саша собирается переселиться в Америку, где и денег будет больше, и возможностей собрать под свое крыло как можно больше русских эмигрантов, чтобы они не мешали в будущем проводить в Советском Союзе свою политику...

6

Всю эту писанину я передал Байдалакову, в душе удивляясь, что его интересует человек, уходящий в историю, сейчас, когда события в мире разворачиваются в бешеном темпе. В Европе царит фашизм, немцы по условиям Компьенского перемирия оккупируют большую часть Франции; итальянцы захватили Британскую Сомали, а японцы — южную часть французского Индокитая...

Февраль сорок первого года отсчитывал свои последние дни, когда Ара Ширинкина, одна из наших машинисток, заглянув ко мне в «кабинет», сказала:

— Володя, вас просит Виктор Михайлович! — Ласково поглядев мне в глаза, добавила: — Сегодня вечером я свободна: сказала, что иду в театр. Читать Есенина будем?

— Обязательно, Арочка! — Как можно не уступить этой гимназисточке?

Байдалаков встретил меня оценивающим взглядом. Плотный, с высоким лбом, черными бровями и усиками а-ля Гитлер, красиво очерченным носом, в добротном сером костюме, он производил впечатление. Поднявшись, протянул руку, щелкнул каблуками и наклонил голову:

— Здравствуйте, Владимир Дмитриевич! Прочел — обстоятельно, убеждает... Спасибо!

— А зачем вам, Виктор Михайлович, извините за любопытство, понадобилась характеристика этого подлеца?

— Его душок чувствуется повсюду до сих пор! — Байдалаков устремил глаза в пространство (он любил пофилософствовать) и неторопливо продолжал: — Вечное движение во вселенной подчиняет природу, а с ней человека, к цикличности, ибо земные явления связаны с небесными часами; гармонии сменяют катаклизмы, а в психике людей возникают хаосы: смелость, патриотизм, набожность, любовь сменяются трусостью, космополитизмом, атеизмом, ненавистью... Цикличность экономической конъюнктуры, великих войн, внутренних неурядиц, смут, революций выводят на мировую сцену великих тамерланов, петров, кромвелей, маратов, наполеонов, а с другой стороны — керенских, лениных, сталиных, гитлеров... Одни ведут свои народы к процветанию, свободе, добру. Другие, пользуясь самодержавно-деспотической или «революционной» властью, силой, обманом превращают народ, впавший в эйфорию, в жестоких убийц!

— Этим «другим» помогают, а может, ведут темные силы, делая все, чтобы лишить людей здравого смысла: то приобщая к пьянству, наркотикам, разврату, то направляя к лжепророкам, спиритам, прорицателям, магнетизерам-теософам, а то и к самому дьяволу!.. А бороться с этими темными силами не просто! Вечная проблема! — подхватил я и безнадежно махнул рукой.

— Все это так. Но бороться надо! Поэтому, Владимир, вас и пригласил. Но сначала вынужден задать один деликатный вопрос: вы действительно разошлись с Анной Васильевной?

— Если я что-то решаю, то бесповоротно!

— И еще. Правда ли, что вы сейчас, вроде, безработный?

— Мы не сошлись с отчимом, у которого я последние два года работал заведующим в одном из его мясных магазинов: не устраивали дивиденды, возмуцало, что «раздаю товар».

Байдалаков недоуменно расширил глаза; они у него были светло-карие, выразительные, — недаром женщины считали его неотразимым красавцем!

— Как не дать кусок мяса, колбасы или шкварок едва сводящей концы с концами русской женщине, у которой на попечении две дочери-гимназистки; не сделать вид, будто ничего не заметил, когда старик-полковник, отвоевавший на германском фронте, а потом с красными, тянется дрожащей рукой к миске с мелочью, чтобы взять несколько динар?.. В результате — конфликт! Наговорили много лишнего... тем более отчим был не совсем трезвым... Мать, сводная сестра Галина, брат Николай за меня горой... И все же — я безработный, правда, не голодный. Мать упорно посылает с шегертами* судки с обедом и ужином. Так и живу... В провинцию ехать не хочется, а в Белграде, сами понимаете, никто не возьмет молодого инженера-геодезиста, да еще русского!

— Понятно! Потому и хочу предложить поехать на какое-то время в Париж.

— В Париж? — Молнией промелькнуло в голове: «Там Ниночка!»

— Конечно, шаг рискованный. После оккупации там спокойно. Мало того, возникают, вернее, намечаются очаги под названием «Резистанс» — Сопротивление... в том числе, как ни странно, среди русской эмиграции, даже самой правой!

— Ничего удивительного. РОВС с фашистами сотрудничать не хочет, младороссы тоже... Деникину, говорят, предложили формировать русскую армию, а он ни в какую!

— Не станем подражать выжившим из ума старым генералам, которые так и остались в плену идеей семнадцатого года и теперь вместе с Керенским и К° призывают стать на защиту

* Подмастерье (серб.-хорв.).

«Отечества», а в действительности — советского строя: пятнадцати республик, которыми командуют иудеи.. — его бархатный баритон звучал убеждающе.

«Сел на своего конька... впрочем, насчет иудеев он прав», — подумал я, глядя на своего шефа, который, чуть склонив голову, рокоюще бросал фразу за фразой:

— И все-таки если безумный Гитлер нападет на Россию, радоваться нечему. А этим пахнет!.. Лукницкий пишет из Румынии, что немцы перебрасывают туда свои дивизии. Все предсказывают: «Удар — и от силы два-три месяца — Советский Союз полетит в тартарары»... Так, после цикла марксизма-ленинизма-интернационализма, которым, точно тифом, заразили всю Европу жидки вроде Керенского, Троцкого, Ленина, наступит новый цикл — фашизм Салазара, Франко, Гитлера, Муссолини, Род ла Рока или герцога Гамильтона в Шотландии.

— Логично, Виктор Михайлович, что наступивший в мире новый цикл, где преобладает гипертрофированная любовь к Родине, возникает и у нас в России-матушке?

Байдалаков согласно кивнул головой и продолжал свою мысль:

— Англия всячески провоцирует Адольфа выступить против Сталина, в надежде потом делить Россию. Теперешняя война напоминает не то прелюдию, не то финал, заключительный аккорд. События впереди. Позы заняли США и Япония!..

— После Халхин-Гола японцы не сунутся!

— Кто знает? Но мы отвлеклись... Вы хорошо знаете Владимира Поремского, Аркадия Столыпина, Рудича?

— Знаю Владимира. Аркадий же, помню, все бегал за сестрой моего корпусного товарища Дическула, который живет рядом со мной. Помните, дом с красивыми решетками на углу?

— Так вот, ваш тезка Поремский должен вас встретить, устроить, а потом свести с большим чином абвера, к которому вам следует войти в доверие...

— Вроде шефа «Кригсорганизацион Абвер цвай» у нас в Югославии? Такие самим себе не верят, Виктор Михайлович! Они ведь все ученики Кикера*, который признает лишь телепатию и любит только свою таксу Зоппи. Того самого Канариса, который когда-то в Стамбуле завербовал Мату Хари, а потом ее же предал; который рекомендует своим подчиненным подзревать собственную тень; девиз которого: «Живет дольше тот, кто живет один!»... О каком доверии может быть речь?!

— Вы не совсем правильно меня поняли. Поремский, Столыпин, да не только они, связаны с Сюрте, а вы контактируете с Главнячей — с Губаревым, который, говорят, является агентом Скорцени! Мало того, вас приглашает гостить старый лицейский товарищ Иван Катков...

— Кот?!

— Почему кот? — Байдалаков недоуменно пожал плечами.

— Ваньку Каткова так в лицее дразнили. Откуда он взялся? Я видел его двадцать лет назад с Сашкой Кановницыным в Новороссийске. И чего он меня вдруг вспомнил?

— Чистая случайность. Кто-то упомянул при нем вашу фамилию, он заинтересовался, стал спрашивать. У Каткова большие связи в высших кругах: как-никак дед был основателем «Лицея Цесаревича Николая»**, где училась вся московская знать! Столыпин попросил его приютить вас на несколько дней у себя. Там сами увидите. Я полагаю, Катков распахнет вам двери многих домов... и не только русских... Это одна сторона — новая страна, интересные люди и, конечно, Париж! Вы, помните, там уже были?

* Кикер («зыркун» — нем.) — кличка Вильгельма Канариса в кадетском корпусе.

** Основан в 1868 г. Михаилом Никифоровичем Катковым.

— Был... И если перефразировать Гумилева, должен сознаться: «Кто испробовал воды из Сены, тот вечно будет стремиться в Париж!»

— Однако следует принять в серьезное внимание и другую, теневую и весьма скользкую сторону вашей поездки... учтите это!.. Знаю, вы человек нетрусливого десятка, и все-таки должен вас предупредить и предоставить самому решать: хотите — поезжайте, хотите — оставайтесь... Да или нет? Подумайте, а вечером заходите, поговорим, — и Байдалаков потянулся к лежащей на столе папке.

Я не вставал. В голове роились мысли, перегоняя друг друга. И тут же перед глазами поплыл тот счастливый вечер с Ниной Поль, на садовой скамейке под большим кустом благоухающей сирени... первый поцелуй..

— Решено! В Париж! Чего тут раздумывать и откладывать до вечера!

— Молодец! Люблю решительных людей!

Мы просидели, обсуждая детали, добрый час... А через три дня, с «аусвейсом» и прочими документами в одном кармане и с 5000 франками в другом, я уселся в поезд, уходящий во Францию...

Глава третья

ЖЕНЩИНЫ ПАРИЖА

1

Монотонно постукивают колеса... Экспресс «Ориент» то медленно взбирается на гору, то, убыстряя ход и притормаживая, спускается в долину. В Северной Италии царит во всей прелести

ранняя весна 1941 года... Вот перед глазами проплывает высокая башня, может, древний храм над самым обрывом громадной скалы, а внизу ласкает душу яркая зелень роскошных садов и виноградников. Среди них, подобно цветам на лугу, мелькают богатые виллы, дворцы, полуразрушенные колонны древних капищ...

Поезд внезапно ныряет в туннель, словно для того, чтобы крепче запечатлелась проплывшая красота в памяти, тем более, что тебя ждет новый сюрприз: закатное солнце, касающееся широкой речной глади...

«Почему, — думал я, — невзирая на подобную красоту, люди становятся все уродливей, фальшивей, злей? Где они, богоподобные старцы, суровые благородные мужи, гордые чистые юноши, чистые жены в белых туниках, красивые, стройные, как богини?! Аполлоны, Венеры?.. Мы боимся, стыдимся сейчас своей наготы, прячем ее, чувствуя себя порочными. А ведь девы Спарты выходили на палестру обнаженными перед всем народом, не боясь искушения. Ибо чистые любовались чистыми! Неужто никогда на земле не повторится эта свобода, чистота, целомудрие, радость жизни? Неужто Сатана Ликующий будет подминать под себя народ за народом? Превращать людей в алчных, жадных, похотливых, злобных рабов?!...»

Я смотрю на плещущие волны у выступающей в реку скалы, на которой высится Крест, и твержу про себя: «Если нет Бога, ни его святой воли — жизнь бессмысленна!.. Настоящее строится на прошлом. Так ли это? Одни это прошлое ненавидят, топчут... другие превозносят... Память о прошлом отцов и дедов трогает меня до слез... мой любимый танец — старинный вальс... меня умиляет золотистый сумрак, волшебный и чуть грустный при закате...»

Раздумья нарушает вошедший сосед по койке в купе — француз, представившийся под звучной фамилией Жерар. Он недурен

собой, пожалуй, даже красив; тренированная фигура, сильная, ловкая, высокий рост, светлые, чуть вьющиеся волосы, глаза быстрые, беспокойные, а когда мимо купе проходит полицейский или проводник, они становятся тревожными, напряженными. Одет в поношенный, не со своего плеча, костюм, далеко не свежую рубашку, пестрый галстук и старомодные ботинки.

«Наверно, офицер-подполщик! Каждый, даже самый невинный вопрос его настораживает, отвечает неохотно, обиняками. Недоверие ко мне, видимо, вызвано почтением вагонОВОЖАТОГО, с которым обменялся несколькими словами сотрудник абвера, принесший мне пакет для капитана Блайхера...»

Для меня не являлось секретом, что почти все проводники «Ориента» связаны с разведками разных стран. В экспрессе ездят «интересные» люди!

По мере приближения к французской границе Жерар нервничал все больше. Мне было жаль этого симпатичного парня и захотелось ему помочь.

Появился и меркантильный интерес: как парижанин, он мог бы очень пригодиться... Чтобы его успокоить, я налил ему и себе по стакану крепкой сливовицы, которую сербы называют «люта», и предложил выпить за свободу Франции. Это задело глубоко запрятанные струны его души: его неизменно внимательный, оценивающий взгляд потеплел, он улыбнулся, и вдруг хмурое лицо преобразилось, стало приветливым, добрым. Он взял стакан, чокнулся, воскликнув:

— Резистанс! — И выпил до дна.

Вскоре мы, под хмельком, весело болтали. Я рассказал кое-что о себе и задавал, как бы между прочим, вопросы. Некоторые его ответы звучали неубедительно, и во мне какой-то неслышный звоночек предупреждал: что-то тут не так... что-то не так...

Жерар рассказал, что в соседнем вагоне едут его товарищи, пожаловался на трудное положение мужчин-французов призывного возраста, возвращающихся на родину, — немцы к ним всячески придираются, не пропускают, опасаясь Резистанс — Сопротивления, которое ширится по всей стране.

2

Пограничный вокзал бурлил своей обычной жизнью, точно некий огромный двигатель, неутомимо и постоянно перегоняющий людские потоки по залам, лестницам, перронам к неторопливо подходящим поездам, чтобы одну часть выплеснуть в город, другую вобрать в себя и отправить в глубь страны, а третью, в том числе нас, после строгой проверки, везти во Францию.

Пообедав в ресторане, я занял, за несколько минут до отхода экспресса, свое место в купе. Жерар стоял в коридоре и тщетно старался опустить окно.

«На всякий случай, если придется давать деру!» — подумал я и спросил:

— А в купе у нас не пробовали?

Он только отмахнулся. И продолжал свою работу... Вскоре поезд тронулся. Медленно подкатил к границе и затормозил.

Началась проверка документов. Через несколько минут к нам зашли в сопровождении проводника немецкий и итальянский жандармы. Я протянул свой аусвайс. Взглянув на него, видимо, предупрежденный заранее проводником, немец тут же, взяв под козырек, вернул мне документ. И повернулся к Жерару. Оба жандарма долго разглядывали его бумаги, потом что-то сказали вагонуводителю, и тот безапелляционно заявил:

— Господин Жерар, они отказываются вас пропустить, и вам придется с ними пройти к начальству.

Жерар на ломаном итальянском начал было протестовать, но пограничники, тыча пальцами, заявили, что нижняя печать на визе вызывает сомнения... Если начальник позволит, то пожалуйста...

Уж очень мне хотелось помочь симпатичному французу, и я решился:

— Lassen Sie, meine Herre, ihn ruich! Er muss gehen mit mir! Haben Sie ferstanden?*

Жандармы недоуменно уставились на меня, потом повернулись к проводнику. Тот взял немца под руку и что-то ему шепнул. Все трое вышли в коридор. Не прошло и минуты, которая показалась нам вечностью, немец вернулся, протянул Жерару документ и недовольно бросил:

— Alles ihn Ordnung! **

Минуты тянулись томительно медленно. Каждый стук, шаги в проходе заставляли нас вздрагивать, настораживаться... Так прошло около получаса... и вдруг поезд тронулся — и у меня, и у Жерара вырвался вздох облегчения. Минута-другая — и мы пересекли границу... Я посмотрел на своего спутника и увидел в его глазах слезы. Он вскочил, кинулся ко мне и крепко обнял.

«Не всякое добро наказуемо!» — подумал я и не ошибся.

— Я никогда этого вам не забуду: я ваш должник и сделаю для вас все, что в моих силах! Запишите мой адрес: улица Шаброль, 25. Счастлив буду познакомить с женой. Приходите в любое время дня и ночи. А сейчас, извините, в соседнем вагоне едут мои друзья — я должен их успокоить!

* Оставьте его, господя, в покое! Он должен ехать со мной! Вам понятно? (нем.)

** Все в порядке! (нем.)

Вскоре он вернулся с двумя бутылками бургундского, улыбочивый, довольный.

— Две я дал нашему доброму проводнику. У друзей тоже все хорошо. Бордосские вина клонят ко сну: французы пьют их на ночь; бургундские будоражат, располагают к беседе, к откровенности, к добру...

Жерар уже не скрывал, что он сбежавший из лагеря офицер, а друзья в соседнем вагоне — тоже.

— Нам всем состряпал визы один добрый человек... Ваш земляк... Вы ведь русский? И, наверное, эмигрант, потому что очень хорошо знаете наш язык и произношение у вас безупречное... Вот как получилось: визы смастерил нам русский-советский, а выручил тоже русский — эмигрант! Ха-ха-ха!.. Если хотите, познакомлю вас друг с другом.

— Согласен! — и подумал: «До чего интересно!»

— А теперь, мой дорогой спаситель, запомните: любое воскресенье жду вас к вечеру в доме номер 25 на улице Шаброль. Очень вас прошу: приходите!

Экспресс катил с бешеной скоростью, изредка ненадолго останавливаясь. Железнодорожные пути Франции — лучшие в мире. Вагон не раскачивало, он почти не вздрагивал на стыках рельс. Утром, в десять тридцать, мы прибыли в Париж. После стольких волнений Жерар мирно похрапывал рядом, а мне не спалось: «Что ждет меня во французской столице? Разумный человек должен остерегаться всего: жизни смерти, самого себя, тайны, которая прячется повсюду, людей, мрака и света... Но это не значит, что он трус! Чего же, в конце концов, я хочу, к чему стремлюсь, во что верю?.. Еду помогать немцу, а всей душой на стороне французов. Встречусь с Ниночкой!.. Но ведь я ей изменил: женился на Нюсе!.. И НТСНП, если по совести, меня не устраивает — начиная с того же Байдалакова, Георгиевского,

да и Околовича... Ищу чего-то... Ищу... Какой-то правды, гармонии, соответствия...»

Замелькали сады предместья Парижа, и вскоре наш «Экспресс-Ориент» лихо подкатил к перрону. Встречающих было немного. В сторонке от толпы я узнал импозантного Владимира Поремского: он придерживал рукой шляпу. Рядом с ним стоял плотный, выше среднего роста мужчина, напоминавший чем-то медведя, и смотрел на проплывающие окна вагонов.

В памяти вдруг всплыл почему-то Новороссийск: иду по улице, а мне навстречу два лицеиста — Кановницын и Катков, с которым я подружился еще в приготовительном классе. Котяра!

Он заметил меня и первый, расширив руки, чуть переваливаясь с боку на бок, зашагал к моему вагону, а когда я появился в дверях, крикнул так зычно, что стоявшие кругом люди поначалу недоуменно обернулись... и заулыбались.

— Здорово, Володька! С приездом!

— Здравствуй, дорогой Кот!

Вышедший за мной Жерар вдруг остановился, нерешительно помялся и, хотя мы попрощались в купе, подошел с деланой улыбкой:

— Простите, господин Вольдемар, французы любят пошутить, но, вижу, русские от них не отстают: мне было невдомек, кто друг моего спасителя. Миль пардон, — он повернулся к Каткову.

— Ведь месье — брат нашей «Кошечки»?

Последнее слово он сказал по-русски и тут же обернулся к своим спутникам, которых встречали какие-то люди, и помахал им рукой. А они сердито поманили его к себе. Жерар растерянно измерил взглядом Каткова, пробормотал: «Миль пардон!» — и направился к ним. Потом, вернувшись с полдороги, обратился ко мне:

— Не обессудьте: голова идет кругом! Прошу вас, не забудьте, обязательно приходите! Буду вас ждать! Еще раз спасибо!

В этот момент к нам подошел с приветливой улыбкой Поремский и, пожимая мне руку, спросил:

— Что за люди?

— Симпатичный парень, француз, вместе ехали. Чудак! — И подумал про себя: «Если ты такой осторожный, то и я от тебя не отстану».

— Иван Михайлович настоял на том, чтобы вас поселить куда у него. Поживите, освоитесь, а там посмотрим.

Не прошло и нескольких минут, как мы уселись в новенький «рено» Ивана и покатали по улицам Парижа... Тихого, безлюдного, словно пришибленного...

3

Катков работал репортером в газете правого толка под названием «Возрождение», пожалуй, самой интересной и влиятельной белоэмигрантской газете, имеющей высоких покровителей: широко известных финансистов, начиная с Манташева... Он-то и устроил туда Каткова, поскольку считал себя во многом обязанным его деду — тайному советнику, основателю Московского лицея Цесаревича Николая.

Неподалеку от Дома инвалидов Поремский поглядев на часы, попросил остановиться:

— Опаздываю на свидание, завтра заеду, потолкуем, а сейчас советую отдохнуть с дороги! — И, пожав нам руки, захлопнул дверцу.

Просторная квартира Ивана с окнами в сад и на улицу, несмотря на «поэтический» беспорядок, казалась уютной и обжитой.

— Раздевайся! Чемодан можешь поставить в прихожей, а тебе предлагаю устроиться в гостиной. Кстати, как твое отчество?

— Как у Поремского.

— Значит, Дмитриевич! Придется сесть между вами и загадать желание! Надо же — полный тезка!.. А ты исповедуешь солидаризм? Фашизм?! Как же так, Володька?!

— Учти, Иван, солидаризм противоположен фашизму! Нет речи о высшей расе, напротив — все люди, все народы имеют одинаковые права! В какой-то мере это соблюдалось после революции пятого года в царской России, когда были отменены фактически привилегии дворянства.

— Ха! Значит, чтобы дворяне, записанные в «бархатную», и прочие — купцы первой гильдии, второй, третьей, мещане, крестьяне, рабочие, люмпены — жили солидарно?! Какое согласие может быть между знатным и безродным, богатым и бедным, талантливым и бездарным, умным, наконец, и глупым?.. И объясни, почему тогда «солидаристы» из НТСНП намереваются ехать на поклон к Гитлеру, исповедующему фашизм?!

Я недоуменно пожал плечами. «Почему Байдалаков мне об этом ничего не сказал?.. На какой поклон?..» — подумал я и ответил:

— Если ты подразумеваешь поездку Георгиевского в Берлин, то контакт у него не получился, да он особенно и не старался его налаживать. «Маг» крепко связан с другими силами.

— Наивняк! Абвер уверял Байдалакова, что НТСНП будет представлять третью силу! Ему, после свержения большевиков, дадут власть в России. Ха! Вроде как Ла Валю в Виши!.. То же обещано самостийникам разных мастей. Все сейчас пригодятся: как шпионы, диверсанты, провокаторы... а когда сделают свое дело — пошлют к фене! — и Катков, подняв руку с расширен-

ными пальцами, махнул, словно собирался поцарапать. — Вот как обстоят дела, мой друг Володька! Думай!..

— Я пока, Котяра, в Берлин не собираюсь! — и подумал: «А приехал выполнять задание абверовца!»

— Понятно! Пока еще никто не свистнул! Эх, Володька, Володька!.. Негоже бывшему лицеисту, доброму дворянину, бороться против своего Отечества!.. Ты, может, в ответ протрубишь девиз своего фюрера Байдалакова: «Против большевиков хоть с чертом!»... Но убивать-то будете русских!.. Можно ли идти с маньяком, заразившим своей безумной идеей послушных немцев?! Как это сделал другой маньяк — Ленин — двадцать лет назад с нашим, таким же послушным дураком-народом!

— Знаешь, Иван, тут бабушка надвое гадала! В стране, где ты живешь и считаешь самой свободной, тоже властвовали маньяки. Мир построен на борьбе двух начал: Ева совращает Адама, Каин убивает Авеля, а Иисус Навин — целые племена. Каждая держава, каждый народ, я уж не говорю о вечном стремлении «избранного», хочет стать великим, господствовать над миром... подобно тополю в этом саду, который хочет быть самым высоким; подобно мужчине, мечтающему стать самым умным, самым неотразимым; или женщине, грезящей о короне красоты... Одни народы, увлеченные доктринами псевдоученых философов, впитывают сатанинское начало: зло, ненависть, разрушение; другие — проникаются божественным началом Будды, Конфуция, Христа, Магомета, призывающих к добру, миру, согласию... Но это еще далеко не все. В вечном движении мира, в вечной борьбе двух начал есть какая-то цикличность, которая вроде бы должна учить людей, как, скажем, осень — придумать зонтик, а зима — шубу... К сожалению, эта цикличность трудноуловима человеку, не изучающему досконально, подобно педанту, прошлое...

— Дорогой мой философ, ты забываешь о древнегреческой богине Немезиде! Мой шеф, писатель Николай Яковлевич Роцин, любит поговорить на такие темы. Обязательно тебя с ним сведу! Интереснейший человек. Друг Бунина, Куприна, Зайцева, близко знаком с нашими писателями Алдановым, Шмелевым, Мережковским... Пусть он вправит тебе мозги на счет НТСНП!

— Я ничего не забываю... Рухнули Древний Вавилон, Спарта, Египет, Рим, Иудея; задохнулся за каменной стеной Китай, рассыпались по миру мавры, готы, половцы, каза-ры... Все они, воодушевленные маньяками, хотели владеть миром! Огнем и мечом!.. Ныне лишь «избранный народ» все еще верит в свою избранность богом и воюет на свой манер — идеями сначала бредовыми, «утопическими», потом «научными», выдвигая и поддерживая Кромвелей, Дантонов, Робеспьеров, Лениных... И ты прав, конечно: Немезида не дремлет, воздвигает «Стену Плача», «Стену коммунаров»... И подумай — кто и над кем плачет? И почему эта стена нерушимая?! — в чьей памяти?!

Что это — божественное или сатанинское?!

В России правили бал троцкие, свердловы, рыковы, Зиновьевы... убиты миллионы лучших людей, ограблены все богатства страны... жестоко преследовалось христианство, подавлялись патриотические чувства, искоренялась мораль, порядочность... упорно, безжалостно, на всякий манер внедряли подрастающему поколению рабскую психологию... Троцкий и его шайка всячески старались объединить российский и мировой пролетариат: тем открыть границы, установить диктатуру избранного народа!!

Отхлебнув вина из бокала, который поднес мне Катков, я выпил до дна, заметив:

— Доброе вино! Молодцы французы! Так вот... а Немезида — тут как тут! Хватила мотыгой по башке Леву Бронштейна! Постреляла, как собак, предварительно помучив его шайку... причем учти: под общенародное одобрение и пожалуй, даже ликование!.. А чтобы уравновесить весы правосудия, бросает на одну чашу жида, на другую — сто славян... И делает это гари помощи очередных маньяков — Гитлера и Сталина...

— У нас, Володя, поговаривают, будто троцкисты, бухаринцы, свердловцы в свое время, величая «отца народов» шашлычником, рассчитывали, что он будет послушно выполнять их наказания, а сами они смогут кейфовать на фешенебельных курортах мира... А хитрый грузин (то ли сынок Пржевальского, то ли сапожника Бесо Джугашвили, то ли кого-то еще — в отличие от нас, дворян, вожди революции тщательно скрывают свое происхождение) начал сколачивать свою когорту, чтобы разделаться с «хозяевами»... И в результате добился того, что Россия возвратила почти все свои прежние земли.

— Благодаря Гитлеру! Сами-то и Финляндию победить не смогли! — усмехнулся я.

— А Халхин-Гол? Японцы, небось, мира запросили! Ну да ладно, лучше скажи, почему вдруг твой француз назвал меня братом «кошечки»? Кто он?

Я рассказал ему эпизод на границе. И высказал предположение, что явно произошла ошибка, поскольку я заметил, как встречавшие отозвали его довольно сердито.

— Молодец, Володька! Сейчас тебя узнаю! Ничего другого от тебя не ждал! Скажи, кстати, ты помнишь девушку из Югославии, звали ее Нина Поль?

— А ты ее знаешь? Где она, что с ней? — Я схватил его за руку и пытливо на него уставился.

Ни слова не говоря, он повел меня на балкон и указал на небольшой дом, стоявший наискосок:

— Вон там, на втором этаже. А сейчас послушай ее историю: осенью двадцать шестого года ей исполнилось шестнадцать лет, когда она влюбилась первый и последний раз: познакомилась с ним на балу, который давали кадеты в офицерском собрании на улице Краля Милана в Белграде.

Ладно скроенный шатен выше среднего роста, с бантом на левом плече, встречал гостей, усаживал родителей и молодых дам, церемонно кланялся институткам и гимназисткам... И казалось ей, что таил в себе какую-то притягательную силу. А когда грянул оркестр, он дирижировал танцами, то кружа своих дам «в вихре вальса», то мчался, возглавляя колонну в веселой мазурке, командую: «А-о гош! О друат! Авансе! Рекюле! Ле дам о мильеё!..

— Погоди, Кот, я продолжу твой рассказ: Нина, танцую вальс, замирала в моих объятьях, или когда прижимал к себе под звуки аргентинского танго... Приглянулась мне эта стройная белокожая блондинка, с чуть вздернутым носиком, ярко очерченными губами, бровями-дугами, под которыми ярко загорались большие голубые-голубые глаза в лучиках длинных ресниц. Послушная в танце, угадывала каждое движение, обвораживали ласковая улыбка и блеск перламутровых зубов... Она приковывала внимание всего зала, несмотря на присутствие признанных столичных красавиц — таких как Тамара Квинихидзе, колоритная яркая грузинка; обаятельная княжна Татьяна Литвинова-Юсупова-Масальская; неотразимая черноокая веселая Наташа Перлик; популярная в стране певица, исполнительница цыганских песен обольстительная Лора Побединская...

В тот незабываемый вечер я покорию сердце этой девушки и влюбился сам... Увлечение перешло в чистую любовь! Увы! Кончилась она печально...

Иван хлопнул меня по плечу:

— Знаю кое-что... Рассказывай...

— Познакомились домами, прошел год, другой... Нина заканчивала женскую гимназию и одновременно балетную школу у звезды мировой величины Карсавиной. Я заканчивал университет. Где-то маячила свадьба...

Оставшись наедине, а это было нечасто (ее родители были строгими), Нина замирала в объятьях и жаждала отдаться целиком, однако чудаковатый жених берег честь своей будущей жены и ограничивался поцелуями, чтобы потом, изнемогая от воспаленного вожделения, встретиться с доступной девочкой и утолить страсть.

Одной из таких была красивая взбалмошная донская казачка Аня, круглая сирота... Не закончив Института благородных девиц в Белой Церкви, она устроилась работать сестрой милосердия в небольшом городке Панчево в Русскую больницу к знаменитому на весь мир хирургу Левицкому, делавшему чудеса в своей области. Там она пережила несчастную любовь с молодым распутным красавчиком, который вскоре ее бросил. Получив «урок», Нюся стала умней, скорее хитрей. Одним из «кандидатов в мужья» стал я, когда я лежал в ее палате после аппендэктомии. Но я жил в Белграде. Анна уволилась и переехала в Белград, где ее приютила бывшая директриса Донского Мариинского института, вдова известного (расстрелянного большевиками) атамана Войска Донского Духонина, которая стала к тому времени начальницей женского студенческого общежития...

Довольно просторный дом общежития окружал тенистый сад: в глубине кустов — скамейки, беседки, располагающие к любовным встречам. Там в погожее время разрешалось студенткам «поворковать» со своими кавалерами до десяти—одиннадцати

часов... Случилось так, что Духонина, видимо встревоженная стопами, заглянула в укромное местечко и застала нас в пылу страсти. Последовало объяснение с Духониной, которая встала на защиту «круглой сироты», переложив всю ответственность на меня...

А через два месяца Анна заявила, что беременна!.. Вот так я был вынужден жениться на нелюбимой... когда сердце тянулось к моей единственной любви. Ниночка была потеряна для меня... Так меня наказала плоть!

Анна родила сына... а спустя четыре года мы разошлись...

— Вот моя печальная история... Ты лучше расскажи мне про Нину Поль. Как она жила, что делала? Не вышла ли замуж?

— Что Нина?! Потрясенная твоим «коварством», тяжело заболела, бросила театр, стала чахнуть... Чтобы спасти, как-то отвлечь дочь, безгранично любящие ее родители переехали в некогда родную их предкам Францию и вскоре устроили Нину в кордебалет Гранд-опера в Париже.

Спустя год Нина Поль стала «Мисс Россия» во Франции! Посыпались предложения и... отказы... Мужчины ей были противны... Эх ты, Володька!.. — Иван с укором посмотрел на меня и замолчал.

Я тоже мрачно молчал, чувствуя себя подлецом.

— Не мучайся уж так, дурачок, она все же вышла замуж за французского офицера, по настоянию отца... Жан был деликатен, всячески баловал свою «королеву»... «Стерпится-слюбится» — удел многих женщин! Привязалась к нему и она. Детей не завели: «Успеем!»... Не успели... Грянула война, и в первый же день Жан был убит... — Иван тяжело вздохнул...

...А жизнь продолжалась... Закатился несчастливый кровавый для французов 1940 год... немцы хозяйничали в Париже довольно бесцеремонно. Жители молча сносили обиды: надо

было жить дальше... Открылись магазины, бистро, рестораны, забурлило Чрево Парижа, а после отмены комендантского часа заработали кинематографы, театры, ночные бары... Однако у истинных патриотов чаша терпения переливалась через край: одни уходили к Де Голлю, другие организовывали Сопротивление!

Гранд-опера начала давать спектакли... Нина вся отдалась работе, только она давала счастье: возвращалась усталая, но в ушах звучали аплодисменты, поздравления режиссера... Вот и ее тихая улица Сен-Жак, живут немало русских — мясная лавка Навроцкого, молочная Сутулова и овощная Дмитрия Петровича... Проходя мимо киоска, где торговали и русскими газетами, она, конечно, вспоминала заметку в юмористическом журнале: «В Фобурге, на улице Сен-Жак, французский студент покончил жизнь самоубийством: причина — тоска по родине!» Парижане смеялись и сравнивали белоэмигрантов с евреями: «Живут скопом в гетто, обслуживают сами себя, грызутся, как собаки, но стоят горой друг за друга!»

И вдруг скнуло сердце: стало страшно — ей навстречу из подворотни вышли два подозрительных типа. Нина перешла на другую сторону и заметила идущего там похожего на медведя мужчину, машущего ей рукой; а те двое двинулись ей наперерез, один из них в немецкой форме, другой — в штатском. Первым подскочил к ней немец и, схватив за руку, дыша перегаром, невнятно пробормотал:

— Фрейлейн, ком мит унс! — потом досадливо махнул рукой и перевел свое желание на французский:— Мадемуазель всиен авек ну!

Его товарищ, судя по одежде, парижанин, неожиданно заговорил с явно немецким акцентом, что он просит прощения за друга, что ничего плохого у них в мыслях нет, а просто хотелось

посидеть с интересной дамой в хорошем ресторане; что их машина стоит здесь, во дворе больницы...

— Was ist los? — уверенно загремел медведь (это был я) раскатистым басом. — Lassen Sie ruhig meine Frau! *

И тут Нина узнала своего соседа, который круглый год ежедневно по утрам занимался на балконе гимнастикой, и кинулась к нему.

Нахалы поняли, что я не отступлю... Немец хотел растягнуть кобур, но тут же опустил руку, увидя перед носом покачивающийся палец «медведя» и услышав его угрожающее рычание:

— Ich rate nicht das machen!**

Немцев сбивали с толку берлинский выговор, более чем приличная одежда и самоуверенный тон. И пока они стояли в нерешительности, «медведь», взяв даму под руку, неторопливо зашагал прочь.

Нина дрожала всем телом и с трудом передвигала ноги. Пройдя шагов двадцать, она оглянулась — немцы все еще стояли среди улицы и глядели им вслед.

— Je vous remercie de tout mon coeur, monsieur!***

— Не стоит благодарности, — заговорил по-русски ее спаситель. — Каждый порядочный мужчина это сделает. Я был в Гранд-опера, с восторгом смотрел, как вы танцевали. Вместе с вами вышел на остановке в метро. Помню вашего мужа-офицера. Вижу, как вы ходите в булочную, знаю вашу матушку, отца. А зовут меня Иван Михайлович Катков, я корреспондент газеты «Возрождение».

* В чем дело? Оставьте в покое мою жену! (нем.).

** Я не советую это делать (нем.).

*** Я благодарю вас от всего сердца (франц.).

— А я каждый день из своего окна смотрю, как вы занимаетесь гимнастикой на балконе, и удивляюсь, как вам не холодно? Вот мы и дошли. Прошу вас, зайдите к нам, я должна познакомиться родителей с моим спасителем!

Иван потоптался на месте — ему поручил Рощин статью для ротатора, и, подумав: «Успею!» — двинулся за Ниной.

Дверь отворила молодая миловидная брюнетка. При виде стоящего позади Нины незнакомого, крупного мужчины, она вздрогнула и чуть отпрянула было в сторону, но тут же заулыбалась, обняла пришедшую, а потом, остановив пристальный взгляд на незнакомце, протянула ему руку.

«Какие пронизывающие глаза! — отметил про себя Катков. — Вроде где-то ее видел».

Приоткрыв кухонную дверь, выглянула Нинина мать, закивала головой и крикнула:

— Ведите гостя в столовую!

Поднявшись с глубокого кресла, их встретил высокий, седовласый отец, обнял дочь и протянул руку Каткову:

— Александр Петрович!

— Иван Михайлович Катков!

Нина тут же рассказала, как он не побоялся ее отбить от немецких пьяных нахалов.

Говорили по-французски. Гостя, открывшая им дверь, была парижанкой, звали ее Лили. Мужья их служили до войны в одном полку. Дружили семьями.

Застольная беседа завелась, вопреки обычаю, не о приятных вещах, а с того, что все дружно бранили немцев, наглых «юберменшей», превратившихся в ведомое стадо бесстыжих громил, воров и беспардонных насильников. Досталось и ма-
ньяку Гитлеру-Шикльгуберу.

По случаю прихода гостей на столе появилась бутылка арманьяка. Лили, как показалось Ивану, вела себя несколько развязно, а родители Нины относились к молодой гостье с подчеркнутым уважением. Она не производила впечатления богатой или знатной дамы. Не мог на них действовать и шарм этой красивой француженки, и даже пытливый ум, который она вскоре проявила, когда, подливая ему в рюмку, пила сама.

«Тут что-то не то! — думал Катков. — Птичка непростая!» А Лили, пытливо глядя ему в глаза, задавала вопросы на одну тему, словно хотела в чем-то убедиться: как он оценивает захват гитлеровцами Польши, Чехословакии, Австрии, войну с Францией и ее оккупацию, странную политику России, ее несуразную войну с Финляндией? Что думают по поводу всего этого русские эмигранты? И каково его личное мнение?

В отличие от Лили, Катков почти не пьянел и высказывался обдуманно, излагая точку зрения многих белоэмигрантов, занявших антифашистскую позицию. Потом пришел на память недавний рассказ его литературного учителя и одного из организаторов зарождающегося русского сопротивления Николая Роцина о том, что некая молодая жена французского капитана Меркури под кличкой «Кошечка», в содружестве не то с чешским, не то с польским разведчиком, видимо, по заданию Интеллидженс сервис, создает осведомительную сеть.

«Уж не “Кошечка” ли сидит передо мной? Надо послушать, она хмелеет все больше. И как-то завлечь!»

И он принялся рассуждать о том, что оставшийся в изоляции и не готовый к войне Советский Союз вынужден вести с Германией примиренческую политику. Об этом свидетельствует затянувшаяся, можно сказать, позорная и непопулярная война с маленькой Финляндией. Сталин вынужден давать Германии

хлеб, а свою страну держать на полуголодном пайке. Однако можно не сомневаться, что война в самом недалеком будущем неизбежна. На Западе считают, что армия вермахта и войска Японии спустя шесть—восемь недель встретятся на Урале. И глубоко ошибаются! Россию еще никто силой не побеждал. Обмануть — другое дело! Как это сделал Ленин с Троцким. А Гитлер рассчитывает на свою «непобедимую» армию, танки, боевую технику, самолеты. Если русский народ увидит, что встает вопрос о существовании Родины, его никакие силы не одолжат. И тогда у Франции появится могучий помощник. И это уже не за горами. Поэтому, как французам, так и нам, белоэмигрантам, надо готовиться, а может быть, и начинать сопротивление! Вам — против поработителей любимой Франции и нам — против врагов нашей бывшей Родины и той же Франции, которая стала нам вторым Отечеством!

У Лили загорелись глаза, она встала и подняла свою рюмку:

— Я предлагаю выпить за настоящих людей, людей смелых, любящих свою Родину! За то, чтобы они победили! Я предлагаю выпить за союз, дружбу, единение французов, англичан, русских, поляков в борьбе против ненавистных бошей! За Сопротивление! — чокнулась со всеми и выпила до дна.

За ней последовал поднявшийся Иван и семейство Полей. Лили захмелела, ушла ранее проскальзывающая настороженность, глаза стали добрее, улыбка мягче, весь облик женственней. Оглядев всех, она как-то задумчиво, немного нараспев, начала:

— Друзья мои, мне хочется вам рассказать назидательную историю одной близкой женщины: после неудачных родов она решила совершить самоубийство. Однако, чем дольше над этим размышляла, все больше ей казалось логичным совершить «корыстное самоубийство».

— Такие мы, француженки, — она, улыбнувшись, снова обвела всех испытывающим взглядом.

Покуда муж — офицер — занимался своими военными обязанностями в Тулузе, она бесцельно бродила по городу. В каком-то бистро услышала, будто при помощи английского консула можно получить визу в Англию. На другой день она — назовем ее «Кошечка» — отправилась в консульство и предложила его шефу — Никсону, кажется, услуги опытной сестры милосердия. Но консул посоветовал ей остаться во Франции — «где бы вы смогли стать гораздо полезней».

И в самом деле, спустя несколько дней «Кошечка» «случайно» познакомилась с офицером-разведчиком, сотрудником «Двуйки» — польской осведомительной службы, обосновавшейся в Лондоне и связанной с Интеллидженс сервис. Эта первая встреча в ресторане «Фрегата» с Романом не произвела на нее впечатления. Но когда они на следующий день встретились в «Торотони», мнение резко изменилось. Он не был красив, но излучал молодую силу, энтузиазм, в нем чувствовался интеллигентный волевой человек и в то же время он вдруг напоминал разбалованного, изнеженного ребенка. Это и пробудило в ней любопытство. А он, рассчитывая, что эта женщина поможет ему усовершенствовать его французский язык, умолял о новой встрече.

И в самом деле, акцент Романа в любой момент мог привести его в концентрационный лагерь.

Тем временем муж этой дамы собрался в Марокко, и, хотя она еще не решила, ехать ли ей с ним, дала согласие подучить поляка.

Шли дни, между ними возникла симпатия. Роман рассказывал, что, закончив летное училище в Варшаве, был направлен на специализацию в Париж. Потом в качестве пилота-истребителя

направлен в Луневиль, где взят в плен немцами и направлен в лагерь. Однажды ночью ему удалось бежать с одним унтер-офицером и пробраться в Луневиль, к своей любовнице, молодой вдове, которая дала ему штатский костюм и паспорт покойного мужа. Однако оставаться у вдовы он долго не мог и уехал из Луневилья уже под фамилией Арман Борни. При виде проходящего немца он восклицал с горящими глазами: «Польша побеждена, Франция побеждена!» И на глазах стояли слезы. Учился он прилежно, вскоре стал выговаривать слова правильной и научился довольно прилично читать. Они подружились и все время твердили друг другу, что никогда не будут считать себя побежденными.

И вдруг Роман уехал в Марсель. Вернулся он уже другим человеком. И вся жизнь его резко изменилась. Начались встречи с однополчанами, которых он снабжал демобилизационными листами и прочими документами. Он ничего не скрывал. «Кощечка» поняла, что он работает нелегально, и ждала...

— Какая же ты бесстрашная! — и Нина, быстро поднявшись, обняла подругу.

— Ее звали Мими Гарлэ! А верней, Зизи Шарлэ, — засмеялась Лили. Потом махнула рукой, откинулась в кресле и, глядя сквозь незадвинутую штору в хмурое небо, продолжала свою исповедь:

— Приближался день отъезда мужа в Марокко. Он понимал, что замышляла его жена, и уговаривал:

«Поедем, Зизи, там тихо, ты успокоишься. Пройдет время, и родишь нам сына или дочь. Война все равно проиграна, со временем все станет на свои места. И не надо рисковать головой, заниматься далеко не женским делом»... Однако Зизи решила послужить Родине, муж стал ей неприятен. Он уехал в начале октября, а пятнадцатого Зизи вместе с Романом уехали в демилитаризованную зону.

Сначала в Лион, потом в Лимож и Виши. Всюду он встречался то с поляками, то с французами, стало ясно, что Чернявский — участник движения Резистанс — Сопротивления. — И, пригубив из рюмки, продолжала:

— Не подумайте только, что они были близки. Зизи сразу ему заявила, что их отношения останутся только дружескими. И хотя он поначалу пытался, неизменно получал «от ворот поворот». Он не нравился ей как мужчина. В Виши «Кошечка» неожиданно столкнулась со старым своим знакомым, капитаном Андре Ашаром Джемсом.

Капитан Ашар, улучив момент, когда остался с ней наедине, спросил:

— Этот Арман Борни, который говорит по-французски как славянин, ваш любовник или будущий муж?

— Ни то ни другое! — успокоила его Зизи, и они договорились о встрече.

Их свидание состоялось в отеле «Трианон». Зизи посвятила Ашара в свои планы. Тот был в восторге, обещал всяческую поддержку, познакомил с рядом офицеров из «Пятого бюро». Большое впечатление произвел на нее капитан Сmano, который оказался одним из «магов» разведки, не говоря уж о полковнике Ревере, будущим «Сарданапалом», возглавившим, после роспуска «Пятого бюро», разведывательную сеть в Марселе — демилитаризованной зоне — и наладившим непосредственную связь с Интеллидженс сервис. Вернувшись в Тулузу, Роман, видимо, получив разрешение, решил открыть перед Зизи все карты: он как резидент «Двуйки» во Франции, по заданию английской разведки собирает нужные сведения; и вот теперь его непосредственный начальник по имени Тудор, из Марселя, предлагает ей сотрудничество. Для этого ей необходимо переехать в Париж и поселиться вместе с ним — «Арманом

Боргаг», ее родственником, который после многолетнего пребывания в Румынии в качестве инженера приобрел этот ужасный выговор. «Я говорю с акцентом, плохо знаю Париж, у меня нет там никаких связей, мне нужен камуфляж для дальнейшей совместной деятельности. Вы интеллигентны, храбры, у вас развито чувство ответственности и дружбы. Вы разбираетесь в людях».

И самое главное, в Виши, в так называемой «ординатуре доктора Сога», Зизи посвятили в тайны разведывательной службы. Научили составлять и писать симпатическими чернилами, делать пироксилин, обучили шифрам, морзянке, растолковали, как отличать военные части, устанавливать контакты, налаживать связь для доставки информации и, наконец, обязали свято выполнять задания Лондона, не говоря уж о приказах «Сарда-напала»... Тем не менее обе разведывательные службы должны работать независимо друг от друга.

Только в этом случае, при таких условиях, капитан Сmano пообещал всяческую поддержку «Пятого бюро», если только Зизи и Роман Чернявский, ставший ныне Арманом Борни, будут работать искренне... И еще одна деталь; Зизи прожила в новой столице Франции более двух недель. По вечерам они обычно проводила время в баре «Амбасадер» и, сидя в кожаном кресле в ожидании очередной встречи, нервно скребла ногтями его подушку, за что один американский репортер прозвал ее «The Cat» — «Кошечка». «Моя маленькая Кошечка», — звал ее капитан Ашар. Так и получилось, что ее нелегальное имя стало «Кошечка».

Нина, глядя, как пальцы сидящей рядом подруги впились в обшивку кресла, прыснула, заметив:

— От этой привычки наша милая Зизи не может никак избавиться! Ха-ха-ха!

Лили бросила взгляд на свою левую руку и тут же встрети-
лась глазами с Катковым.

Иван тоже улыбнулся и с какой-то теплотой в голосе за-
метил:

— Меня в Московском лицее дразнили «Котом», так что мы
вроде из одной породы! Однако, простите, я вас перебил, вы
рассказываете такие интересные вещи, и прошу вас, не опасай-
тесь, милая Лили, я никогда вас не предам! Слово дворянина!
Напротив, постараюсь всячески вам помочь. Вам должно быть
известно, что наряду с французским, создается русское Сопро-
тивление, в котором я имею честь состоять. — Лили поднялась,
порывисто обняла Нину, потом подошла и обняла ее мать и отца,
протянула руку и поцеловала Каткова.

— Знаю, вижу, сердцем чувствую, мои дорогие, что вы с
Францией, кое-что слышала и о месяе Рошине и... надеюсь... —
Она уселась на место, поглядела на свою пустую рюмку и, когда
Иван ее наполнил, отхлебнула немного и продолжала рассказ:

— Что можно еще ко всему добавить? Предстояло пере-
браться нелегально через демаркационную линию. Арман про-
шел ее налегке, «без багажа», а я с невинным видом предъявила
рекомендацию, заявив, что работаю сестрой милосердия. По-
лицейский заулыбался, глядя на меня и, даже не взглянув на
бумагу, помахал мне рукой. В Париже я решила снять квартиру
неподалеку от больницы «Кошен», на улице Сен-Жак, 26, со-
всем близко от этого дома. Вскоре прибыл и мой «родственник»
Арман. И ему была отведена лучшая комната. А на другой день
мы обсудили, как выполнить предстоящие задания. В первую
голову собрать подробные данные о дислокации частей вермахта
и объектов, с тем чтобы срочно передать всё в центр, предвари-
тельно наладив зашифрованную связь с Марселем и Лондоном.

Потом утвердить будущее лицо организации под названием «Интералие» — «Международная».

Лили Карэ уставилась куда-то в пространство и тяжело вздохнула, потом тихо, почти шепотом, протянула:

— Устала я что-то сегодня, устала... — потом, собравшись с силами, подняла голову, кокетливо сверкнула глазами в сторону Каткова и уже бодро произнесла:

— Зато приобрела русского друга! Не правда ли, месье Иван?

Катков поднялся и поцеловал Лили руку.

Нина переглянулась с родителями, встала, обняла гостью и безапелляционно заявила:

— Ты сегодня ночуешь у нас, дорогая, свежо на дворе и ветер поднялся, никуда тебя не пущу!

Катков начал прощаться. Нина проводила его и уже тише заметила:

— Лили говорила чистую правду. Она удивительная женщина. Я знаю ее давно. И я вас прошу, Иван Михайлович, не дай бог, если об этом узнают немцы, поэтому пусть все, о чем она рассказывала, останется в тайне.

— Ниночка, передайте ей завтра, что если ей будет трудно, среди русских эмигрантов найдется немало людей, которые придут ей на помощь! Начиная с Николая Рощина и меня. До свидания!

Уже дома, ворочаясь в постели и вспоминая под завывание ветра рассказ этой странной женщины, он думал о том, как трудно хранить тайну и как страшны последствия, если ее выболтать.

Встретившись наутро со своим мэтром Н.Я. Рощиным, популярным писателем, автором романа «Белые акации», возглав-

лявшим, под кличкой «Масон», группу, пока еще пассивную, русского Сопротивления, Иван рассказал о «Кошечке».

Выслушав его, «Масон» похвалил своего протеже, сказал, что контакт с ней со временем следует установить, но ни в коем случае не становиться в зависимость от английской, польской или французской разведок. И посоветовал со временем осторожно позондировать почву у председателя НТСНП Поремского, который наверняка с ними связан.

«Случайная» встреча дала совершенно неожиданный результат. Хитрый Поремский юлил, однако было ясно, что НТСНП занял прогерманские позиции. И когда Иван спросил, как к этому относится Исполбюро НТСНП в Белграде, председатель Французского отдела, улыбаясь, сказал, что расхождений быть не может и что весной в Париж должен приехать начальник контрразведки НТСНП, его старый лицейский друг.

Катков, сдерживая удивление, про себя решил, что узнает все у него, а может быть, и переубедит. И попросил Поремского встретить Володьку и поселить старого друга на несколько дней у себя. Иван Михайлович Катков был все-таки корреспондент «Возрождения», с ним считаться приходилось, да и к тому же снималась с плеч лишняя забота по устройству.

4

Катков пришел, как обещал, в восемь вечера и тут же предложил проехаться по Парижу.

— А поужинаем у «Эдуарда VII»...? Прежде честно разберемся: приехал сюда помогать немцам? Бороться против жераров или зарождающего русского Сопротивления? Иными словами, по пути ли нам или нет? Мне точно стало известно, что Исполбюро НТСНП, подобно «самостийникам» всех мастей, продается абверу.

— Откровенно говоря, когда Байдалаков предложил мне съездить в Париж, так вопрос не стоял. Я прежде всего подумал о девушке, которую любил. Потянуло, понимаешь? А его наказу связаться с Гуго Блайхером особого значения не предавал. Меня интересовала деятельность ГПУ во Франции — Кутепов, Миллер, Скоблин, Плевицкая, Эфрон и т.д. Ни к Англии, ни к Франции я не питаю добрых чувств. О коварном Альбионе говорить не приходится. Великобритания всегда помышляла о гибели Российской империи, ну а Франция, верней ее правители, фактически предали Белое движение. Коварно, вместе с чехами, выдали большевикам адмирала Колчака. В девятнадцатом году, когда красные подошли к Одессе, целая эскадра, вместо того чтобы встретить неприятеля огнем пушек, срочно снялась с якоря и ушла в море, предоставив защищать город и пристань, где грузились беженцы, мальчикам-кадетам. Дрались они до конца, зная, что спасения нет. Потом, в двадцатом, после разгрома Врангеля, захватили военные корабли и отправили в Бизерту, предательски выбросив армию на пустынный, дикий берег Галлиполи, а казаков — на остров Лемнос. А потом? Единственной страной, пришедшей на помощь белой эмиграции, была Сербия, верней СХС, ставшая Югославией. Тем не менее «воевать с жерарами» или с Сопротивлением я не собираюсь, тем более с русскими, душой я с ними, а вот разумом?..

— Понимаю тебя, дорогой друг, понимаю! Полон сомнений был и я. Психология у нас, русских, своя, весьма отличная от Запада.

Не прошло и получаса, как, проехав по безлюдным улицам, мы поднялись по шикарной лестнице, вошли в главный зал «Эдуарда VII» и огляделись: народу было мало. Справа, ближе к оркестру, многие столы совсем свободны — видимо, места для немцев, слева нам помахал и заулыбался плотный круглолицый

мужчина с глазами навывкате и чуть приплюснутым, начинавшим лиловеть носом.

«Любитель красного вина», — подумал я.

Поднявшись, — он был среднего роста, — Роцин хлопнул по плечу Ивана, протянул и крепко, по-мужски, пожал мне руку, с любопытством оглядев с ног до головы.

— Здравствуйте, Владимир Дмитриевич! Вот вы какой! Слышал кое-что о вас. Надеюсь, расскажете, что сейчас творится в Белграде. Я ведь там бывал. Как смотрят сербы на альянс принца Павла с фюрером? Что думают русские эмигранты о скором его вторжении в СССР? Какова позиция ваших новопоколенцев? НТСНП? Верней, Байдалакова? Уважаемого и достопочтимого профессора Георгиевского? Ну, ну! Не сердитесь! Я ведь шучу. Лучше попробуйте вино, которое подают в нашем, правда, уже сейчас не совсем нашем, «Эдуарде», — и, повернувшись к подошедшему официанту, кивнул в сторону трех стоявших на столе фужеров:

— Репете!

Роцин был явно навеселе. Он сыпал остротами, порой избитыми, но они не звучали у него плоско, а были неизменно к месту. И какой бы темы ни касался, неизменно был «на коне».

Мне нравились суждения этого писателя, бывшего корниловца, героя Ледового похода, на первый взгляд лишенные логики; шутки со скрытой в глубине серьезностью; искренность, доходящая до дерзновенности, и вдруг появляющаяся в глазах хитринка. И где-то в подсознании мелькало непонятное чувство общности душ.

— За спиной сидит немец, — шепнул Роцин, взяв меня за руку, — он вас не знает? Только сразу не оглядывайтесь!

Как бы ненароком повернувшись, я узнал Гуго Блайхера.

— Не встречал этого типа в Белграде? — уловив что-то в моих глазах, спросил Иван.

На мгновение я заколебался, но все-таки сработала школа Околовича, который не раз твердил: «Контрразведчик должен обладать скромностью, терпением, сообразительностью, смелостью, изобретательностью, воображением, интуицией, работоспособностью, честностью и бдительностью по отношению к своим товарищам». И я ушел от прямого ответа:

— Встречал в Белграде при немецком посольстве некоего Ганса Гельма, сына извозчика, недоучившегося студента, земляка и любимца Генриха Мюллера, шефа гестапо. Работал в Третьем отделе и курировал хорватскую организацию усташей, совершившую покушение на короля Александра в Марселе... Любопытно сравнить...

И в этот миг точно молния ударила. На меня нашло озарение: душой сердцем я на стороне тех, кто любит Родину больше своего прошлого. Понял, чем живут сидящие возле меня люди, как идут на риск, желая перетянуть меня на свою сторону. И я, уже не задумываясь, сказал:

— Этого типа я знаю. Он был у нас в Белграде. Сейчас, видимо, занимает здесь высокий пост в Третьем отделе абвера. Зовут его Гуго Блайхер...

Роцин заерзал на стуле, потом положил свою руку на мою и, глядя в глаза, спросил:

— Простите за бесцеремонность, раз у нас дело пошло на откровенность. Скажите, с какой целью вы приехали? Белая эмиграция у нас во Франции в своем большинстве считает, что в случае войны с СССР надо помогать Родине. Таково мнение РОВСа, младороссов Казем-Бека, да и многих энтезсовцев, а вот Байдалаков иного мнения, поэтому...

— Поэтому, — Катков вскинул руку, — случайно узнав о твоём приезде, вспомнилась наша лицейская дружба и захотелось вырвать тебя из когтей предавшейся Третьему рейху сволочи.

5

Пока я раздумывал, что ответить, к нашему столику подошел швейцар и, почтительно поклонившись, протянул Ропчину записку. Взглянув на нее, он быстро встал и, поглядев на Каткова, сказал:

— В фойе ждет наша красавица. Сейчас ее приведу! Простите!..

Проводив своего мэтра взглядом, Иван поднял свой бокал:

— Давай, Володька, до дна! За нашу добрую старую дружбу! — и я последовал его примеру. А он неторопливо намазал майонезом кусок рыбы, отправил ее в рот и, глядя в глаза, продолжал:

— Не думай, друг дорогой, будто мы не знаем, чем ты занимаешься в НТСНП. На твоём попечении охрана Политбюро Союза, а после отъезда Околовича, — контрразведка. А приехал сюда, полагаю, выявлять не согласных с установкой Байдалакова: «Против большевиков — хоть с чертом!» Связаться с абвером или гестапо и делать все возможное, чтобы не допустить при их помощи энтезсовцам, да и прочим белоэмигрантам, вступать в ряды Сопротивления. И, конечно, выявлять их главарей, вроде «Кошечки», о которой я тебе рассказывал, или ее подруги Нины Поль...

— Иван!..

— Не перебивай, выслушай до конца. Сейчас она придет сюда. Услыхав, что мой товарищ приехал из Белграда, Нина заинтересовалась: у нее столько связано с Югославией, столько знакомых, добрых подруг... Получилось случайно, мир на этом

стоит. Случайно узнал, что этот твой Блайхер сюда явился сегодня, и кто знает, какие случайности нас еще ждут! Она идет с репетиции, потом я отвезу ее домой и вернусь, а ты посиди с Роциным, послушай его мнение, которое совпадает с мнением Бунина, Зайцева, Шмелева и многих других писателей. Подумай, прислушайся к голосу совести, что говорит твоя дворянская честь. А потом...

— Кто тут приехал из Белграда? — услышал я до боли знакомый голос, обернулся и вскочил.

Передо мной стояла Нина, я видел, как ее устремленные на меня большие голубые глаза расширились, засияли радостным блеском, потом стали синеть, тухнуть, наливаясь холодом, отчужденностью, а из полуоткрытых губ вырвался мучительный шепот:

— Владимир...

— Так вы знакомы? — удивился стоявший за ней Роцин.

— Ниночка... Ниночка... — сдавленно пролепетал я, не в силах оторвать взгляда от лица молодой женщины в расцвете красоты. И вдруг спазм сдавил мне горло, а на глаза набежали слезы. Чтобы их скрыть, я склонился и схватил ее руку.

Ее пальцы беспомощно легли на мою ладонь, словно искали защиты и не хотели уходить...

Роцин сначала с недоумением поглядывал то на меня, то на Нину, но потом, сообразив, что мы были не только знакомы, обернулся к Каткову и о чем-то с ним заговорил, деликатно давая нам возможность прийти в себя...

Прошло более пяти минут в полном молчании. Дар речи я обрел только за десертом. Нина слушала белградские новости и почти не задавала вопросов даже тогда, когда я заговорил об общих знакомых. И только временами останавливала на мне пристальный взгляд, когда я не смотрел в ее сторону.

После кофе, воспользовавшись паузой, Нина поднялась, с деланой улыбкой поблагодарила меня и поглядела на Каткова.

В ее глазах стояла грусть. Она протянула руку Рошину:

— Спасибо за сюрприз! — потом повернулась ко мне. — Для вас это был тоже сюрприз?

— Я знал, что вы выступаете в Гранд-опера, и рассчитывал вас встретить, не тут, и поговорить с глазу на глаз!

— Зачем?

— Чтобы не считали меня таким... объяснить...

Ее пальцы, лежавшие на ладони, снова вздрогнули, когда я целовал ей руку. А губы прошептали: «Прощайте!»

Мы остались с Рошиным наедине.

— Ради бога, извините! Так неловко получилось. Как я понял, Нина — ваша бывшая симпатия?

— Моя несуженая невеста, которую люблю до сих пор, — пробормотал я насупясь.

— Иван, когда может, отвозит ее домой. После гибели мужа-офицера она знает только одно: театр и Резистанс... Особенно после нападения.

— Опять Сопротивление! Николай Яковлевич, а вы оба не боитесь выдавать тайну этой женщины, зная, чем я занимаюсь в НТСНП?

— Мы, я ведь корпильцев, еще не потеряли веры в себя и наших сыновей, потому говорю открыто. Тем более понял, что Нина Александровна к вам, как и вы к ней, безразлична! Современная женщина, в отличие от мужчины, который больше полагается на технику, удаляясь от природы и тем ослабляя свои духовные силы, использовала эти силы по-иному и потому больше сохранила свое платоническое естество и вникла в суть самой жизни.

— Считаете, что вновь наступает матриархат?

— Было бы неплохо. Мы накануне больших испытаний. Я не говорю только о войне. Меняется психология каждого поколения далеко не в лучшую сторону. Пройдет еще пятьдесят—сто лет, и люди все больше будут походить на обезьян — самых бездельных животных... Живя в безопасности в рощах, изобилующих плодами, они не тратят сил и времени на добывание пищи. А насытившись, ищут развлечений в пакостях. Швырнуть орехом в глаз тигру, нагадить на голову слону, а потом издеваться над ними со своей безопасной высоты — они чувствуют свою беспомощность, свое ничтожество, и озлобленно за это мстят... — Рощин подозвал гарсона и указал на пустые бокалы.

— Наши прадеды, деды и отцы, заразившись чуждыми России идеями, посеяли в незрелых умах ненависть к себе же и, трусливо уступив темной силе власть, допустили себя выгнать из страны, сажать в лагеря и тюрьмы, расстреливать. Какова цена дворянству, купечеству, интеллигенции? А ведь зачастую среди них были талантливейшие люди, с мировым именем. Кстати, потом эти бежавшие из-под ареста или пули великие умы оказались открывателями нового, прогрессивного в науке, искусстве, литературе и технике во всех областях — кораблестроительной, атомной, телевидении, электронике — все эти гениальные люди очутились во Франции, Англии, Германии, Соединенных Штатах и разбазаривали свои знания, свой талант, чтобы, согласно вашей теории, сделать из народа обезьян. Большинство таких талантов скупила Америка. Так, Сикорский, эвакуировавшись из Крыма, поселился сначала в Югославии и начал трудиться в авиационной промышленности этой отсталой страны, но вскоре был путем разных ухищрений заманен и «куплен» бандой миллионеров.

— Гении, Владимир Дмитриевич, одержимые своими идеями люди. Их цель — воплотить их во что бы то ни стало в жизнь. Они тут совсем ни при чем.

— Кто же и что делает из людей бездельников? Тех самых обезьян-пакостников? Кто проповедует интернационализм, «мир во всем мире», технический прогресс и царство праздности, косности, разврата? Кто потакает лени, своеволию? Зачем учиться, кончать университеты, работать? Не лучше ли плевать на все «с высокого дерева»? И это у нас? В нищей далекой от техники России-матушке? И вот теперь, когда нашелся деловой народ, готовый разделаться с ядовитыми, тлетворными идеями иудаизма и их носителями, вы взываете к защите тех самых убийц и палачей, безжалостно изгнавших вас из Отечества? Я понимаю французов, поляков или сербов, но нам, эмигрантам? Извините, психология ваша мне неясна!

Ницшеанство, фрейдизм, фашизм, национал-социализм исходят из одного корня иудаизма-сионизма... Близки, как братья-близнецы, идеи о высшей арийской расе, воплощенные в книге фюрера «Майн Кампф», и «религия» об «избранном народе» в Талмуде и «Протоколах сионских мудрецов».

— А не кажется ли вам, Николай Яковлевич, что проказа сионизма, разъедающая и заражающая все кругом, намного страшней и опасней, скажем, приступа фашизма, охватившего ряд европейских стран в виде самозащитной реакции на их «религию»?

Так мы спорили. Более эрудированный Рощин подавлял высказываниями «прогрессивных» русских классиков, а я, ссылаясь на то, что вычитал у Достоевского, Аксакова, Соловьева, отбивался, как мог, пока не пришел Катков.

Услыхав, о чем дискутируем, он занял нейтральную позицию:

— По всему видно, Сталин евреев не любит. Он разделался с ленинской гвардией — с троцкистами, бухаринцами, ликвидировав их вожakov. Не допустил переселения этого племени из

Польши. Отстаивает интересы России: дал реванш Брестскому миру, возвратил Лимитрофы, Бессарабию, Буковину, Западную Украину, щелкнул по носу японцев...

— Однако иудеи там по-прежнему царствуют... — прервал я его.

— Покуда еще держит при себе некоторых, вроде «железного наркома», но в стальной узде. Когда посадили его брата и жена кинулась к Лазарю — «Спасай брата!» — тот ответил: «У меня один брат — Иосиф Виссарионович!» Покорно снесли арест жен-евреек Молотов и Калинин, и только Ворошилов встретил гелепушников с наведенным пистолетом: «Не дам! Уходите! Стрелять буду!» Ха! Ха! Ха!

Подошел обер со счетом. Рощин расплатился.

— Твои, Владимир, доводы можно было привести два-три года тому назад. Все меняется! А что касается мифа о господстве избранного народа над миром, то это всего лишь коварный вариант «Тамерлана» в ином облике, который, согласно закону равновесия и гармонии на нашей грешной земле, обречен провалу... И еще скажу тебе, Володька, что ты дурак! Какая красавица тебя любила, а может, любит! Какая светлая душа, чистая совесть! Ты знаешь, что ее избрали «Мисс российского Парижа»? Намекнула мне со слезами на глазах о вашем романе. Такую женщину проморгал! Эх! Заступался за тебя, как мог, сказал, что ты в разводе. А она, гордая, под конец бросила: «А Чеботаев не изменит Сопротивлению?» — Думает, что ты на нашей стороне!

Вспыхнув, я тут же вкратце рассказал, почему не сдержал слова и женился на другой.

Выходя, я бросил взгляд в угол и подумал с облегчением: «Немец и его дама ушли. Вроде меня не заметил!» И тут же: «Умный мужик этот Рощин, столкнуть бы его с Байдалаковым!

Интересно, что завтра мне скажут французы, обязательно схожу на улицу... улицу Шаброль к Жерару...»

6

— Улица Шаброль на северо-востоке. Знаешь площадь Республики? Там садишься на автобус и катишь вверх по Жерар де Мюже до рынка. Шаброль прямо выходит к нему, — объяснял Катков. — Ты меня прости, отвез бы тебя, но сам знаешь, воскресенье у меня самый занятой день.

— Моего француза тоже зовут Жерар, что, совпадение или?..

— Это распространенная фамилия, вроде нашего Иванова. И еще, если это стоящие ребята, будь осторожен, не подведи их. Да не кипятись, а пойми, что за тобой может быть установлено наблюдение. Помнишь наказ фюрера: «Контролирен, унд нох ейн маль контролирен, унд иммер контролирен!»* Думаешь, за мной не следят? Потому почаще пересаживайся, пока доберешься до площади Революции — метро, трамвай, троллейбус и т.д., потом отсидка в укромном местечке... впрочем, я забыл, ученого учить — только портить. Держи ключ, я приеду поздно. Да, еще одно: если Поремский предложит тебе переехать, не торопись с ответом. Поживи пока у меня... Кстати, в среду мы с тобой идем в театр, идет премьера «Щелкунчика». — И, помахав рукой, Иван притворил было за собой дверь, но тут же вернулся:

— Забыл, насчет Рощина — молчок! Ты меня прости, но я ведь чувствую, что душой ты с нами!

— Ты думаешь?

* Контроль, и еще раз контроль, и снова контроль! (нем.)

— Сердце подсказывает! Особенно после того, как ты услышишь еще одну новость: немецкие и итальянские войска вступили в Югославию, страну, которая тебя приютила! — и закрыл за собой дверь.

Сообщение меня потрясло. Я повалился на диван и долго лежал, глядя в потолок, вспоминая свой приезд на пароходе «Владимир» в бухту Бокарро, Донской кадетский корпус, Крымский кадетский корпус, Белградский университет... От дум отвлек телефонный звонок.

Это был Поремский:

— Владимир Дмитриевич?

— Точно!

— Если разрешите, я сейчас к вам заеду. Сведу вас к известному вам человеку.

— Приезжайте!

Председатель французского отдела НТСНП был возбужден. Он начал с рассказа о том, как Германия, Италия, Румыния двинули свои войска на Югославию, части, состоящие из хорватов и словенцев, открывают фронт и переходят на сторону врага. И в конце заметил:

— Не пройдет и недели — все будет кончено. А сейчас поедем к нашему немцу. Мужик он неглупый и занимает довольно высокий пост. Может нам помочь, а также многое испортить. Потому, мой совет, соглашайтесь.

Я не очень удивился, когда мы подкатили к ресторану «Эдуард VII». Поднимаясь по ступенькам на третий этаж, шептал себе: «Господи! Хоть бы не узнал!»

Гуго Блайхер встретил нас любезно, поздравил меня с приездом, спросил, как устроился, бегло ли говорю по-французски и много ли у меня в Париже знакомых. Потом обратился к Поремскому:

— Вас, уважаемый, я надеюсь вскоре поздравить: в недалеком будущем поедете в Берлин. На этой неделе наши части, полагаю, разделяются с нарушившей договор Югославией, после чего мы предложим русской эмиграции включиться в борьбу с иудомасонским коммунизмом. В ней примут участие РОНД — «Русское освободительное народное движение», возглавляемое князем Бермонтом-Аваловым, «Русский национальный союз участников Великой войны», возглавляемый генералом Туркулом, «Братство русской правды», фашисты Вонсяцкого, НТСНП и многие. На Священную войну благославляет русских людей глава Русской церкви митрополит Антоний. НТСНП, насчитывающий около десяти тысяч молодых сильных здоровых целеустремленных людей, будет играть немалую роль в предстоящей борьбе.

— Какое наше участие вы подразумеваете под «этой борьбой»? — спросил я с невинным видом.

— Не беспокойтесь, — усмехнулся немец. — Вы понадобитесь не в качестве солдат, а как вы сами себя называете — «офицеров революции!»

Постучали в дверь. На пороге появилась хорошенькая горничная с подносом и, улыбаясь, спросила:

— Пермете?

И тут же поставила бутылку коньяка, чашечки с еще дымящимся ароматным кофе и рюмки.

Все невольно потянулись и отхлебнули кофе. А Поремский даже крикнул от удовольствия. Горничная тем временем разливала по рюмкам коньяк, который тоже оказался высокого класса. В меру виляя задом, она удалилась, провожаемая взглядами улыбающихся мужчин.

Наливая мне вторую рюмку, гестаповец спросил:

— Кстати, скажите, как вам понравился писатель Николай Рощин? И кто эта красивая девица, видимо, любовница господина Каткова? Ведь это вас я видел позавчера вечером здесь внизу?

— Я тоже обратил внимание на сидящую в углу пару: красивого баварца и обаятельную француженку. А что касается писателя, то, конечно, его послушать очень интересно. Он ведь дружит с Буниным, который сейчас живет впроголодь где-то на юге, кажется, в Биаррице.

— А как смотрит Рощин на нас, немцев?

— Понятия не имею, политики мы не затрагивали. Он избегал, я не настаивал.

— А кто эта женщина?

— Вы меня простите, но в амурные дела своих товарищей я не привык лезть. Ее интересовали подруги по гимназии, которую кончала в Белграде.

— Так вот, вас прислали в Париж по рекомендации моего сослуживца Ганса Гельма, как опытного контрразведчика, чтобы помочь «отделить овец от козлищ». Поселились вы весьма удачно у корреспондента правой газеты, вхожего во все, так сказать, слои русского и французского общества. В последнее время, под влиянием Интеллидженс сервис и международного иудаизма, усилилась подспудная деятельность некой тайной организации, именуемой «Резистанс» — «Сопротивление» — в которую входят некоторые русские эмигранты. Так вот, им следует растолковать, что мы, немцы, устанавливаем в мире свой порядок, а кто этого не поймет, пусть пеняет на себя! — и Гуго Блайхер, сжав кулак, уставился на меня.

Самодовольный немец становился все противней. Мелькнула мысль: «Что посеешь, то и пожнешь, баварская морда!»

И, вытянувшись на стуле, задрал голову, я рывкнул во все горло:

— Пусть пеняют на себя!

Поремский удивленно поднял брови, а немец, небрежно оторвав от стола правую ладонь, кинул:

— Хайль! — и после небольшой паузы продолжал: — А теперь у меня еще одно предложение, господин Шеботаев. Нас интересуют рукописи из архива Маркса и Энгельса. Кое-что хранил внук Маркса Жан Лонге в Париже. Когда не так давно в его дом пришли с обыском, оказалось, что он умер два года тому назад. Дурак Людвиг что-то напутал и ввел нас в заблуждение. Пришлось арестовать вдову Аниту, а та упорно отказывается сказать, где спрятаны рукописи. Задача такова: проникнуть в Сопротивление, а через него добраться до коммунистов французов и постараться узнать о наследии Карла Маркса.

Мне вспомнился шум, поднятый мировой прессой в 1933 году, когда с приходом к власти Гитлера начались поджоги клубов коммунистов, потом их разгон, сжигание книг, рукописей еврейских и проеврейских авторов. Не забылся и рассказ генсека Георгиевского о том, какая паника охватила председателя Социал-демократической партии (СДП) Отто Вельса. Как он ждал каждую минуту появления штурмовиков СА и разгрома партийного архива. А потом, придя немного в себя, решил собрать и спрятать самое ценное у своего знакомого маляра и обойщика в погреб, где были свалены рулоны обоев, стояли канистры с краской и валялись малярные принадлежности.

Директор архива Ганс Гиндрихсон остался весьма недоволен таким устройством рукописей Маркса и Энгельса в сыром помещении. К тому же соседи знали, что хозяин мастерской — близкий друг председателя СДП, и он понимал, что приход штурмовиков — вопрос времени, что означало гибель

драгоценных рукописей. И решил все перепрятать. После долгих уговоров сына депутата рейхстага Рудольфа Брейдшейда, Герхарда, дело было сделано.

Отец Герхарда со школьной скамьи дружил с Давидом Соломоном — впоследствии известным антикваром, крещеным евреем и главой берлинской секты «Христианское познание». Наряду с антиквариатом он занимался коллекционированием грамот и манускриптов немецких королей, императоров, известных поэтов, композиторов, изобретателей, полководцев и совершенно не интересовался рабочим движением. Он был готов рисковать, знал цену рукописям, умел их хранить и спасать то, что считал сокровищем.

Ганс Гиндрихсон погрузил пакет с рукописями на машину, потом долго кружил по Берлину, опасаясь слежки. И когда наконец убедился на пустынных улицах Грюнвальда, что никто его не преследует, подрулил к антикварному магазину Давида Соломона.

Опытный старый антиквар разделил толстые пакеты на тонкие стопки и рассовал их среди рукописей знаменитых мужей Германии.

Спустя несколько недель Соломона напугала внезапно нагрянувшая полиция, потребовавшая список членов «Христианского знания». Получив его, удалилась. И все-таки сигнал тревоги она вызвала.

Поэтому вскоре Герхард Брейдшейд уехал в Данию и остановился у своего школьного товарища и тезки Герхарда Соломона в роскошной вилле на острове Фиония. Герхард Соломон, узнав, что рукописи Маркса и Энгельса запрятаны у его отца, категорически настоял на том, чтобы переправить их в другое, более надежное место, понимая, что для фашистов не имеет значения факт принятия христианства его отцом.

После долгих поисков заслуживающий доверия человек нашелся. Это был Ганс Гансен, деятель СДП, проживавший в небольшом городе Флиссенбурге, неподалеку от границы со Шлезвиг-Гольштейном, почти напротив Кёльна, где жил его брат. Рихард Гансен тоже член СДП, ему и предстояло переправить чемоданы с рукописями через границу.

В то время крепко сколоченная антинацистская группа социал-демократов в Флиссенбурге занималась переброской своих партийцев, которым грозила опасность. Теперь предстояло выполнить четко весьма деликатную и опасную операцию. План разработали такой: устроить датско-германские гонки на гичках, с тем чтобы гребцы в сумках перенесли рукописи своим друзьям в Дании. Трагикомические гонки прошли благополучно.

Понимая, что подвергает себя смертельной опасности, из Германии прибыл и Давид Соломон, прихватив с собой случайно затерявшуюся среди манускриптов пачку с письмами Маркса.

В Совдепии узнали, что СДП решила распродать имеющиеся у них рукописи. Институт Маркса—Ленина—Сталина тут же предложил либо купить, пусть по самой высокой цене, либо взять на хранение эти рукописи. Однако под влиянием 2-го Интернационала Москве было отказано. Архив был продан за 12 000 гульденов Институту истории в Амстердаме.

Вспомнив все это, чтобы прибавить весу в глазах Блайхера, я заметил:

— Мне известно, что архив перекочевал из Берлина в Голландию...

— Да, но когда по распоряжению фюрера Альфред Розенберг лично явился в сороковом году к директору института и потребовал архив, Постхумус нагло заявил, что документы, письма, заметки переправлены на хранение в Лондон. После

чего поступило распоряжение конфисковать рукописи классиков марксизма, хранящиеся у родственников Карла Маркса. Хотелось раздобыть хоть что-нибудь. А эта чертова Анита Лонг отнекивается. Что скажете? — и Блайхер уставился на меня.

Слушая самодовольного абверовца и глядя, как он то сжимает, то разжимает кулак, а Поремский, будто в такт этому, кивает головой, думал: «Эти маньяки тут же все найденное сожгут, а у арестованной Аниты рано или поздно узнают, где она хранит или куда запрятала рукописи. В результате Маркса и Энгельса превратят в эдаких “святых” мучеников, а их творения — в “Евангелие”. Человечество должно трезво и здраво, без постороннего давления, в частности иудейского, оценить, ведет ли их учение к добру, красоте, свободе, мировой гармонии, или напротив, подобно фашизму, — к злу, рабству, падению морали и прочим бедам».

И, глядя немцу в глаза, сказал:

— Конечно, господин... майор! Я сделаю все возможное, чтобы узнать, где прячут архивы Маркса и Энгельса, этих выродков и врагов человечества и посланцев самого сатаны! — И подумал: «Первая серьезная проверка!»

— Очень хорошо! Сами понимаете, как это важно. Если вам это удастся, ваша карьера обеспечена. А теперь перейдем к деталям. — И Блайхер уселся в кресле поудобней, кивнул Поремскому на бутылку с коньяком.

Так, потягивая, «по-немецки», из рюмок, мы просидели еще добрый час.

7

В тот вечер, следуя совету Каткова, добравшись до улицы Шаброль, я неторопливо брел, разглядывая небольшие дома и скромные виллы. Было тепло, закатное солнце висело над

крытыми черепицей крышами и окрашивало их пурпуром. Небольшой старенький особнячок под № 5 белел за невысоким палисадником, где, с одной стороны, цвели ярко бело-розовым цветом развесистые яблони, с другой — могучий дуб раскинул ветки, покрытые светло-зеленой листвой, а под ним — плетеная садовая мебель... и тут же из далекого детства перед глазами всплыли такие же плетеные кресла, такой же дуб — наш бандуровский двухвековой, что стоял в парке.

Я дернул за ручку звонка. На балконе появился Жерар, приоткрыто замахал рукой и крикнул:

— Заходите, милости просим! — замок щелкнул, и калитка оказалась отпертой.

«Значит, можно, оставаясь в доме, за что-то дернуть или повернуть рычажок, и засов отодвинется». Я с любопытством его оглядел и зашагал по дорожке к дому. Мне навстречу шел, широко улыбаясь, хозяин.

— Здравствуйте, дорогой господин Вольдемар! Не видели наших хитростей? Парижские лентяи давно уже приспособились не бегать каждый раз отпирать. Хорошо, что вы пришли, вам будет интересно. У меня гостит ваш земляк, недавно приехал из России.

Мы поднялись на веранду и очутились в просторной столовой, стеклянная дверь и окна которой были на уровне цветущих крон яблонь. Солнечные лучи освещали висевшие на стене натюрморты и старинный буфет. И мне снова пришел на ум огромный дубовый буфет в Бандуровке, где на верхней полке громоздилась всевозможная посуда, на второй — хрусталь, в том числе кубок на высокой ручке с инициалами Павла I с причудливой крышкой, изображающей двуглавого орла. Это был подарок императора одному из моих предков.

И вот однажды за обедом, когда подали жигу, произошел забавный казус. Эстер не выносила телятины и, пожевав, подсовывала под щеки, чтобы потом, нагнувшись якобы за салфеткой, выплюнуть на пол. Эльвина Матвеевна на этот раз заметила раздутые щеки дочери и шепотом приказала доедать. А Эстер... неслыханное дело, за обедом!.. нырнула под стол и рыдающим голосом восклицала: «Не хочу! Не могу! Не хочу! Не могу!» Никто из старших не успел еще сказать слова, как со стороны буфета раздался треск и звон посуды. Стоявшая возле него горничная открыла створки и на лету подхватила фарфоровый чайник... Скрепки, удерживающие перегруженную полку, не выдержали с одной стороны, и она осела. Вся тяжесть сдвинувшейся посуды легла на старинный кубок Павла I. Было уже не до сидящей под столом дочери бонны.

А телятины Эстер уж больше не давали...

Такие мысли почему-то блуждали у меня в голове при виде буфета Жерара, где стоял графин с аперитивом и рюмки с одной стороны и бутылки с вином — с другой.

А хозяин тем временем отворил дверь в гостиную и позвал:

— Месье Поль!

И тут же вошел плотный, выше среднего роста брюнет, круглолицый, с чуть приплюснутым носом и внимательными зеленовато-карими глазами.

«Видимо, из крестьян или казаков. С виду волевой, решительный, добрая улыбка располагает к беседе, крепкое рукопожатие — к доверию. Наверно, разведчик! — заключил я. — Интересно!»

— Павел Иванович, — представился он. — Здравствуйте! Робин мне рассказывал о том, как вы спасали его в поезде. Я ехал в соседнем вагоне. Хотелось познакомиться поближе

и поблагодарить за нашего доброго хозяина, — и он положил свою лапищу ему на плечо.

А Жерар, подхватив нас под руки, повел к буфету.

— Эн ту пети пе, месье! Э... вив ла глуар!*

Подняли рюмки, чокнулись, выпили. Жерар налил по второй. И в этот момент в столовую вошла миловидная, молодая сероглазая блондинка, совсем не похожая на француженку, и пригласила к столу. Когда я целовал ей, здороваясь, руку, она, любезно улыбаясь, выразила удовольствие, что я пришел, поблагодарила за Робина и посадила рядом.

У французов коронное блюдо — суп. Его не едят — смакуют молча. Застольная беседа возникает позже, за стаканом вина. Белого, когда подают рыбу, красного — к мясу.

Разговор поначалу зашел о нападении на Югославию. Жерар заметил, что это пощечина Сталину, подписавшему договор о дружбе с правительством Югославии:

— Гром пушек немецких дивизий на югославско-болгарской границе спустя три часа после подписания пакта о дружбе с Советским Союзом и одновременное вторжение итальянских войск, конечно, приведут к молниеносному поражению Сербии. Тем более, что Славко Кватерник по радио провозгласил о «Независимом Хорватском государстве» во главе с Анте Павеличем. Одновременно идет и поражение Греции, которой англичане не в состоянии помочь. Надеюсь, все это подействует, как холодный душ, на руководство Москвы... — и он уставился на Павла Ивановича.

— Политика — штука сложная! — ушел тот от ответа.

— Сталин своей поддержкой фактически обеспечил Гитлеру победу над Польшей. А потом он упрямо стоял скрестив руки,

* По маленькой, господа! И... за победу! (фр.).

когда немцы громили Францию. Теперь-то он понимает, но поздно! — не унимался Жерар.

Павел Иванович не торопился с ответом, и я опередил его:

— Правительство Блюма, Боша, Тореза, Жуо само в значительной мере виновато в поражении Франции. Зачем было, рискуя судьбой страны, взывать к миру о помощи красной Барселоне? На что рассчитывала Франция, имея на средиземноморских путях красную Испанию? А вслед за ней, конечно, и Португалию с ее азиатскими и африканскими колониями. Англо-французский блок делал все возможное, чтобы бросить Германию на Советский Союз, понимая свое неравенство...

— Почему неравенство? — возмутился Жерар.

— Даже в мирное время вооруженные силы вермахта и Италии превышали намного союзников. Восемьдесят дивизий, девять тысяч самолетов. Во Франции — двадцать восемь дивизий и весьма ограниченный контингент в Великобритании и четыре тысячи самолетов. И если флот надводный был сильнее немецкого, то подводных лодок у них было больше. Навали и чемберлены рассчитывали, что подстрекаемый ими глупый Гитлер-Шикльгрубер увлечется идеей «Драг нах остен» и «погрязнет» в необъятных просторах России, чтобы потом ударить ему в спину. Германия сидела на полуголодном пайке. «Пушки вместо масла!» Русский хлеб за бесценок, нефть — горючее для армии — конечно, усилили мощь вермахта...

— Таким образом Иосиф Виссарионович переиграл буржуазный блок. Гитлер напал на них и тем дал стране подготовиться, как мы видим, к неизбежной войне с сильным противником, ныне в какой-то мере ослабленным, — поддержал на свой манер мою мысль русский разведчик.

— К тому же надо было перестраивать всю верхушку Красной армии после расправы над Тухачевским и его командным

составом! В этой резне мозга и цвета армии кроется, может быть, главная ошибка! — бросил я не сдержавшись.

— Дело темное, слишком много заинтересованных, может, поддались на провокацию абвера, через Бенеша. Может, повлияло настроение руководства армии и в какой-то мере соперничество, причин и поводов было немало. История со временем разберется. Россия любит «наломать дров», не знаю, как это перевести на французский. Лучше ответьте мне, Владимир Дмитриевич, какую позицию займете вы, когда нападут на вашу бывшую Родину? Станете на ее защиту, уйдете в кусты или поспешите на помощь врагу?

— Что ты? Зачем, Павел, так говоришь? — упрекнул его Жерар. Молодая хозяйка, поднявшаяся было, чтобы унести остатки жиго, остановилась с блюдом в руках, в ожидании, что скажет понравившийся ей гость.

Польщенный вниманием интересной дамы, я приосанился, собрался с мыслями и, язвительно улыбаясь, сказал:

— Ваши большевики, захватив незаконно власть, призывали народ не к спасению отечества от того же врага, а к внутренней смуте, расправе со своей же интеллигенцией, к позорному Брест-Литовскому миру, рабски подчинившись всем их требованиям, начиная с отделения Лимитрофов, оголявшего с моря Петроград, и кончая землями на Кавказе и чудовищной контрибуцией. Вы, Павел Иванович, думается, член партии, поэтому меня несколько удивил ваш вопрос! И все же отвечаю: я не большевик и понимаю, что, с одной стороны, войска Третьего рейха могут принести русскому народу избавление от иудейского ига, а с другой — принимая во внимание презрение Гитлера к нашему отечеству, иго немцев будет еще тяжелей. Тем более, что речь идет об отделении Украины, Казачьих Войск, Кавказа и Туркестана. Развал нашего государства — затаенная давняя

мечта не только Германии, но и Великобритании, Соединенных Штатов, увы, в какой-то мере даже Франции и тайных сил, как масонство, сионизм, самостийные течения. К примеру: российский ренегат, бывший генерал фон Валь, просвещая англичан, утверждает в своем опусе, будто «москвиты бессердечно угнетают национальные чувства народов. Они украли само имя Русь. И с падением монархии сто сорок четыре народа «никогда больше не подчинятся России». В Лондоне, наряду с «Украинской конторой», основан институт «Джорджика» (от слова Джоргия — Грузия) под руководством кавказоведов — бывших возглавителей английской оккупации Закавказья в годы Гражданской войны. Их организация готова помогать СССР в случае нападения на него Германии и Японии, с условием предоставить независимость Грузии, Армении, присоединения к Персии Азербайджана на автономных началах...

— Капиталисты! *Voilà tout**, — заметил Жерар.

— Не только Шелль, такова политика Великобритании. Украинские сепаратисты всех мастей готовы служить Варшаве, Лондону, Берлину и впрямь свой народ в любое ярмо, «бо не може буты ниякой згоды з москалем», лишь бы не остаться под всероссийской крышей.

— Владимир Дмитриевич! Вам лучше, чем другому, известно, что ряд русских белоэмигрантских союзов служили тем же полякам, как теперь служат немцам. Если стать на вашу позицию, что каждый человек любит отечество, свой народ больше всего, то нельзя осуждать украинцев, грузин или армян, желающих жить «под своей крышей»?

— Эмигрантов обстоятельства принуждают «подпевать» той политике страны, в которой они живут. И все-таки из мно-

* Вот и все! (*фр.*).

гих тысяч проживающих в Германии, несмотря на старание национал-социалистов взять в свои руки их политическую жизнь, ряд организаций, начиная с РОВСа, отказались подчиниться и были распущены гестапо. А что касается «общей крыши», то, заметьте, не желающие под ней жить в основном появились, когда она стала советской, когда Россию, с одной стороны, безбожно ущемляя ее территории, разделили на республики, а с другой — провозгласили лозунги: «Дружба народов!» «Миру — мир!», «Вся власть народу!» и т.д. — болтовню пустозвонов простодушных русских дураков! Каждому здравомыслящему человеку должно быть понятно, что миром правит сила, штыка, либо денег, а уж потом идеи! Так было, так будет. Это подтверждает история. И марксисты — говорю о настоящих марксистах — в этом глубоко ошибаются!

— Не во всем, дорогой Вольдемар. Идеи марксизма, пусть в искаженном виде, восторжествовали в России, их боятся фашисты, о чем свидетельствуют костры в Германии, где горят труды сторонников коммунизма.

Я вспомнил о своем недавнем разговоре с абверовцем и заметил:

— Мало того, слышал, что из рук Риббентропа ускользнул архив Маркса в Амстердаме!

— Я встретил недавно товарища, и он рассказал, как молодчики, не то из гестапо, не то из абвера, ворвались в квартиру покойного внука Маркса Жана Лонга и арестовали его вдову, которая не пожелала сказать, где хранятся рукописи Карла Маркса. Несчастливая женщина сидит в тюрьме, что неподалеку от нас. Весь Париж сейчас об этом трубит.

Жерар вдруг повернулся ко мне:

— Что смотришь на меня так, господин Вольдемар?

«Сказать или промолчать?» — засомневался я. И, дождав-шись, когда хозяйка закроет за собой дверь, невольно понизив голос, промолвил:

— Сегодня утром на эту тему вели разговор председа-тель французского отдела НТСНП и один тип. В отличие от национал-социалистов, считаю, что подобные труды следует со-хранить в целости, чтобы со временем люди убедились воочию в ошибочности так называемого «научного коммунизма»! — и невольно покосился на Павла Ивановича. А тот, встретив мой взгляд, тихо заметил:

— Значит, абвер? Гестапо? СД? Включили в поиск НТСНП?

— А во что хочет включить НТСНП ГПУ?..

— Владимир Дмитриевич, обращаюсь к вам как к гуманному человеку. Вы только что высказались против уничтожения на-учных архивов, так помогите, если можете. Был бы вам очень обязан! И поймите, я приехал сюда не ради этого. Не знаю, встретимся ли мы еще когда-нибудь? О вас мне кое-что извест-но, включая работу в Союзе нацмальчииков. Но я чувствую в вас русского интеллигента, и неважно, что у нас разные взгляды. Каждый из нас по-своему любит свое Отечество. Потому мне захотелось с вами встретиться, поговорить по душам, найти какие-то точки соприкосновения. Где-то я помогу вам, где-то вы мне! И, главное, очень пропгу: не надо подозревать меня в коварстве, личной выгоде...

А после непродолжительной паузы, уловив в моих глазах колебание, добавил:

— Не настаиваю... Мне эти письма «до лампочки»!

— До какой лампочки? — не понял я, как не понял послед-них фраз, сказанных по-русски, Жерар.

— «До фени»! Ни к чему! — и обратился уже на ломаном языке к Жерару:

— Налей нам по стакану, виноват, бокалу, выпьем за здоровье твоего спасителя, а мне надо потихоньку собираться!

Француз недоуменно посмотрел на своих гостей, не понимая, что случилось.

— Спасибо! Но прежде чем выпить, выслушайте меня и добавьте к своему тосту еще несколько слов. — Я полез во внутренний карман, достал оттуда записку и протянул ее Павлу Ивановичу:

— Вот список подозреваемых лиц, у которых может храниться архив. Абвер, а именно некий капитан Блайхер, настоятельно рекомендует поначалу найти к ним подход и только убедившись, что «у имярек» находится архив, или он что-то знает, применять обыск и прочие меры. Немец сказал: «Не хочу больше скандалиться, и без того Париж смеется над нашими бесплодными попытками».

— Потрясающе! Надо сказать «Кошечке», у нее большие связи. Пусть предупредит! — воскликнул Жерар. — Молодец! Выпьем на «брудершафт», как говорят немцы. У них тоже есть настоящие люди! — и крепко меня обнял.

Павел Иванович встал, пожал мне руку и заметил Жерару:

— Надо все делать похитрей, дорогой Робин, чтобы были и волки сыты, и овцы целы. А «Кошечку» мы побеспокоим позже, когда полностью подготовим операцию...

— Что еще за «Кошечка»? — притворился я.

— Давай сначала выпьем, как говорит Жерар, на брудершафт, а потом потолкуем.

— Добро! Предлагаю выпить за чистоту наших деловых отношений. Не буду темнить. Первый шаг, вроде сделан мною, Павел Иванович. А о «Кошечке», если хотите, я уже слышал...

— Наша «Кошечка», очаровательная и далеко не глупая дама, сумела возглавить такое дело. Молодец! Истинная патриотка!

— Интересно! Да не смотрите на него с укором, Павел Иванович! — повернулся я к советскому разведчику — так мне подсказывало внутреннее чутье. — Французы не столь подозрительны, как все советские люди, — боятся лишнее слово вымолвить без оглядки. Вы во Франции, в свободной стране! Привыкайте верить людям! Что сделать, чтобы развязать вам язык, дать честное слово? Но для вас это пустой звук, старорежимная дворянская манера... Э-э-эх!.. Мой лицейский товарищ недавно познакомил меня с бывшим офицером Корниловского полка, ныне известным писателем и журналистом. Так вот он не побоялся мне сказать, что состоит в рядах Сопротивления. Надо входить в ритм жизни страны, в которой живешь!..

— Хотя я не разделяю ваши взгляды, Павел Иванович, но готов помочь делу Родины, особенно после сегодняшнего разговора с известными лицами. Поремский — это председатель французского отдела НТСНП — мне рассказал о том, что на днях к нему приходил некий доктор Лейбрант и вел с ним переговоры об отъезде группы энтеэсовцев в Берлин. С той же миссией в Белград приехал редактор издающейся в Берлине газеты «Новое слово» Владимир Михайлович Деспотули, правая рука Адольфа Риббентропа, прибалтийского немца, бывшего офицера белой армии, а ныне будущего вершителя судеб нашей многонациональной страны. Деспотули и Лейбрант уверяют, что Риббентроп не разделяет мнения своего фюрера, ненавидящего Россию. Поэтому в ближайшее время в Берлин уедет Поремский, а вслед за ним потянутся прочие «офицеры революции», сиречь рядовые члены. Мне покуда следует оставаться в Париже, помогать капитану СД Блайхеру! Ха-ха-ха! Начиная с рукописей Маркса. Вот я и рассчитываю на вашу поддержку! Договорились? А теперь, месье Жерар,

выкладываете, что собой представляет ваша красавица «Кошечка».

Хозяин поглядел на советского гостя, заметил в его взгляде нерешительность, а может быть, и неодобрение, упрямо тряхнул головой и, схватив меня за лацкан пиджака, с вызовом бросил:

— Настоящее имя «Кошечки» — Лили Каре. Она жена офицера, сейчас возглавляет, с так называемым своим родственником Арманом Борни, подпольную организацию «Интералие», связанную с Интеллидженс сервис и с офицером, кажется, капитаном Симано из Пятого бюро, перекочевавшим в демилитаризованную зону, в Марсель, под кличкой «Сарданапал».

Павел Иванович, видимо, этого не знал, внимательно слушал, похлопывая средним и указательным пальцем по столу.

— С Арманом Борни я познакомился в прошлую среду. Удивившись его произношению — простите, вроде вашего, господин Поль! — я прямо спросил: «Вы русский?» Лили принялась было объяснять, что Арман, дескать, много лет жил в Румынии, в результате чего заговорил на ломаном французском. А прочитав на моем лице недоверие, рассмеялась, заметив: «Какой вы проницательный, месье Жерар, мой товарищ — польский офицер Роман Чернявский — закончил летную школу в Варшаве и направлен на специализацию к нам. В начале войны летал на истребителе. Был сбит, захвачен в плен и отправлен в лагерь. После удачного бегства перебрался в Луневиль, где проходил курс учения, к своей любовнице-француженке, которая дала ему одежду и снабдила документами покойного супруга Армана Борни»...

Я перебил Жерара:

— Прости, Робин, вспомнил разговор с неким Околовичем, шефом разведки НТСНП, который в момент нападения Гитле-

ра на Польшу был в Варшаве, откуда эвакуировался вместе с группой офицеров Генштаба в Румынию. Отделению абвера в Вене было приказано отправить в Варшаву отряд майора Шмальшегера, чтобы там захватить архив «Двуйки», занимавшейся разведкой, контрразведкой и прочими действиями секретной службы. Частично полякам документы уничтожить удалось, и все же команда майора Шмальшегера после занятия польской столицы установила, что значительная часть секретных материалов запрятана неподалеку от города, в так называемом форте Легионов... — оглядев своих слушателей, я продолжал: — Интерес к документам разведывательной службы Польши понятен. «Двуйка» не уступала лучшим осведомительным службам мира. Канарис, Шелленберг, Гиммлер понимали, что разоблаченных агентов могут либо привлечь на свою сторону, либо ликвидировать. Разумеется, понимало это и руководство Второго отдела Генштаба, перебравшееся в Лондон и старое гнездо шпионажа — Стамбул. Туда перекочевала в ноябре тридцать девятого группа офицеров «Двуйки», во главе с майором Пилецким. А в начале сорокового прокрался со своими людьми во Францию полковник Незбрицкий, оставив в Бухаресте майора Ельяшевича, который пристроился к японцам. Учитывая все это, следует помнить, что у поляка может быть «второе дно»! А вам, Павел Иванович, советую быть особенно осторожным. После очередного раздела Польши поляки люто возненавидели русских. И если у Романа Чернявского двойное дно, Жерара он, может, и не продаст, но вас — можно не сомневаться!..

Жерар заерзал на стуле и заметил:

— Вчера мне «Кошечка» сказала, что у Армана создалось впечатление за эти последние дни, будто за ним следят. И они срочно перебираются на площадь Трокадо, три. Кстати, по ее

словам, представитель, так сказать, «Сарданапала», капитан ДДД, рекомендует Лили, ради безопасности, жить порознь. Может быть, не доверяет поляку? Поэтому я согласен с тобой, Вольдемар. Держись от него подальше, мой дорогой Поль! Неровен час?..

— И напрасно! Как можно не понять, что захват польской территории — временная мера, тактика, маневр! А за совет спасибо, учту!

Он поднял свой бокал, выпил и продолжал, помогая себе жестами, на довольно своеобразном, но, в общем, понятном французском языке:

— Сначала запомним твердо адреса наших основных врагов в оккупированном Париже: в Булонском лесу размещается СД и гестапо; на авеню Клебер, в отеле «Рафаэль» — верховное командование вермахта; на авеню Клебер, отель «Мажестик» — резиденция военного коменданта; и наконец, в известном вам отеле «Лютеция» — филиал абвера, пожалуй, самого серьезного ведомства хитроумного Канариса. Там командует весьма опытный разведчик Оскар Райле... А потом постараемся постичь методы их работ. Все они понимают, что идет борьба не на жизнь, а на смерть, и надо напрячь все силы для выявления руководителей антифашистского движения и раскола патриотических сил Сопротивления. Абвером и прочими разведками Германии приняты, прежде всего, меры по «закупорке» Франции, Канарис ведет переговоры с военным министерством Виши, добываясь легализации действий абвера в неоккупированной зоне. По всей территории создаются опорные пункты из предателей-коллорационистов. Поэтому, господа, нужно быть предельно осторожными. А теперь лучше подумать о том, как нам перехитрить Блайхера.

Глава четвертая С КОЧКИ НА КОЧКУ

Плохо, если у человека нет
чего-нибудь такого, за что
он готов умереть.

Л.Н. Толстой

1

Надев наушники, я слушал, лежа на диване, последние известия: «Наши войска, — передавала «Немецкая волна», — успешно продвигаются вперед, захватывая десятки тысяч пленных, уничтожая военную технику... советские части бегут... не пройдет трех-четырёх недель, Красная армия будет окончательно разгромлена, и на башнях Московского Кремля будет реять наша свастика...»

Английское радио сдержанно сообщало об отступлении русских армий, о бомбежках Москвы, а комментаторы предсказывали скорое падение советского строя. О том же твердили радиостанции ряда стран.

С отвращением вертя ручку настройки, я думал: «Все вы, сволочи, радуетесь гибели нашей России!» — И вдруг услышал: «Брача и сестри, говори радио “Слободна Югославия”... Рат тек почине... Доле фашизам! Живела наша майке Русия!»

Моя родная, верная Сербия, такая на нас, эмигрантов, не похожая! Ты сначала нам помогала как русским. Вместе с нами была убеждена, что советская власть «чифутска!» А после поражения «ленинской гвардии» в 1936—1937 годах ты, моя Сербия, уверовала, вместе со всеми советскими народами, в Сталина и в день нападения на СССР обратилась с воззванием к Югославии встать на борьбу с захватчиками... Майке Русие!

Часы на стене пробили шесть. Я встал, оделся, вышел из дома. Что преподнесет мне сегодня ночью судьба? Встреча назначена в небольшом бистро на соседней улице. Увидав меня, Жерар помахал рукой, допив свой кофе, поднялся, пригласил сесть рядом и бросил:

— Сейчас он придет!

Павел Иванович опоздал минут на десять. Поздоровавшись, он окинул взглядом сидящую неподалеку молодую пару, старика, уткнувшегося в газету, и заказав на ломаном французском слуге кофе и рюмку абсента, подождал, пока он отойдет, и повернулся ко мне:

— Ну как?

— Гуго Блайхеру я сообщил, что Анита Лонг* передала архив Маркса своей подруге Марии Жановье. Арестованная, как я понимаю, была предупреждена и подтвердила все. За что переведена из строгого изолятора в тюрьму.

— Значит, клюнул! А вы сказали, что Жановье весьма состоятельная дама, что у нее собственный дом в Обервиле?..

— Разумеется! Выслушав все, он спросил: «А где сейчас эта дама? В Париже»? Я только пожал плечами: «Дамочки в бархатный сезон редко бывают в душной столице. Им наплевать — воюют или нет. Они хотят понежиться на пляже. Я подходил к дому, но позвонить не решился, чтобы не вызвать подозрения»... Он только хрюкнул, проворчав: «Ферфлюхте вайбе!»**

Жерар заерзал на стуле, посмотрел по сторонам и склонился ко мне:

— Я побывал в доме Мари не раз. Советую сделать так: перелазите через калитку в сад, по аллее доходите к дому, под-

* Жена внука К. Маркса.

** Проклятые бабы! (нем.).

нимаются на балкон. Дверь обита железом и заперта изнутри. Пусть Блайхер и его люди возьмется с замком, а вы обойдите дом с левой стороны — в третьем окне форточка плотно прикрыта, — открыв ее, поверните шпингалет, толкните левый ставень, и вы в гостиной! А оттуда идите в прихожую и отпирайте этим людям, простите, нелюдям!

— Ха! Ха! И говорю: «Битте шен! Я не действую ауф треу унд глаубен»*. Немчура сразу зауважает! А где тайник? А?

— Справа от камина в гостиной, под картиной с морским пейзажем. Открывается просто: следует только дернуть за проволоку, торчащую примерно сантиметров на двадцать внутри камина. Так что тебе не придется в саже запачкаться! — И Жерар похлопал меня по плечу. — Бон шанс!**

Обсудив еще кое-какие детали, мы разошлись, договорившись встретиться на другой день.

Вернувшись домой, я улегся на свой роскошный диван. Разгулялись нервы. Душу томило нехорошее чувство...

2

Около восьми вечера пришел Катков и, заглянув ко мне, спросил:

— Ты чего нахохлился? Взял билеты, идем с тобой в театр! Поглядишь на свою Ниночку в «Лебедином озере».

— Сегодня ночью едем с Блайхером на выемку в Обервиль. Так противно... — глухо отозвался я и рассказал о беседе на Шаброль.

— Эх, Володька, Володька! Влез ты в болото — вот и прыгай с кочки на кочку. Что тут посоветуешь? Сегодня ты надуваешь

* На веру, без проверки (нем.).

** Счастливо! (фр.).

их, а завтра?.. Уверен, что твой немец после такого провала — а это все-таки провал — захочет себя реабилитировать и, полагаю, проверит тебя на очередной операции. И завязнешь!

— Уж очень меня заинтересовал советский разведчик!

— А не думаешь, что он использует тебя и бросит, как это они обычно делают? Ты ведь «дворянское отродье»! Никогда в ногу с партией не пойдешь!

— Не думаю.. Поверил ему. И Жерару поверил. Хорошие они ребята!

— Ну смотри! Будь осторожен. В случае чего — спрячем тебя. Станешь французиком из Бордо... Запомни только одно: голова дороже любых старых бумаг! — И Катков, широко улыбнувшись, вышел из комнаты.

Время тянулось мучительно медленно. Наконец пробило десять... До Обервиля мы добрались на машине только в двенадцатом часу. Ночь была темная, пасмурная. В саду виллы царил полный мрак. Поднявшись на балкон и хлопнув ладонью по массивной двери, я тут же заметил:

— Я обойду дом, может, с заднего хода удобней! — И сразу сбежал с балкона.

Проникнуть внутрь не стоило большого труда. Не прошло и двух минут, как я впустил на виллу уже готовых взламывать дверь Блайхера и двух его помощников.

Удивленный такой прытью немец выслушал с недоверием о незапертой форточке и легко отворившейся ставне, проворчав:

— Вундербар!*

На что, посмеявшись, я сказал:

* Удивительно (нем.).

— Господин капитан! Вы забыли, что находитесь не в Берлине, а в Париже: все французы «ноншалан»! *

Обыск длился долго. Начали с кабинета, потом перешли в спальню и наконец в гостиную. Подталкиваемый мною, Блайхер приподнял висевшую у камина картину, постучал по стене и торжествующе воскликнул:

— Хир!**

Я кинулся к камину, опустился на пол, пытаясь отодрать плинтус, потом встал на колени, заглянул в камин и, не менее торжествующе ткнув пальцем в сторону торчащей проволоки, крикнул: «Хир!»

Немец наклонился и дернул за проволоку. Тайник открылся. Но он был почти пуст. Лежали несколько старых книг, принадлежащих Марксу, — с его пометками; папка с письмами, адресованными хозяйке дома. В одном из последних, датированном 26 марта 1941 года, некий человек, подписавшийся «Твой Иосиф», просил «любезную Мари обязательно захватить с собой рукопись романа нашего дорогого Карла»...

Все было ясно: рукописи Маркса увезли.

Всю обратную дорогу Блайхер молчал, и только прощаясь, пожимая мне руку, кисло заметил:

— Не повезло! Что делать? Будем надеяться, что следующее наше сотрудничество будет удачнее. А сейчас мне остается поблагодарить вас... — полез во внутренний карман за бумажником.

— Господин капитан! Я готов взять вину на себя. Благодарить меня не за что. До свидания! — И выбрался из ма-

* Беспечны (*фр.*).

** Здесь (*нем.*).

шины, подумав: «Правильно я поступаю или нет? Уж очень противно!»

Как ни старался я тихо отпереть дверь и пройти к себе, Катков проснулся и позвал меня. Пришлось рассказать, как прошла «операция», которую Катков назвал «Карла-Марла» и признал успешной.

Заснул я около семи утра.

Шли дни... Порой напряженные, порой тоскливые, скучные. В канун сентября Катков повел меня в Гранд-опера.

Шел мой любимый балет «Лебединое озеро», здесь такой редкий. Иван водил меня по огромному, многоярусному ослепительному зданию.

Особенно потрясло отделанное с расточительной роскошью великолепное фойе. Я невольно сравнивал с оперными театрами Москвы, Одессы, Киева, Елизаветграда, Бухареста, Варшавы, Белграда... Даже Миланский показался убогим и жалким.

— На постройку Гранд-опера, — разглагольствовал Иван, — истрачена, особенно по тем временам, огромная сумма: сорок шесть миллионов золотых франков! Две тысячи сто пятьдесят мест для зрителей! Французы гордятся и уважают свой театр. До войны в партер и ложи первого яруса мужчины приходили во фраках и смокингах, а дамы — в вечерних бальных платьях! Во время антрактов кавалеры не садились, а либо прогуливались со своими дамами в фойе, либо стояли. Немецкие «юберменши» поломали эту добрую традицию, являются в театр в чем попало и сидят, развалившись в креслах.

Катков поглядел на подтянутого француза в черном костюме и, помимо воли окинув взглядом свою визитку, сделал сравнение не в свою пользу.

— Посмотри-ка, — шепнул Катков, — на всякий случай на темную шатенку в черном платье, во втором ряду после первого прохода, девятое место; сидит рядом с интересным высоким мужчиной — это и есть «Кошечка»! А он, полагаю, тот самый поляк, капитан Роман Чернявский — глава сети «Интералие», — согласно легенде, ее родственник, по кличке Арман Борни.

Я тотчас узнал даму, которую мельком видел в день своего приезда в Париж, и, разглядев внимательно, подумал: «Надо запомнить эту смелую француженку... Она, как говорил Иван, дружит с Ниночкой, которая так и не захотела до сего времени со мной встретиться»!

Но вот поднялся занавес, и я направил свой бинокль на сцену: танец лебедей — такой знакомый, родной с его необыкновенной чарующей музыкой... Не хватало только лебеденка Ниночки... Она вышла позже.

Во время антракта мы спустились в фойе и почти нос к носу столкнулись с Лили Каре — «Кошечкой». Она шла под руку уже с другим кавалером, темноволосым плотным французом.

— Твоя Мата Хари, мне кажется, искушает судьбу! Подручные Канариса не дремлют! Ты бы, Иван, ей сказал.

И вот прозвучали последние аккорды, опустился занавес; поаплодировав, публика начала расходиться.

Катков, взяв меня под руку, повел за кулисы. В маленькой уборной открыла на стук дверь она. Выслушав комплименты и приняв цветы — весьма жалкие — поблагодарила и обратилась к Каткову:

— Иван Михайлович, вы меня проводите? Пожалуйста! Я так устала! — Быстро взглянув на меня, своего бывшего жениха, добавила: — Хочется все забыть...

Я вспыхнул, хотел что-то ответить, но помешала внезапно открывшаяся дверь — на пороге появилась Лили Каре. Кинувшись к Нине, она крепко обняла ее. Потом поздоровалась с Иваном и, повернувшись ко мне, церемонно протянула для поцелуя сильно надушенную руку:

— Милочка, какие у тебя интересные кавалеры...

Щеки Нины покрыл легкий румянец, и она растерянно улыбнулась.

— Вас, Лили, окружают не менее интересные кавалеры. Один только красавец блондин чего стоит, да и шатен!

— Вы и его заметили?

— Весь театр заметил.

Лили поняла намек и, чуть кивнув головой, процедила:

— Арман настаивал!

Арман!.. Ни Иван Катков, ни я не могли в то время себе представить, что через несколько дней Роман Чернявский будет арестован, а вслед за ним и Лили Каре...

А спустя несколько лет, осужденная поначалу на смерть, «Кошечка» будет ломать голову над тем, почему осталась открыта тайной работа Чернявского в абвере. Почему следствие, начатое над ним верховным комиссаром в Бордо, прекращено по приказу высших властей? Почему Арман не явился на суд, чтобы защитить ее, зная, что его свидетельство сыграло бы решающую роль?! И как, наконец, объяснить, что он безнаказанно дослужился в Англии до генерала?!

Бедная Лили!.. Она не знала, что такое соперничество разведок, которое нередко играет судьбами людей...

«Кошечка» подошла к застекленному шкафчику и, всплеснув руками, воскликнула:

— Поглядите на эту красавицу!

А когда мужчины подошли, отвела в сторонку Нину, заговорила вполголоса:

— Дорогая, приходи в субботу в шесть на новоселье: мы переехали на Корто, три. Знаешь, рядом с Бенедиктинцами? Мой балкон выходит прямо в монастырский сад — просто чудо! Посидим, есть о чем поговорить. Арман хочет отметить годовщину нашего «Интер»... Соберутся друзья. Я пригласила вашего русского писателя господина Николаса Рошеи. Скажи и господину Жану, вместе и приходите...

Чтобы не ставить дам в неловкое положение, я внимательно разглядывал портрет королевы красоты русского Парижа 1934 года и рассуждал про себя: «Жизнь мало заботится об удовлетворении нашего тщеславия, на котором зиждется многое, в том числе, пожалуй, и влечение сердца. Медленно, но верно трясет оно в своем жестком сите, и отпадает вся труха, забываются глупости и мелочи, исчезают иллюзии, пока не останется от тебя твое человеческое ядро, если, конечно, у тебя оно было. Вот и подумай: честно ли в таком неопределенном положении, в каком находишься, обольщать женщину, которая еще к тебе равнодушна... тем более, что завтра ты можешь очутиться на краю пропасти. И еще: ты не имеешь права рисковать и терять ритм жизни, как это нередко делают выбитые из колеи люди, как эта сбившаяся с него усталая, издерганная и сильно надушенная француженка»... — и стал прощаться.

Нина Поль, досадуя на себя за просьбу к Каткову, растерянно протянула руку и, сжав мне пальцы, перейдя на русский, шепнула:

— Я говорила о вас папе и маме... Приходите...

Иван Катков удивленно поглядел на меня и вскинул руку:

— Ты чего? Глубокая ночь. Куда тебя понесло?

— Не надо, Кот, меня царапать... Пока ты всех развезешь, я буду уже дома, — и, сделав общий поклон, покинул молча глядящих вслед женщин и пожимающего плечами Ивана.

3

17 ноября 1941 года, поздно вечером, Катков ввалился в гостиную с бутылкой «смирновки» и уселся за стол:

— Ну, Володька, давай выпьем за победу над врагом! Идет решающая схватка под Москвой! Советское радио передает, что части генералов Панфилова, Белобородова, Доватора, полковника Катукова — чуть не Каткова — успешно отбивают натиск врага. Немцы несут большие потери, чему немало способствуют морозы.

Просидели мы до глубокой ночи. А на другой день я пошел к Жерару, в надежде застать там Павла Ивановича и поделиться новостями. В условленном месте лежала записка: «Буду вечером. 21». Однако днем за мной пришла машина: вызывал Гуго Блайхер. Шофер повез меня в Сен-Жермен-ан-Лэ и подкатил к красивой вилле «Приере».

— Капитан недавно сюда переехал. Заходите! — сказал шофер и пошел отворять ворота.

Вслед за машиной я скользнул во двор и направился к черному ходу. Дверь была не заперта. Но в коридоре мне преградил дорогу поднявшийся со стула солдат:

— Нельзя!

— Я по вызову капитана Блайхера, — строго бросил я, — он посылал за мной машину, слышали, как она въехала во двор?

— Понял! Но сюда никого не велено пускать. Подождите минутку! — Он отворил дверь и скрылся за ней. И тут же слышался его глухой басок, а вслед за ним отчетливо прозвучал женский голос:

— Тут де сюит*.

У меня екнуло сердце: «Чей это знакомый голос? Вроде его слышал», — мысль мелькнула и погасла.

На пороге появился солдат и, широко отворив дверь, отчеканил:

— Вот сюда пожалуйста, прямо и направо, по лестнице на этаж.

Пройдя по холлу мимо закрытой двери, я уловил запах духов. И тут же перед глазами возникла красивая рука Лили Каре, которую целовал всего несколько дней тому назад. Ошибки быть не могло! Каждая следящая за собой женщина, тем более француженка, чтобы подчеркнуть свою неповторимость, составляет из набора духов собственную композицию, которая, смешавшись с запахом тела, дает тот особенный, свойственный только ей аромат. В этом многие женщины, особенно француженки, проявляют неизменное постоянство. Я это знал по собственному опыту.

Несколько лет тому назад, зайдя в магазин, вдруг почувствовал знакомый запах... и вспомнил густую аллею неподалеку от здания женского Донского Мариинского института в Белой Церкви, себя, кадета Крымского кадетского корпуса, а в моих объятиях мечта грез — хорошенькая институточка, выпускница... Я тут же отыскал ее в толпе и, отведав, удивленную, в сторонку, рассказал, как изображал «легавую»...

«Мой дорогой!.. Володя... Женщина должна быть упорна в своих навыках, в том числе и с избранными ею духами — даже самая встречаемая, непостоянная, — ибо в этом ее сила!»

Вернуться, отворить дверь и окончательно убедиться, что там Лили Каре, было слишком рискованно. Солдат, наверно,

* Сейчас (фр.).

смотрел вслед, да и сама «Кошечка» тут же меня бы предала! Поднимаясь по лестнице, я думал: «Надо срочно предупредить Каткова, Жерара, Павла Ивановича, Рощина и, конечно, Нину и ее родных! И нужно обязательно приобрести хороший бельгийский браунинг».

И вдруг досадливо хлопнул себя по лбу: «Дурак! Каре, скорей всего, арестована, и опытный, коварный Блайхер ее обхаживает!.. Паниковать рановато... Даже если меня ждет ловушка»...

В просторной приемной за столом сидела полная, крупная, неопределенного возраста блондинка, скорей всего, немка. Она подняла голову.

— Пришел по вызову господина капитана! Хайль!

— Герр Вольдемар? — улыбулась секретарша. — Заходите, пожалуйста. Гуго вас ждет.

Он сидел за огромным письменным столом и разговаривал по телефону. Увидав входящего, жестом указал на кресло и, чуть понизив голос, продолжал:

— Так точно, господин полковник, шестого ноября... Предыстория? Месть ревнивой женщины. Ха! Ха! Ха! Дениза Бифе. Он возглавляет организацию «Интералие». Да. Шпионит в пользу Англии. По ее подсказке нам удалось в Шербурге арестовать связного, под кличкой «Кики». Что? Взяли на перроне и доставили в Париж. Да. Согласился... Катупшка раскручивается. Разумеется, господин полковник! Постараемся сохранить связь с «Сарданалом»... Что касается поляка, то у него контакты с Интеллидженс сервис. Да, да, Ми-6. Еще не все выяснено, господин полковник...

Судя по почтительному тону, Блайхер, видимо, разговаривал с начальником 3-го отдела абвера. «Значит, я не ошибся... “Интералие” раскрыт!»

— У меня к вам просьба, — кладя на рычаг трубку и отвалившись в кресле, обратился ко мне немец.

— Я вас слушаю.

— Открыта, как вы уже поняли из моего разговора, шпионская сеть. Хотелось бы, чтобы вы мне помогли, включив в работу всех надежных энтеэсовцев. Я опасаясь, что «Интералие» запустила свои щупальца в среду белоэмигрантов. К ним, как вы наверно заметили, я питаю уважение. Мне довелось встречаться с вашими руководителями в Белграде, познакомиться в Берлине с некоторыми белыми генералами, однако сейчас меня беспокоят настроения некоторых весьма уважаемых писателей, ученых, военных, порой весьма известных всей Европе. Я понимаю, что покуда это все еще болтовня, однако лиха беда начало, боюсь, что отыщутся глупые головы, которые пойдут на эскалацию — шпионаж, террор... Поэтому постарайтесь внушить своим землякам не поддаваться на провокацию, не связываться с иностранными разведками, поскольку, согласно законам военного времени, это грозит строгой карой! Попытайтесь организовать несколько «опорных» пунктов в Париже из коллаборационистов — пусть не пугает вас это слово, — чтобы наладить контакты с русским Сопротивлением, раскрыть им глаза на всю безнадежность военных действий, на которые очертя голову идут некоторые французы, поляки, да еще российские военнопленные, бежавшие из лагерей.

— Это не так просто, господин капитан, люди понимают, что «блицкриг», как сейчас говорят, превращается в «сицкриг», и настроения масс зависят не от коллаборационистов и от нас, а от успехов на фронте.

— На днях вступает в силу приказ под кодовым названием «Ночь и туман», согласно ему, мы можем явиться в любой дом, в любое время, произвести обыск, арестовать, направить

в тюрьму, концлагерь, допросить «с пристрастием» любого гражданина! Согласно распоряжению, с семнадцати часов следует закрывать все бистро, кафе, рестораны, кино, театры, прекращать работу метро. До шести утра — хождение по городу только по пропускам.

— Вы знаете французов, господин капитан, надо понимать их возмущение!

— Осадное положение вызвано тем, что девятого октября наш агент Андриас Фолнер — вы его знаете, его кличка Пат — проник в одну из групп Сопротивления и уверил этих дураков, что поддерживает регулярную связь с Лондоном. Так ему удалось войти в доверие и раздобыть списки организации. А когда его заподозрили в предательстве, было уже поздно. Пришлось арестовать ряд лиц и, как сами понимаете, сосредоточить внимание на ширящемся Сопротивлении!

Последнее слово Блайхер, глядя в глаза, отчеканил по буквам... и рот его напоминал защелкивающийся капкан...

После небольшой паузы спросил:

— Что скажете? Принимаете мое предложение? Или боитесь? Ха! Ха! Не отвечайте сразу. Подумайте... Мы поможем...

— Вопрос не простой, господин капитан. Понимаю: каждый шпион жертвует своим достоинством, идет на компромисс с совестью, но он должен помнить слова мудрого Конфуция: «Благородный муж знает долг, а низкий человек знает выгоду». Долг перед отечеством, перед высокой идеей, которую исповедует...

— Дорогой господин Вольдемар! Ваша Родина поработена! Мы, немцы, даем русскому народу шанс сбросить с шеи иудейско-грузинское ярмо. К сожалению, вышколенные рабы послушно идут под огонь наших пушек и пулеметов и гибнут

десятками и сотнями тысяч! В своем пресмыкании они докатились до того, что если бы грузин Сталин приказал собраться на площади с веревками на шее для повешения, каждый русский заглянул бы еще к соседу — не саботирует ли он, — чтобы потом, с сознанием выполненного долга, зашагать на смерть... Поймите, что мы даем сделать выбор им и всему цивилизованному миру: либо поставить на колени, а в крайнем случае уничтожить стремящийся к мировому господству так называемый «избранный народ», либо ему подчиниться, стать их гоями, послушным стадом!..

— Мне кажется, что национал-социалисты, подобно иудеям, тоже хотят стать избранным народом! Поэтому и считают русских низшей расой! История свидетельствует о другом!..

Поняв, что так рассуждая, может потерять сотрудника, Блайхер пошел на попятную:

— Чтобы объединить народ и поднять на тотальную войну, надо ему помахать «избранностью», как быку красным плащом. Ха! Ха! Войны родов, племен, кланов, народов, рас — завоевательные, религиозные, классовые — за престолонаследие, независимость, за торговые пути и так далее в старину провоцировали жрецы, чародеи, волхвы, маги, кудесники, потом цари, первосвященники, феодалы, князья, иногда фанатики, завоевавшие доверие масс, или проходимцы, выдвинутые темными силами, авантюристы, как, скажем, Ленин, Троцкий, Сталин и его темная банда... В отличие от последних, есть великие завоеватели, которые, стремясь к добру, духовному единству, создают могучие империи, объединяют огромные территории, заботятся о благосостоянии народов, ведут борьбу со злом. Так ныне поступает и наш фюрер! А разъединение народов, о чем так хлопочут большевики, несет смуту, болезнь духа, неурядицы, разруху, голод и прочие беды. Недаром пословица

говорит: «Разъединяй и властвуй»!.. — Немец снова захлопнул свой «капкан» и пыгливо на меня уставился. Я молчал.

— А сейчас подумайте над моим предложением и завтра-послезавтра дайте ответ. И еще раз подчеркиваю — мое искреннее желание уберечь увлекшихся белоэмигрантов от ложного шага!

На том мы расстались.

5

Выйдя из ворот, я зашагал, размышляя о случившемся: «Прежде всего надо предупредить Ваньку Каткова и Рощина, срочно связаться с Жераром и Павлом Ивановичем, которым может грозить арест либо попасть “под колпак”, если Блайхеру удастся расколоть Лили Каре. А главное — не навести абвер на их след! За мной в ближайшие часы могут установить наблюдение, а могут и сразу. Проверим!» — И, свернув в переулок, кинулся к ближайшему дому, взбежал по ступенькам к двери и спрятался за выступом.

Прошла минута, другая... мимо протащилась старуха, меня не заметив. Напряжение спадало... Заметив вдали безлюдного переулка вывеску с надписью «Кафе», зашагал к нему. Сидящая за стойкой моложавая женщина, любезно улыбнувшись, спросила:

— Что-нибудь покрепче, кофе, поесть?

— Чашечку кофе и... коньяка, — указательным и большим пальцем показал, что порция должна быть солидной. И тут же спросил, где у них телефон.

Набрав номер и услышав знакомый голос Жерара: «Алло! Алло!», — повесил трубку, заключив: «Дома! Голос вроде напряженный. Надо проверить!»

Часа через полтора, надвинув на нос шляпу и подняв воротник, я с опаской прошелся раз-другой мимо дома Жерара. Потом, дождавшись, когда кругом не было прохожих, перемахнул через калитку и направился к черному ходу. Дверь оказалась незапертой. Вошел, прислушался. Тишина! Но вот хлопнула кухонная дверь и кто-то открыл кран. Зажурчала вода. «Все в порядке. Засады нет!» — и, постучав, спросил:

— Можно войти?

— Ой!.. Как вы меня напугали, Вольдемар! — отпрянула было от посудомойки, запахивая коротенький халат, хозяйка.

— В наказание за то, что не запираете дверь, — улыбнулся я. — У вас все в порядке?

— Ро! К нам гость, — приоткрывая дверь в столовую, крикнула Жени.

В проеме появилась высокая фигура хозяина. Удивленно подняв брови и расширив руки, он спросил:

— Ты как сюда попал? Случилось что?

— Арестованы Арман, Лили и не знаю еще кто. Пришел предупредить. Тебе что-нибудь известно?

— Месье Поль, идите сюда! Послушайте, что говорит месье Вольдемар! Ежень, свари нам кофе и тоже послушай!

Вскоре мы сидели вчетвером, и я рассказывал, что видел и слышал в вилле «Приере» на Сен-Жермен-ан-Лэ.

— Если Лили Каре живет в таких условиях, это значит, что она уже кого-то предала и, надо полагать, ей придется, в зависимости от обстоятельств, предавать и дальше, — заметил Жерар.

Мужчины кивнули головами, и только Жени, окинув их скептическим взглядом, покачала головой:

— Вы не знаете женщин!

— Дело не в этом. Думается, что ликвидировать «Интералие» полностью немцам невыгодно. Не такие уж они дураки: им нужны связи. И не столько с другими организациями вроде «Русского сопротивления», а с Интеллидженс сервис, со Вторым и Пятым бюро, с «Двуйкой», «Сарданапалом» из Марселя и, разумеется, с советской разведкой!..

Ерзавший все это время Жерар вскочил:

— Прости, Поль, что перебил, но я все-таки побегу предупредить товарищей; они тут неподалеку должны собраться. — Он поглядел на стенные часы. — А ты, Вольдемар, не уходи, дождись меня обязательно, — и, помахав рукой, направился в прихожую. За ним вышла и Жени.

— А вам, Владимир Дмитриевич, — перешел на «вы» Павел Иванович, — я бы предложил сматывать удочки: Блайхер втянет в грязную историю и стесняться не будет, хоть вы и начальник контрразведки организации, сотрудничающей с немцами. Судя по вашему рассказу и бытующему мнению о белоэмигрантах, среди них найдутся люди, готовые ради личной выгоды пойти на любое предательство.

— Вы уж слишком! Конечно, очутившись за бортом, далеко не все «умели плавать». Поначалу поддерживала вера, что народ сбросит большевистское иго, и это в какой-то мере объединяло значительную часть эмиграции. Пережито ряд этапов, причем последующий был обычно беднее, вредней, безнадежней предыдущего... Вот утопающие и хватались за соломинку, которую им протягивали ваши предшественники, Павел Иванович! За тридцать сребреников продали «Братство русской правды», Кутепова, Миллера... А ради чего? Вам лучше знать...

— Эх! Владимир, Владимир! Вся разведка зиждется на купле-продаже, на иудах! Да... Кутепова погубила беспечность, привычка хранить в тайне свои действия, расчет на собствен-

ную смекалку и силу. История такова: двадцать пятого января тридцатого года посыльный вручил ему записку с предложением встретиться и поговорить о предстоящей возможности раздобыть для РОВСа денег. Жил он на улице Руссель, двадцать шесть. Зная, что дом скрытно охраняли офицеры, не боялся открывать дверь. — Павел Иванович поглядел на меня внимательно и, видимо, решил, что рассказать всю историю полезно. — На следующий день Кутепов отправился к трамвайной остановке на улице Сэвр в назначенный для встречи час. Какое-то время подождав и убедившись, что обманут, расстроенный генерал двинулся по улице Удино в сторону бульвара Инвалидов, не обратив внимания на два стоявших автомобиля с пассажирами и расхаживающего тут же полицейского, которого прежде никогда здесь не видел, хотя по этой дороге ходил уже несколько лет в Галлиполийскую церковь...

— Много писали об этом, — вспомнил я, — в газетах печатали интервью со служителем больницы Сен-Жак, который в это время на плоской крыше пятого этажа, выбивая ковры, наблюдал за разыгравшейся сценой; видела это и женщина из окна больницы. Оба они утверждали, что незадолго до того остановились два автомобиля, серый и красный, из первого вышли двое мужчин, один молодой беспокойный, другой — средних лет, высокий плотный. Потом откуда-то появился полицейский, хотя поста возле больницы никогда не было... Потом в русских газетах была заметка, будто эти свидетели куда-то исчезли.

— Все правильно. Когда Кутепов поравнялся с одной из машин, его остановили. Подошел полицейский, заявив: «Вам придется проехать в префектуру. Вопрос важный, не терпящий отлагательства!» Генерал какую-то секунду колебался, но, видимо, фигура полицейского сняла сомнения.

Дверь машины была предупредительно распахнута. Он сел, по бокам разместились молодцы по кличке «Михаил» и «Анисим», насколько помнится. Кутепов сидел молча, поглядывая в окно, пока машина ехала по знакомым улицам, но, когда свернули к южным пригородам, забеспокоился и спросил: «Куда мы едем?» Сидевший рядом «Михаил», не без злорадства ответил: «Говорите по-русски, генерал. Мы сотрудники Объединенного Государственного Политического Управления СССР! ОГПУ!»

— Как же так? Жена генерала утверждала, что он был очень сильным человеком и мог справиться с четырьмя людьми.

— Точно не знаю; видимо, внезапно оглушили, а потом впрыснули морфий. В Марселе его провели на пароход под видом опьяневшего старшего механика. В каюте, придя в себя, Кутепов впал в глубокую депрессию, отказался от еды, не отвечал на вопросы и весь рейс провел в странном оцепенении. Пришел в себя он только раз, когда проплывали мимо Галлиполи, где в двадцатом году размещался Первый армейский корпус под его командованием... Умер он от «сердечного приступа» уже неподалеку от Новороссийска.

— Я слышал, что Кутепов как раз получил от французского правительства семь миллионов франков для организации военного путча и массового восстания российских крестьян и якобы установил связь с Тухачевским. Мало того, ему обещали богатые субсидии Детерлинк, Крупп, Мангашев, Рябушинский. Четыреста тысяч организованных, дисциплинированных и понохавших пороку военных — лакомый кусочек для любой, даже великой, страны! Небось, ваши «Михаил» и «Анисим» получили высокие награды? Стали Героями Советского Союза?!

Павел Иванович вспомнил небритое, осунувшееся и какое-то мертвенное лицо одного из участников операции, который

уверял, что, убрав Кутепова, они серьезно ослабили РОВС: «Генерал был мозгом, главным генератором идей и бесспорным вождем эмиграции и кумиром молодого поколения»... Хватаясь за стриженую голову, он чуть не плача уверял: «Мы открыли дорогу “Фермеру” — он ведь был другом Миллера, сделали все, чтобы он перевел штаб-квартиру на улицу Колизе, и тем дали возможность Третьякову, виноват, “Иванову” установить микрофон и подслушивать, о чем говорят в Штабе»...

— Чего там получили... Какая разница... Не станем ворошить прошлое!..

— Почему? Интересно ведь знать и поучительно, как советская разведка завербовала Скоблина, Плевацкую. Кстати, почему их бросили? Или о бывшем министре Временного правительства Третьякове, который, по словам Блайхера, арестован в Берлине как один из главных агентов-провокаторов НКВД за границей, принимавший участие в похищении Миллера и укрывании Скоблина. Будто у него на квартире на рю де Колизе обнаружены приемник и провода от микрофона, установленного в кабинете генерала Миллера, под мраморной доской камина; и будто в результате подслушивания погибло более тридцати заброшенных в Советский Союз белых офицеров? — допытывался я, а про себя подумал: «Ясно, тема избрана, чтобы липший раз очернить белоэмигрантов, а что на это скажешь?» — А как Скоблин попал в Австралию? И еще интересно, кто да них главное действующее лицо — Скоблин или Плевацкая? «Фермер» или «Фермерша»?

— Трудно сказать. Оба они привыкли к обеспеченной, даже роскошной, жизни, а денег было все меньше и меньше... Ей хотелось славы, бесконечных оваций, блестящих нарядов, поклонения... И она полагала, что, вернувшись по Родину, станет звездой, покорит рабоче-крестьянскую Россию!

— Павел Иванович, а вам не кажется, что уважающему себя государству позорно заниматься похищением людей, даже своих политических врагов? Оно ведь подрывает собственный авторитет! К примеру — во французском парламенте обсуждался вопрос: послать ли вдогонку «Владимиру Ульянову» миноносец и силой отобрать генерала Миллера; остановило акцию замечание одного из депутатов, что, получив приказ остановиться, генерала бросят в топку, и Франция окажется в глупом положении.

— Война есть война! Мы не живем в эпоху древнего рыцарства. Поэтому...

Павел Иванович не договорил. В комнату вошел Жерар, а следом за ним — маленького роста светлый шатен, элегантно одетый, с большим сверкающим бриллиантом на безымянном пальце левой руки. Ему можно было дать лет тридцать, тридцать пять, он близоруко шурился:

— Лукас! Очень приятно! — представился он и щелкнул каблуками. Легкий акцент, не присущая французу чопорность, трубка, которую он вскоре вытащил из кармана, да и весь его вид выдавали иностранца; скорее всего, англичанина или немца из Гамбурга — города, куда после Тридцатилетней войны за освобождение Америки переселилось, вместе с евреями, немало англичан.

Наступила пауза. Жерар отворил дверь на кухню, попросил Жени приготовить кофе. Потом подошел к бару и принялся разливать в широкие коньячные бокалы мартель и ставить перед гостями. Потом, чокнувшись поочередно со всеми, сказал:

— Господа! Выльем за успех! Чтобы все задуманное удалось! Настал критический момент. Кто знает, доведется ли нам тут еще собраться? И вообще встретиться? Поэтому я предлагаю: с открытой душой, не таясь, посоветоваться, как нам выйти

из создавшегося положения и продолжить нотр резистанс. Се ту!* И сделал добрый глоток.

Все последовали его примеру. Поставив бокал, Жерар продолжал:

— Работаю я во Втором отделе французского Генштаба, член «Интералие», — и поглядел на Лукаса.

— Лукас де Вомекур, сотрудник Интеллидженс сервис. Приехал из Лондона, чтобы наладить связь с «Кошечкой» — Лили Каре, — приподнявшись, отчеканил тот.

«А я-то думал — англичанин, немец, а он из старых французских дворян, бежавших во время революции, вроде де Вита, с которым кончал кадетский корпус», — и, глядя, как тот набивает трубку, поднялся со словами:

— Белоэмигрант, член НТСНП, занимался контрразведкой в Белграде. Приехал для налаживания контакта с капитаном абвера Гуго Блайхером. Связан с «Русским Сопротивлением».

— Советский разведчик, а зовут меня Павлом Ивановичем.

Дверь приоткрылась, на пороге показалась с подносом Жени. В воздухе запахло кофе. Жерар долил в бокалы...

— Наша «Кошечка» назначила господину Лукасу свидание сегодня в пять дня в ресторане. Я рассказывал, что с ней произошло, но, несмотря на это, он считает возможным и даже нужным с ней повидаться. А мне кажется, идти на такой шаг слишком опрометчиво. Вот мы и пришли посоветоваться. Вольдемар, ты знаешь Блайхера — тебе и слово!

— Здраво рассуждая, ни капитан, ни его вечно пьяный начальник далеко не дураки. Если Лили Каре удалось заставить в нее хоть немного поверить, то они пойдут на риск. Переда-

* Всѣ! (франц.)

вать дезинформацию через английского агента и водить за нос Интеллидженс сервис выгоднее, чем его арестовать... тем не менее, сами понимаете...

— Мне сдается, — неторопливо заметил Павел Иванович, — вашу встречу следует, прежде всего, как-то подготовить и обезопасить, елико возможно. Где именно она назначена?

— На улице Бальзака, в ресторане «Георг Пятый».

— Перенесите место и время свидания. Пусть, скажем, завтра она придет на конспиративную квартиру, которую вы назовете своей канцелярией, где есть два черных хода. Прежде чем вам прийти, пусть кто-нибудь убедится, что за домом не установлено наблюдение. Ее, конечно, привезут, тот же Блайхер или его помощник, и высажат неподалеку от дома. Послушайте, что она скажет. Самое главное, самое важное, чтобы она убедилась, что вы не подставное лицо, — в этом залог всей операции. И улыбнувшись, добавил: — Назовем операцию символом женского постоянства — «Аромат».

— Это разумеется, — улыбнулся Лукас, — Лили Каре должна сначала убедиться, что это не трюк абвера, тем более, что Миклош — наш связной — не внушает ни мне, ни наверное, ей, особого доверия. — Он повертел в воздухе рукой. — Разведчик с двойным дном! И все же я считаю целесообразным с ней встретиться.

— Вот и скажите Миклошу, что вы, по не зависящим от вас обстоятельствам, прийти не сможете, и просите перенести свидание на завтра, по указанному адресу, — поддержал Богрова Жерар и взглянул на стенные часы, — а я пойду сейчас на улицу Бальзака и понаблюдаю за их реакцией после ухода Миклоша. Только как я узнаю вашего связного и Блайхера?

— Они, наверное, приедут на «бьюике» тридцать пять семьсот двадцать четыре, темно-коричневого цвета. Стоит ли

идти сейчас? Надо учитывать, что Блайхер примет все меры предосторожности вплоть до наружного наблюдения. Он понимает, что имеет дело с английской разведкой, поэтому, пожалуй, мудрее нам троим сначала оценить обстановку. Если ничего о захвате не будет напоминать, дадим вам знать. И пусть, господин Лукас, вас не покирует, что вы опоздаете на свидание на пять минут, — подытожил Павел Иванович.

6

Лили согласилась приехать по указанному адресу в «канцелярию» Лукаса.

В небольшом рабочем поселке Крбева, на углу тихого переулка и довольно оживленной улицы Нантаэр, стоял двухэтажный особнячок. В два часа дня Богров и я подошли к нему с разных сторон. Оглядели двор, проверили двери и замки дверей, выходящих во двор и на улицу, поднялись на второй этаж в комнату, где должна была состояться встреча. Окна в ней выходили на крышу сарая и копошню соседней усадьбы. Однако сквозь шеренгу тополей с осыпавшейся листвой, выстроившихся вдоль ограды, проглядывался изрядный отрезок улицы и тем давал возможность еще издали заметить машину Блайхера. На противоположной стороне улицы прогуливалась Жени. Я подал ей знак, и она направилась к дому, поднялась к нам, сказав: «Все спокойно!»

Без четверти четыре коричневый «бьюик» остановился примерно в 80—100 метрах от дома. Спустя минуту-другую отворилась дверца, вышла Лили и направилась в нашу сторону. Я передал Павлу Ивановичу бинокль:

— Полубуйтесь-ка на «Копечку»!

В каракулевой шубке и в таком же, чуть сдвинутом на бок берете шла невысокая стройная женщина, с любопытством поглядывая по сторонам.

Павел Иванович отметил про себя: «Да. Красивая, элегантная. Рост примерно сто шестьдесят пять, брюнетка, волосы подстрижены, брови черные, правильно очерченные, глаза темно-синие, пронзительные, нос чуть курносенький, рот чувственный, на правой щеке родинка, а на подбородке ямочка... Такая может мужчину увлечь и... обмануть»...

Потом, сунув бинокль в ящик стола, поспешил за мной к черному ходу, давая последние указания Жени, в наряде горничной, как принимать гостью.

Быстро спустившись по лестнице, мы направились к калитке и очутились в узком, глухом переулке. Богров повернул к улице Нантаэр — надо было понаблюдать за «бьюнком», а я, сдвинув кепку на затылок, направился по переулку. На противоположной стороне, у глухого забора, остановился, вытащил сигаретку и, повернувшись лицом к стоящему напротив дому, принялся закуривать.

В окне колыхнулась штора, раз и другой: «Поняли!». Сняв и надев кепку, отодвинул доску в заборе и шмыгнул на пустырь, к развалинам покинутого хозяевами после недавней бомбежки дома. Нелепо торчала труба, словно опираясь на кирпичную стену; кругом, навевая жуть, стояли обуглившиеся деревья. В просвете аллеи виднелись причудливо кованые железные полуоткрытые ворота, выходящие в соседний переулок.

Это был наш путь «отступления». Там ждала машина Каткова.

Скучая за рулем, Иван то оценивающе провожал взглядом хромую старушку, то высокого крестьянина с лопатой на плече... Томительно текли минуты — ни души... Мысли его невольно вернулись к вчерашнему вечеру, когда пришел Владимир и рассказал о происшедшем. «Да, как обухом по голове хватил: “Кошечка” арестована! А ей хочешь не хочешь, придется выда-

вать... Правда, связаны мы были не ахти как, а все-таки кое-какие сведения от нас она получала, чтоб передавать англичанам. Есть и мои... Неужели не уничтожила материалы, писанные от руки?.. — Он посмотрел на часы, — и Володьке надо помочь: влип — с одной стороны этот чертов фриц, с другой — советский разведчик; потом мы с Роциным, “Кошечка” и, наконец, англичанин! Надо ему сматываться из Парижа! Да и мне не поздоровится! Абвер обязательно заинтересуется»...

В зеркале замелькал приближающийся из глубины переулка мотоциклет с коляской. Вскоре Жерар и Жени поравнялись с его «рено».

— Все в порядке! Сейчас они придут! — бросил Жерар, проезжая мимо, чтобы свернуть на улицу Фезендери поглядеть на Блайхера и его подручных.

Прошло около десяти томительных минут. Наконец появились Владимир и два разведчика. Весело посмеиваясь, они уселись на заднее сиденье.

— Куда поедем? — Катков не хотел их вести к себе.

— Ко мне, конечно! — отозвался Лукас. — Надо отметить удачное завершение операции «Аромат»!

— А может, почин? — буркнул по-русски Богров.

Поглядывая по сторонам, я отметил про себя: «Англичанин выражает свое настроение не в духе старой доброй Англии, но дураком не выглядит: какой камуфляж навел, выпятил все, что можно, костюм с иголки, яркий галстук, ботинки с красными гетрами, чудная прическа, дорогая трость с серебряным набалдашником и сверкающий на безымянном пальце большой бриллиант. Школа Интеллидженс сервис! Переодень его, без декораций и не узнаешь! Не то, что его сосед Богров»...

Уже сидя за столом, после третьей или четвертой рюмки виски, Лукас рассказал, как «Кошечка» поначалу осторожни-

чала, врала, потом — то ли поняла, то ли нервы не выдержали, плача и смеясь, порой доходя до крика, выложила всю правду: как ее арестовали по вине Армана и его любовницы, как при- нуждала людей сотрудничать с абвером, как Блайхер даже ночью не оставлял ее в покое, даже в постели! Однако все больше и больше ей доверяет, а она все больше ненавидит... И ее глаза с затаенной надеждой смотрели на меня. Мой ответ был таков:

«Крепитесь, Лили, я остаюсь в Париже и вас не покину. Будем вместе играть свои роли. А там... посмотрим... может, удастся их спровоцировать и увезти вас в Англию». Потом спросил, что абверу известно обо мне, и мы наметили в общих чертах план действий

— «Кошечка», случайно, не знает о дальнейших планах абвера в отношении «Русского Сопротивления»? — спросил Катков.

— Такого вопроса мы не касались, но мне известно, что поступило секретное распоряжение, согласно которому советский военнопленный теряет право на гуманное обращение с ним, в соответствии с Женевским соглашением, поскольку он служит большевикам и в политическом смысле. Мало того, он не пренебрегает диверсией, пропагандой, поджогами, пытается бежать из плена. По убегавшим стреляют без предупреждения. Идет явное ужесточение. «Русскому Сопротивлению» следует быть особенно осторожным!

Ведя за столом у Армана беседу, они даже представить себе не могли, что сидящий перед ними агент Интеллидженс сервис вскоре, вместе с Лили Каре и при ее помощи, переправится в Англию, а потом... когда французский военно-полевой суд осудит ее на смертную казнь, он даже и пальцем не шевельнет, чтобы заступиться за нее...

И что так же сидя за столом, с рюмкой шотландского виски со своим старым знакомым Владимиром Поремским, тот же Арман будет договариваться, на каких условиях Англия возьмет под свое покровительство вернувшихся и возвращающихся из Германии в 1945—1946 годах энтеэсовцев...

7

На Крещение Иван Катков, засветло приехав домой, осторожно завел речь, о чем размышлял, сидя в машине во время операции «Аромат»:

— Прикидываю я, Володька, и так и эдак, и боюсь: не затащит ли тебя в свой капкан Гуго Блайхер? А?! Как вспомню его морду, особенно глаза — жуть берет! Насчет нашего «Сопротивления» он в курсе; догадывается, что мы были связаны и с «Интералие»... Не пора ли тебе...

— Гвоздем в голове это у меня засело, — обрадовался я намеку, — чувствую, что пора уматывать из Парижа; страх берет, когда вспомню, как Блайхер уже дважды о тебе спрашивал... а ты еще ввязался в эту историю с Лукасом! Английская разведка коварна, ей доверять опасно! Она только свои интересы блюдет...

— А все остальные? А советская? Верить ОГПУ? Павла Ивановича принимаешь за чистую монету?! Ну и наивняк же ты!

— Хочу верить!!! Душа просит!!! Вопреки всякой логике, наперекор собственным убеждениям, невзирая на свое происхождение, супротив здравого смысла! Чувствую в нем русскую силу! Помнишь:

Сильна ли Русь? Война и мор.

И бунт, и внешних бурь напор

Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: все стоит она!

— Ты представляешь себе старую Россию. Ее сейчас нет! Осталась одна чернь да жида, которые властвуют над нею! А если помянуть Пушкина, то он писал и это: «Мы малодушны, мы коварны, бесстыдны, злы, неблагодарны; Мы сердцем хладные скопцы. Клеветники, рабы, глупцы»...

Сколько наглого бесстыдства, злости заложено в призывах к разграблению церковных ценностей, суду над патриархом, убийству десятков тысяч священнослужителей! Сколько беспринципного коварства в похищении Кутепова, Миллера, убийстве Бенеша, своего брата Троцкого... Ты им интересен как начальник контрразведки террористической организации, засылающей своих людей в СССР. Твоя совесть требует пренебречь прежней враждой и стать на защиту Родины... Понятно... но помни, что «КПСС, Москва слезам не верит»!

— Но Россия стала другой! Сталин обращается к русским людям: «Братья и сестры!» — не «товарищи»! Поговаривают о выборе патриарха! По радио все время звучат слова: «Родина!», «Отечество»!

— Меня гложет сомнение, что все эти меры вызваны силой обстоятельств. Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов и иже с ними понимают, что вопрос стоит: быть или не быть Советскому Союзу и, прежде всего, им самим! Нереальны ныне призывы стать на защиту коммунистических идеалов, вроде, скажем, «Грабь награбленное!» или «Бей буржуев, кулаков!», на которые так охотно отзывался в свое время «проклятьем заклейменный мир голодных и рабов» в виде озверелой толпы — солдатни, матросни и люмпена... Теперь к вкусившему все прелести коммунистического рая народу с подобными лозунгами не

*Юрий Григорьев, кадет Донского
кадетского корпуса*

Ксения Околович

Кадеты Донского кадетского корпуса, 1926 г.

*Первая супруга И. Дорбы
и сын Павел*

*Виктор Михайлович Байдалаков —
председатель исполнительного
бюро НТС*

*Съезд совета НТС слева направо:
В.М. Байдалаков, С.А. Субботин,
М.А. Георгиевский, А.Э. Вюрглер*

Г.С. Околович

Глава абвера Вильгельм Канарис

Глава РСХА Рейнхард Гейдрих

Глава смоленской службы порядка Николай Алферчик

Вологда в годы войны

Автор и партизанский командир на охоте

*Иван Дорба
в партизанском отряде*

*Командир партизанского отряда
Д.Ф. Райцев*

Вологодский госпиталь

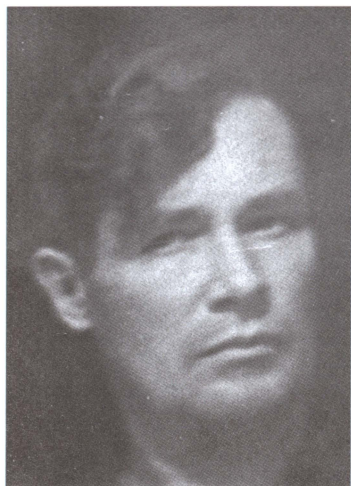
Физзарядка в госпитале

Начальник вологодского госпиталя

Автор в период работы медбратом

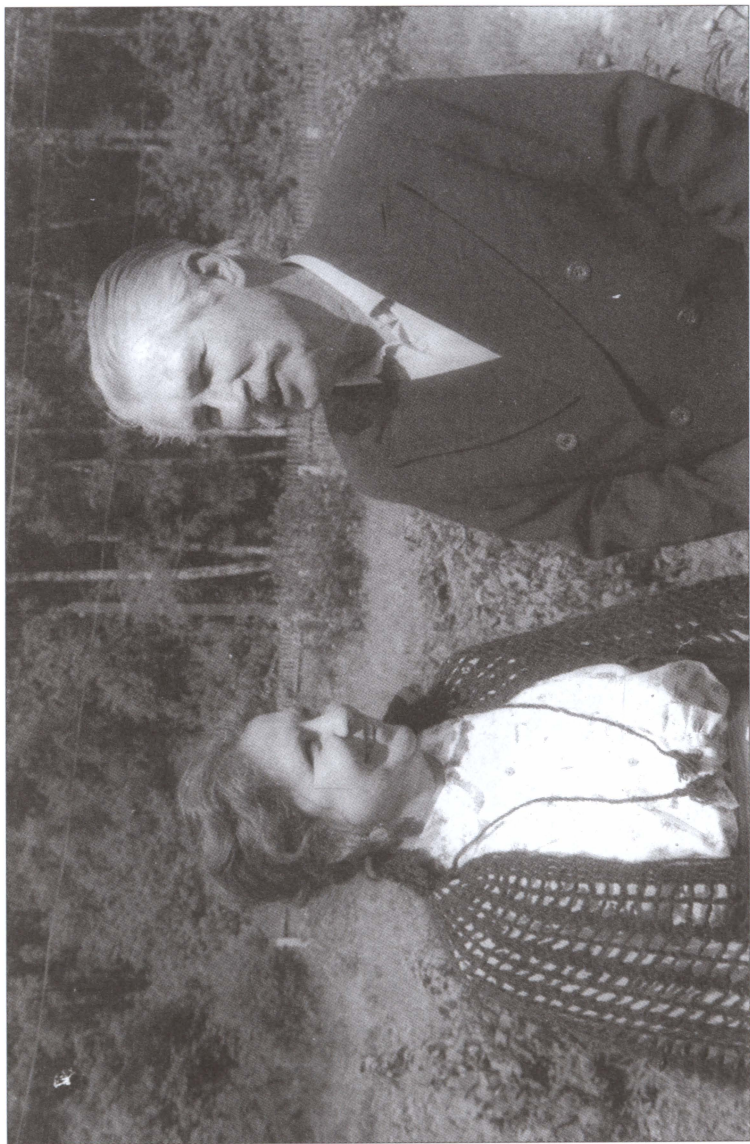
*Иван Дорба в период
пребывания на Лубянке*

Автор в 1949 г.

Иван и Ольга Дорба в 1977 г.

Автор с супругой Ольгой в 1992 г.

подъедешь! Отсюда невольно возникает мысль: «Как правильно мы делаем, борясь с фашизмом! По своему существу близким, единокровным братом того же коммунизма? Все эти Фрейды, Ницше, Шопенгауэры, Марксы черпали из одного источника: переосмысленной на свой манер левитами в шестом веке и придуманной ими же для своего “избранного народа” Торы, каббалы — учения, направленного против христианства».

— Точно! «Чисто немецкая раса» напоминает «избранный народ». Знаешь, Иван, Достоевский оплакивает современное безразличие людей к нравственным запросам, индифферентность к религии и спрашивает: «Может ли современный интеллигент — умственный пролетарий, беспочвенный межеумок, ценить и уважать свою Родину — Россию, когда, по сути дела, ее суть и ценность в религии, в православии?!» Подобные межеумки считают, что россияне годны только как материал для благоустройства другого народа, скажем, немецкого — о чем помышляют фашисты, или иудейского, в чем уже весьма преуспели сионисты. И те и другие — исчадие самого Люцифера! Православие — это непротивление злу, смирение, вера в себе подобного. Этим оно отличается от католического и лютеранского Запада, который величает нас «Иванами-дураками»!

— «Иван протак и добряк! На дурака вся надежда, а дурак-то и поумнел!» — говорит народная пословица. Как бы Западу не ошибиться! И все же, думается, народу нашему надо помочь раскрыть глаза пошире. Увы, роковую роль сыграла русская интеллигенция, не давшая в свое время отпор темным силам, питавшаяся последние сто лет чуждыми, даже враждебными и нездоровыми идейками, подсовываемыми Западом. Разобщенная, трусливая, она не пожелала бороться до конца и дала деру, в надежде, что «Иван» сам вскоре разделается с большевиками,

а пока посидят, подумают... в Стамбуле, Париже, Белграде, Софии.. — Катков внимательно посмотрел на меня.

— Потому теперь, расколовшаяся на сотни партий, братств, союзов, обществ, она напоминает свору озлобленных, вечно грызущихся беглых псов. А накануне октября, в семнадцатом году, потакала ловким, поднаторевшим во вранье смутьянам и немецким шпионам провоцировать уставших от изнурительной и кровопролитной войны солдат и рабочих. Помогала захватить власть при помощи старого испытанного способа-трюка — «борьбы с реставрацией», так называемого «путча» генерала Корнилова... Сколько их было и сколько их еще будет!..

— Пока не переведутся дураки!.. Так Керенскому с Лениным удалось обманом поднять солдат и матросов против Корнилова, а затем сбросить и самого Арона Кирбиса-Керенского, — съязвил Катков.

— Чтобы спустя два года разделаться с теми же матросами в Кронштадте, а с вернувшимися на Тамбовщину солдатами, поднявшими «мятеж» — Антоновщину — разделаться при помощи русского интеллигента-дворянина Тухачевского. Что произошло? Он же любил свою Родину! Видел, кто такие большевики. Был смелым человеком! Чем руководствовался князь Оболенский, предавая своих товарищей-офицеров, готовящих восстание в Москве?.. А Блюхер, мичман Павлов... разве перечислишь!.. Всех покарала Немезида! И карает волну за волной! И это называется борьбой за «счастливое будущее народа»!.. — слова глухо вырывались из моей груди.

— Не менее отвратительна грызня «беглых собак», как ты называешь нашего брата... — добавил Иван.

Наступила пауза... Каждый думал о своем...

— Вот потому нас с тобой и тянет к неведомой России, которая, стиснув зубы, стоит сейчас на защите своей Родины.

Трудится не покладая рук, невзирая на бомбежки, на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, полуголодная, всем народом, включая стариков, женщин, детей.. Святой долг как-то помочь этим людям!..

— Мне хочется вступить в ряды Красной армии, если удастся. Здесь земля горит у меня под ногами! Чувствую: доберутся до меня!..

— Ты, Иван, ведешь борьбу с врагом в Сопротивлении, которое, уверен, будет шириться и отвлекать силы немцев. А после победы вас — как достойных сыновей — встретит обновленное Отечество! Надеюсь! И будет поднят «железный занавес», вырублен «чертополох», отделяющий Россию от Европы!

Катков то молчал, кивая головой в знак согласия, то пожимал плечами, потом, подняв руку с растопыренными пальцами, заговорил:

— Слушаю тебя, слушаю и думаю: Московское радио до противности восхваляет «великого отца народов» — человека, конечно, недюжинного, обладающего всеми качествами лукавого, беспринципного и жестокого деспота, которому удалось перехитрить всех, начиная с «наполеона»-Троцкого с его еврейской шайкой и кончая Тухачевским. Сталин — вершина, полноценный большевик, рожденный от ехидны и очковой змеи.

— Ну зачем так? Самодержцы в судьбоносные для страны времена нужны, как воздух! Фараоны, императоры, цари, короли, за редким исключением, не отличались особой добротой и благородством. Сталин сейчас хлопочет о том, чтобы возродить народный дух России! До сих пор большевики выкорчевывали нравственные ценности, накопленные за тысячу лет князьями киевскими, царями московскими, императорами петербургскими. Народ надрывается... Боюсь только одного: как бы полуживой Илья Муромец, натужась из последних сил, не пал бы,

нанеся последний удар, и сам на поле боя. А оставшиеся мелкие людишки оглянутся, ахнут и покорно снимут шапки: «Погибла Россия, продавай с молотка веру, землю, недра, леса, честь и достоинство; берите и владейте нами!»

— Об этом, помнится, предупреждал в прошлом веке мой дед, Михаил Катков. Будем молить нашего Господа Бога, чтобы благословил многострадальную Родину и помог нашему Сопротивлению в сборе средств, в призывах к вмешательству США в войну, а прочие страны к восстанию, как это сделала Югославия!

— Слышал, будто Альфред Розенберг, ныне министр по делам оккупированных территорий Востока, носится с мыслью о создании русской армии на манер украинской. Может, и удастся сколотить кое-что из пленных солдат, томящихся в лагерях на голодном пайке в ожидании смерти, — жить ведь всем хочется. И осуждать трудно, — я поглядел на друга, который поднялся, подошел к бару, плеснул два бокала коньяку, сунул один мне, чокнулся и неторопливо повел речь:

— Давай сначала выпьем, чтобы все у тебя кончилось благополучно. Понимаю, обстановка сложная, пожалуй, даже критическая. Знаю, что и с финансами у тебя швах и деваться вроде некуда, а переходить на нелегальное положение неохота... А главное — Блайхер, который, раскручивая ниточку через Лили Каре, доберется до истины с архивом Маркса и, чего доброго, и до Жерара, и Нины Поль, и всего прочего... Церемониться они не станут. Абвер, гестапо — палачи опытные! Хочешь не хочешь, все расскажешь...

— Вот я подумываю укатить к Байдалакову в Берлин. Вопрос: как?

Катков вздохнул с облегчением.

— Вопрос, отпустит тебя немец так сразу? — И невольно посмотрел сквозь стеклянную дверь, выходящую на балкон, на дом, где раньше жила Нина Поль со своими родителями, потом снова повернулся ко мне:

— Скажи, ты с Ниночкой помирился? Заходил к ним на Рождество?

Мне вспомнилась недавняя встреча. Нина была уже не та без ума влюбленная девушка, замиравшая в объятиях и почти терявшая сознание от поцелуев. Замужество с немолодым, нелюбимым французом, успех на сцене, толпа поклонников, а главное, протекшие годы, стерли чистоту и целомудрие юношеских встреч, притушили прежний огонь любви. Заговорила и ревность мужчины-собственника с «правом первой ночи», и досада на самого себя, и, наконец, врожденная порядочность, которую мы называем совестью: «Как смеешь ты совращать эту хорошую женщину, которую тебе вскоре опять придется покинуть!» Все это сковывало... Нина долго с грустью смотрела мне в глаза и тихо произнесла: «Пусть золотое прошлое на всю жизнь осядет в нашем сердце, сверкает далекой звездой в душе, драгоценным камнем в сознании! Так лучше...»

На этом мы расстались.

Катков глядел на задумавшегося товарища и решил: «Разрыв!» А я только развел руками...

— Тебе следует переменить фамилию, — возвратился он к прежней теме. — Может, стать французом? Выговор у тебя, правда, не парижский. Но это чревато: молодой здоровый парень, наверно, воевал, французский офицер. Чего доброго, в лагерь угодишь! Может, записаться в ОУН к Степану Бандере, станешь подручным Микола Лабудя или Богдана Подгайного...

— Ну тебя к черту! Москалей бить можно и в Париже...

И, словно по велению судьбы, звонок в дверь заставил меня насторожиться. Мы никого не ждали. Катков встал и, пожимая плечами, направился в прихожую. Щелкнул замок, звякнула цепочка, и я услышал знакомым глуховатый голос Павла Ивановича:

— Здравствуйте! Простите за вторжение, ходил неподалеку по неотложному делу. Пришлось задержаться по непредвиденным обстоятельствам, а тут комендантский час! Все же решил рискнуть и добраться до вас и чуть не нарвался на патруль, но успел шмыгнуть в ваше парадное. К счастью, дверь была не заперта...

— Это соседка с верхнего этажа вечно забывает ее запереть. Все давно уже ее ругают. Придется сейчас похвалить! Да раздевайтесь, пожалуйста, устроимся, переночуете у нас, а завтра спокойно пойдете домой. Вроде снежок пошел?

Переступив порог и поздоровавшись с гостем, я отметил про себя: «Что-то случилось!»

Мы прошли в гостиную, усадили пришедшего в кресло. Катков направился к бару:

— Павел Иванович, вижу, вы продрогли, вам надо согреться. Смирновки? Арманьяк? А ты, Владимир, сходи на кухню, достань что-нибудь из холодильника и захвати большой термос с кофе.

Не прошло и нескольких минут, как мы, сидя за столом, слушали неторопливую речь Богрова.

— Вчера, — начал он свой рассказ, — мы договорились встретиться с Жераром на квартире. Вышел на улицу Шаброль и вижу: неподалеку от дома, вблизи калитки, торчит подозрительный тип, подняв воротник пальто. Когда я поравнялся, он выверился на меня и спрашивает: «Вы здешний? Жорж Карасье не здесь живет?» Я пожал плечами и тоже спрашиваю: «Где-то

тут, мне сказали, улица Лафайета? Не знаете? Запугался я». Он махнул рукой: «Туда!» и отвернулся. Я побрел дальше, дошел до здания — помните, с выступом? — и понаблюдал оттуда. Тип все еще был там. Тогда я позвонил на квартиру к Жерару...

— Как неосторожно! — вырвалось у меня.

— Да не туда, куда вы думаете! И сказал, чтобы Робин проверил, есть ли слежка. Хорошо, еще застал, он как раз собирался выходить. Пришлось договариваться о встрече на рынке. Он был с Ежень, и мы отправили ее поглядеть на улицу Шаброль: тип все еще слонялся там... Так что конспиративная квартира приказала долго жить! А туда должны были прийти некоторые товарищи. Пришлось кого обзванивать, а к кому и заходить. И чуть было не опоздал к вам. Ты, Владимир, тоже хотел завтра прийти?

— Конечно!

— Собраться должно было около десяти человек, а знают о квартире шестнадцать, поэтому первая десятка вне подозрений, а вот остальных придется проверить!

— Не понимаю! — поглядел на Павла Ивановича Катков.

— Все проще пареной репы. Если известны место и час сбора, то в данном случае абвер перед домом никого не поставит. Сами понимаете, не такие они дураки. Нагрянули бы, когда все сошлись!

— Может, «Кошечка»?.. Хотя после встречи маловероятно... — Ну ладно, вы на этом собаку съели, и уверен, что провокатора обнаружите. Мы сейчас с Иваном обсуждали другой вопрос. На меня насел Блайхер: хочет, чтобы я занялся выявлением участников Сопротивления среди белоэмигрантов. Откровенно говоря, я побаиваюсь его, наверняка собрался меня «контролирен»!

Мы посидели с добрый час, обсуждая, как мне вести себя с немцем и что делать, если вызовет. Но так ни к чему не пришли.

— Утро вечера мудреней! Сейчас устали мы, в голову ничего не лезет. Пошли спать!

Богрова уложили на диван, а я устроился на двух креслах.

После завтрака Катков уже поднялся было отправиться в редакцию, но слова Павла Ивановича усадили его снова.

— У меня есть предложение и, хотя такие предложения делаются с глазу на глаз, я знаю, что Владимир Дмитриевич все равно будет с вами советоваться, Иван Михайлович, — и, вытащив из кармана вчетверо сложенный лист плотной бумаги, продолжал:

— Вот удостоверение на имя Ивана Васильевича Дорбы, польского подданного украинского происхождения, завизированное немецкими властями, с пропуском в Берлин. Дело в том, что по этому документу должен поехать мой товарищ... — Павел Иванович задумался, или сделал вид, что колеблется, — для выполнения задания несложного и не рискованного, но весьма доверительного, а я вам верю, Владимир Дмитриевич. Следует встретиться с одним человеком, немцем по происхождению; он в случае чего и устроит вас, и защитит, если понадобится. О нем, сами понимаете, поговорим с глазу на глаз.

— Скажите, Павел Иванович, как вы думаете, после победы над фашизмом Россия распахнет ворота, поднимет «железный занавес», пустит к себе эмигрантов, желающих вернуться на Родину? Я не говорю о знаменитых ученых, писателях, художниках, скульпторах или изобретателях, а о нашем брате, скажем, «сопротивленце»? — спросил неожиданно Катков.

— Я уверен, что всех, кто прямо или косвенно помогал Советскому Союзу в этой войне, примут с распростертыми объятиями

— Согласен с вами, — закивал я, — Родину надо заслужить. Кто знает, какова бы нынче была в России власть, если бы так называемая буржуазная интеллигенция не развязала Гражданской войны, не покинула страну, не настроила весь мир против существующего там строя, не вела бы к подрывной войне, в результате чего появился фашизм. Надо полагать, не было бы основания к тем ответным, слишком, правда, кровавым, мерам большевиков.

— Эх, Володя, Володя, до чего ты любишь пофилософствовать. Все это толстовщина: «Где любовь, там Бог», а мир построен не только на них, есть еще и зло, и дьявол. Вот тут мы все такие, дай только нам порассуждать. Отсюда и эмигрантские свары из-за выеденного яйца. «Что бы было, если бы ничего не было!» Шла кровавая Гражданская война, и вслед за тем еще более кровавая расправа! И спустя двадцать лет текут ручьи и реки крови россиян! Хватит споров и счетов, пора взяться за ум и подумать о том, чтобы наше Отечество не превратили в колонию, а людей — в рабов! — Катков повернулся к Богрову, который спокойно, казалось, с безразличным видом его слушал. — И не подумайте, верней, пусть не думают там у вас наверху, что эмиграция — Моська, что лает на Слона. Она, в своей массе, протягивает руку, не отвергайте ее!

Павел Иванович встал, протянул Каткову руку и с не прищипом для него волнением сказал:

— Я готов пожать руку всем, кто думает и поступает, как вы, и сделаю все от меня зависящее, чтобы ТАМ вас услышали! — Потом повернулся ко мне и тоже протянул руку.

Крепко сжимая Богрову руку, я с какой-то задушевностью произнес:

— Готов выполнить любое задание, каково бы оно ни было, — на пользу Родине! Очень прошу дать мне возможность

стать плечом к плечу с русским солдатом защищать от врага свою Родину, мою любимую Россию!

На другой день я прощался навсегда с Парижем...

Глава пятая ЧЕЛОВЕК

...Только человек

Есть чудо из чудес:

Захочет — он как Бог,

Захочет — он как бес.

А. Силезиус

1

На потсдамском вокзале дул с темпельгофского аэродрома свирепый норд-ост, срывая с выходящих на перрон пассажиров шляпы.

Предстояло сначала добраться до улицы Тишинера, сесть на трамвай и доехать до первой остановки после моста через Шпрее. И по набережной Штаулер дойти до улицы Хоханлох, четыре. Спросить герра или фрау Манке и сказать: «Привез вам привет от толстого Павла!»

Было около двух часов, когда я, отныне Иван Васильевич Дорба, звонил у двери небольшого двухэтажного дома. На пороге появилась немка лет тридцати и, пытливо на меня поглядев, спросила:

— Что господину угодно?

Услыхав слова паролы, она тут же, произнося по слогам отзыв: «Он не по-ху-дел?», — пригласила войти.

— Мужа, к сожалению, нет дома, придет только вечером, но я в курсе. Комнату вам сняли совсем недалеко отсюда, сразу за углом Шмюккен-штрассе, три. Сейчас оденусь и вас провожу. Там вам будет спокойно. Хозяйка — наш человек, симпатичная одинокая женщина, зовут ее Шарлотта Веслер, — объясняла она, доставая из шкафа шубу и шапку.

Спустя несколько минут нас радушно и весело встречала голубоглазая блондинка среднего роста и, кокетливо улыбнувшись, широко распахнула дверь со словами: «Битте шен!»

Эта женщина была полна шарма: у меня поднялось даже настроение, покинула напряженность. Я вошел в уютную прихожую. И вскоре, сидя в небольшой столовой за чашкой желудевого кофе и рюмкой привезенного из Франции доброго бургундского, непринужденно рассказывал о том, что Соппротивление во Франции растет, а они, в свою очередь, делились берлинскими новостями.

— Как вы правильно говорите по-немецки! Вы не из Ганновера? — спросила фрау Манке.

— Нет! Меня учили хорошему немецкому языку, потому сказать вместо «цвай» — «цво», на манер берлинцев, не могу! А теперь, прошу прощения, к сожалению, мне придется на какое-то время вас покинуть. Надо показаться своему фюрерчику Байдалакову.

— Да, да! Муж предлагает ему объяснить ваше поселение у Шарлотты тем, что вы вместе ехали в поезде, познакомились, понравились друг другу, и она решила вас поселить у себя. Детали легенды предоставляю вашему воображению! — и фрау Манке лукаво поглядела на меня.

— Ваш муж мудрец: звучит это чистейшей правдой! Как может не понравиться такая красавица, если проедешь с ней даже одну трамвайную остановку? — с воодушевлением вос-

кликнул я, глядя на улыбающуюся Шарлотту. — Жаль только, что останусь здесь недолго... А теперь растолкуйте, как мне добраться до штаб-квартиры НТС.

Женщины объяснили маршрут, а я, пообещав приехать часам к десяти вечера, раскланялся, поцеловал ручки и ушел.

По дороге заключил: «Хорошие бабы! А Шарлотта просто прелесть. Кажется, им понравился».

2

Дом, где жил Байдалаков, был типичным старинным немецким домом, напоминавшим скорее деревенский, чем столичный.

Дверь открыла, чего я никак не ожидал, Тамара Казанцева и пригласила в гостиную, бросив:

— Сейчас я позову Виктора Михайловича! Здравствуйте! Из Белграда? — «Не в курсе!» — отметил я.

Байдалаков, в дорогом, с иголки, темно-сером костюме, в белоснежной рубаше с бабочкой с обычной своей наигранной улыбкой, протягивая якобы для объятия руки, воскликнул:

— Здравствуйте, дорогой Владимир Дмитриевич! С приездом! Садитесь и рассказывайте. Распрощались с Парижем?

— Пришлось. Блайхер, к которому вы меня направили, заставил заниматься черт знает чем! Вот и удрал! Представляете? Раздобывать рукописи Карла Маркса!

— Ха-ха! Учинить аутодафе! Да!.. Ну ладно, об этом потом, а сейчас лучше подумаем, как вас устроить. Дело в том, что с минуты на минуту должен прийти Поремский.

— Мне повезло, Виктор Михайлович! В поезде я познакомился с очаровательной немочкой. У нее и хочу остановиться... пока что. А вот за постой раскошелиться нечем. На последние франки купил вам бутылку доброго старого мартеля: теперь и

в Париже это редкость! Пожалуйста! — поставил коньяк на стол.

— Спасибо! Рад, что вы устроились. Вы, разумеется, в своем амшлуа. Покоритель женских сердец! Марками, слава богу, немцы нас снабжают, сейчас... — Байдалаков прошел в соседнюю комнату, видимо, кабинет, и вернулся с пачкой купюр.

— Пожалуйста, на первое время. Сейчас собираюсь с вашим тезкой съездить в лагерь русских военнопленных. Хотите с нами? А по дороге расскажете новости. Поремскому будет, конечно, любопытно, что творится во Франции.

— Военнопленных? — сделал я удивленное лицо.

— Наши кадры! Дело в том, что мне удалось убедить Шелленберга позволить нам обрабатывать их политически. Неподалеку отсюда, по соседству с деревней Цитенгорст, расположен большой многотысячный лагерь. До недавнего времени был под открытым небом. Наши энтеэсовцы читают им лекции о солидаризме, дискутируют, доказывая несостоятельность марксизма. Разумеется, в общих чертах. Желаящих стать на нашу сторону переводят в другой лагерь Вустрау, тоже неподалеку отсюда, где условия значительно лучше, и тут они уже проходят полный курс.

— И многие идут? — спросил я, невольно прищурясь.

— Сами понимаете, задача непростая: во-первых, отобрать самых интеллигентных, со сложившимся мировоззрением, зачастую враждебно настроенных, во-вторых, доказать, что мы создаем «третью силу», которая должна победить, морально и духовно, учение Маркса и, в-третьих, — убедить, что сотрудничество с немцами преследует одну цель: сохраняя свободу действий, проникнуть на восток для создания своих баз. Успех пока незначительный: отправлено два эшелона по сто пятьдесят—двести человек в качестве пропагандистов анти-

коммунизма. Почти все они сейчас работают в оккупированных областях администраторами и хозяйственниками.

— И немцы позволяют вести такую политику?

— Официально — нет! Гитлер и его окружение опасаются создавать серьезные силы даже из украинских самостийников, не говоря о русских, в отличие от вермахта. Там ведь идет противостояние с давних пор. И никто не знает, чем оно кончится. — Байдалаков уселся в кресле поудобнее и продолжал: — История эта берет начало с апреля двадцать первого года. По Версальскому миру, Германии было запрещено производить оружие. В это же время Советская Россия, никем не признанная, оставалась в блокаде. Троцкий с Лениным в ту пору еще мечтали о всемирной революции, разгроме буржуазного мира. Между Берлином и Москвой курсировали тайные посланцы, в результате чего был заключен в двадцать втором году Рапалльский договор о сотрудничестве. Наряду с этим между рейхсвером и красным Генеральным штабом был подписан ряд секретных соглашений. За несколько лет были созданы военные объекты: в Филях под Москвой фирма «Юнкерс» производила несколько сот цельнометаллических самолетов в год; под Липецком организована военная база, где размещалась Четвертая советская эскадрилья, укомплектованная одними немецкими летчиками; на Нижней Волге, на Средней Волге строились танкодромы; фирмой «Берзоль» модернизированы ружейные заводы в Туле, Гатчине, Златоусте, Петрограде, а также доки в Николаеве и Петрограде, спускавшие на воду подводные лодки и корабли. В общем, уже в двадцать шестом году рейхсвер на закупку вооружения и боеприпасов в СССР расходовал более ста пятидесяти миллионов марок в год. Почти треть своего бюджета. Потом... — звонок прервал рассказ Байдалакова.

Вошел Поремский. Поздоровавшись с хозяином и что-то шепнув, он повернулся ко мне:

— С приездом, дорогой!

Пока мы пожимали друг другу руки и обменивались ничего не значащими фразами, я с затаенной завистью смотрел на него и думал: «Статный, красивый, интеллигентный, начитанный, весьма обаятельный и подкованный, отлично владеет французским, немецким, английским. Сидит в нем настоящий барин, родовой дворянин. И в то же время он не погнушается посидеть в «низкой компании» за рюмкой водки. Цитирует наизусть Бердяева, Соловьева, Толстого, Достоевского, не говоря о Пушкине, и конечно, Ницше, Шопенгауера, Фрейда и себя самого. Умеет убеждать и наверняка склонил не один десяток военнопленных к солидаризму! Недаром прошел школу ряда разведок...»

— А мы тут рассуждаем с вашим тезкой о том, как Людендорф, готовясь к реваншу, заключил с Троцким и Радеком Рапальский договор.

— В те времена многие немцы считали, что евреи у власти в России долго не продержатся и что союз истинной Германии с истинной Россией под эгидой патриотов помешает замыслу «сионских мудрецов» превратить гоев в послушную скотинку. Об этом писал и Шульгин в своем романе «Созвездие Ориона». — Поремский скрестил пальцы и продолжал:

— «Дойчланд эрнойерунг» еще бог знает когда уверял, будто в прошлом веке в Париже собралась группа евреев-банкиров из разных стран и приняла решение: «Настало время развязать мировую войну и свергнуть с престолов царей великих держав и открыто навязать миру свою власть». Вильгельм, уже будучи в изгнании, говорил посетившей его Норе Бентине: «Мое падение — дело рук мудрецов». О том же писал в двадцать втором году генерал Людендорф: «Высшее правительство израильского

народа работало рука об руку с Францией и Англией. Возможно, оно управляло и той и другой». Еще раньше руководитель блока «народников» граф Эрнст фон Ревентлов в «фёлькиш» считал самым опасным врагом Германии еврейскую расу. А после появления «Протоколов» в переводе Готтфильда цур Бека высказывания ряда социологов гласили примерно так: «Книга, бесспорно, принесет спасение нашему народу!» или: «...даже со времен изобретения книгопечатания, нет-нет, — со времен изобретения алфавита, ни одно произведение не совершало такого переворота в мировоззрении народа! Все слои германского общества, от дворцов принцев до домов рабочих, шлют нам письма, в которых выражают радость и одобрение деятельности этого мужественного человека, разрешившего проблему, от которой зависит судьба немецкого народа!» — цитаты Поремский приводил на немецком. — Мудрый Людендорф упорно шел к цели: Рапалльский договор способствовал возрождению германской промышленности и военных кадров. Кроме того, он рассчитывал, видимо, что обнищавшая, голодная Россия свергнет наконец еврейскую верхушку, которая, согласно договору, будет расплачиваться, — Байдалаков сделал паузу и возвысил голос, — продовольствием! Увы, народ не сверг ига! А более десяти миллионов умерли с голоду!

— Договор, помнится, подписал с немецкой стороны министр индел Вальтер Ратенау в феврале двадцать второго года, а в июне он был убит членами националистической организации.

«Конечно, как один из сионских мудрецов», — покосился я на Поремского, и тот тут же отозвался:

— Как обычно, что связано с иудеями, дело темное. Главному организатору аттентата Вилли Понтеру накануне суда прислали плитку отравленного шоколада. Причина «подарка»,

согласно одной версии, — возможное разоблачение инициатора покушения, а с другой стороны — уж очень это похожий, давно испытанный еврейский трюк избавляться от опасных гоев! Гюнтер грозил представить данные о причастности Ратенау к синедрyonu.

— Об этом пишут до сих пор в прессе. А в качестве доказательства того, что Ратенау был одним из сионистских правителей, приводят ряд его высказываний: «Господство над производительным трудом всех народов на земном шаре все больше переходит в руки тех трехсот, которые в соответствии с секретными тайными решениями направляют мировую историю». Комментируя «Речи раввина», еженедельник «Дойчланд эрнйерунг» спрашивает, откуда Ратенау было известно точное число тайного правительства, собравшегося в тысяча девятьсот тринадцатом году и принявшего решение, что пришло время действий: развязать войну, свергнуть с престолов трех императоров и навязать миру свою власть. Зачатки анархии, под маркой демократической идеологии, найдут поддержку у международного еврейства и будут успешно внедряемы масонскими ложами. В результате дружная, с каждым годом усиливающаяся пропаганда атеизма, распутства, пьянства, наркомании, «свободы, равенства, братства» и «грабь награбленное» посеяли в России чуму, ныне называемую коммунизмом! — закончил своим раскатистым баритоном Байдалаков.

— Не совсем дружно. Если они преследовали общую цель, то чем объяснить постоянные стычки Ленина с Троцким? — подначил я.

— Дорогой тезка! — кладя на стол свои красивые руки, сказал Поремский, — как всегда, с одной стороны, это игра для глупых масс, как, скажем, «война» Саши Керенского с Володей Лениным или Левого Троцким, с другой — страх перед «Напо-

леоном». Помните, так Ленин величал Троцкого, а тот Ленина. Этот страх заставил избрать неприметного, уродливого Кобу, который тихой сапой чуть было не разделался с «избранным народом», вернее, с «ленинской гвардией». Затем не дал маху Коба, «убрав» возможного «Наполеона», Тухачевского, а с ним сорок четыре тысячи командного состава Красной армии.

— Убрал фактически весь командный состав, а до того расстрелял кадры царской армии, которые перешли к большевикам. Вот и остался у пустого корыта. Впрочем, само дело Тухачевского покрыто глубокой тайной, — заметил Байдалаков.

— Тайна эта ныне не так уж непроницаема, — усмехнулся Поремский. — Тухачевский все теснее связывался с верхушкой вермахта, который тоже исподволь готовил переворот. Знали об этом Гитлер и его близкое окружение — понимали, что в случае победы советского маршала вермахт может обратиться за косвенной, а может, и к прямой помощи талантливого полководца, который носился с мыслью, что «союз России и Германии — неумолимое веление истории». Все беседы, которые вели советские военные с германскими коллегами, тщательно записывались в течение ряда лет и направлялись в архив вермахта. Выкраденные оттуда по распоряжению фюрера, они были препарированы так, что получился весьма убедительный материал, доказывающий государственную измену. Через Бенеша он был подсунут Сталину.

— По-моему, Владимир Дмитриевич, — снова вмешался Байдалаков, — имя Тухачевского впервые прозвучало на троцкистском процессе в устах Радека. Он же и упоминал Путну. Шла подспудная борьба. Восстание было якобы назначено на первое мая. Видимо, Сталин об этом знал. И чтобы не вызвать подозрения, предложил маршалу Тухачевскому возглавить делегацию в Лондон на коронацию Георга VI двенадцатого мая.

Однако его видели в последний раз двадцать восьмого апреля в американском посольстве на приеме. А далее все покрыто мраком неизвестности. Почему застрелился Гамарник, были ли судимы, а потом расстреляны, или наоборот, расстреляны, а потом судимы арестованные в этот день Тухачевский, Путна, Якир, Корк, Фельдман, Уборевич? Может, старуха История и поделится этой тайной и откроет страничку. Сколько их, таких и поинтересней?

— Надо полагать, что откроет, победа в конечном итоге будет за Осью! Что вы так на меня смотрите? — повернулся ко мне Поремский.

— У французов другое мнение. У русских эмигрантов тоже. Ширится сопротивление. Немцы ужесточают режим, — и я рассказал о Лили Каре, Чернявском и движении «Интералие», потом объяснил причину своего приезда, вернее, бегства из Парижа тем, что не желал сотрудничать с Гуго Блайхером и выдавать своих русских, не согласных с политикой фашистов. И закончил просьбой переправить меня в Советский Союз, чтобы там исподволь воспитывать русских людей в духе солидаризма.

Поремскому, который вынашивал свою идею «молекулярного солидаризма», мое предложение понравилось, и он воскликнул:

— Правильно! — и, поглядев на Байдалакова, умолк.

— Против такого желания возразить трудно. Россия требует глубокого и всестороннего лечения. Следует возродить ее духовную жизнь, мораль... — Виктор Михайлович приосанился и продолжал: — У Гитлера есть весьма любопытные высказывания: по его утверждению, и это так, история человечества развивается согласно законам природы, и каждое их нарушение указывает на противодействие каких-то враждебных сил, которые приводят

к его вырождению. Природа требует неравенства, подчинения низшего высшему. И частые бунты, или так называемые революции, против установленного природой закона, призывая к установлению всеобщего равенства, напоминают функции вируса — паразитирующего микроба, который сначала медленно, потом размножаясь, все быстрее распространяется по всему миру и высасывает сначала изобилие, а потом и оставшиеся крохи. Постоянным инициатором, усугубляющим этот губительный процесс, является иудейское вероучение, их дьявольский закон. И если при помощи марксистского катехизиса или его очередного варианта вирус одолеет, его победа обернется пляской смерти над разумным человечеством... Да!.. Первая попытка к мировому господству евреев, как утверждает «Майн кампф», сделана в Древнем Египте. Дети Израиля отблагодарили здоровое общество тем, что начали его подтачивать — подстрекать низшие слои к мятежу и вводить капитализм. И, таким образом, первым капиталистом оказался Иосиф, а первым «Лениным» — Моисей. Оба полукровки. В нашу эпоху евреи прибегают к тем же методам — французская революция, либерализм, демократия, большевизм. Россия, захлебывающаяся в крови миллионов жертв, — это всего лишь один из последних эпизодов их войны против гоев... — Виктор Михайлович поглядел на меня. А я сидел с еле заметной скептической улыбкой на губах и, наверное, подумал: «Не очень-то его убедишь, впрочем, как и себя тоже!» — и продолжал: — А конечной целью еврейства является: низвергнуть элиту, которую сама природа поставила управлять народами, использовать массы с нечистой кровью, в результате чего наступит денационализация, полное и всеобщее оглушение и полное господство «избранного народа» над гоями-роботами.

— Одним словом, Адольф Гитлер представляет мир эдаким хорошо обработанным огородом, в котором следует выпалывать

сорняк, — резюмировал я. — И в первую очередь — врага планеты, разрушителя цивилизации, паразита среди народов, сына Хаоса, воплощения зла, демона, который несет человечеству вырождение.

— Во время страшной инфляции, охватившей Германию в двадцатые годы, Гитлер выдвинул свое объяснение: в соответствии с «Протоколом Сиона» еврейство должно подчинить себе людей голодом. А насчет «выпалывания» был в какой-то мере прав, считая, что не только масонство и преступный мир, но и все революционные движения привлекают в первую очередь психопатов, дегенератов, уродов. Рвутся к власти в первую очередь активные педерасты, садисты... Вот почему позже он уничтожил почти сразу же всех психопатов-штурмовиков, а вслед за тем около двухсот тысяч сумасшедших и убийц-рецидивистов. И приказал стерилизовать всех тех, кто мог бы произвести неполноценное потомство: немых, уродов, душевнобольных и так далее. — Байдалаков умолк, видя, что Поремский порывался что-то сказать.

— Вот тут Гитлер абсолютно прав, и я убежден, что придет время, и рейх будет поминать его за это добрым словом. Как рассказывают военнопленные, в Советском Союзе все обстоит совсем по-другому. Начиная с элементарного воспитания — ребенка не пеленают: «Не мешайте нормальному развитию. Природа сама все знает!», — он вырастает кривоногим! Потом, когда наступает самый ответственный момент привить ему чувство добра, красоты, любви, — снова окрик: «Не ломайте ребенку характер!» — и он превращается в эгоистического, своенравного звереныша. В результате значительная часть детей под влиянием окружающей среды, воздействия общей школы, где царит разврат, радио, печати, вырастает либо черствыми эгоистами, хамами и бездельниками, либо еще страшней — роботами! Послушным бараньим стадом. — Поремский повернулся ко мне и продол-

жал: — Мне приходится все время сталкиваться с этими так называемыми людьми со змеиной совестью, у которых ум — одна лишь хитрость, а вместо души — мертвящее себялюбие...

— А вместо сердца — пламенный мотор! — хохотнул я.

— Именно! Мотор!..

Дверь тихонько растворилась, и вошла Тамара Казанцева с подносом.

— А я вам кофе принесла!

— Спасибо, Тамара! — поднялся Виктор Михайлович. Мужчины последовали его примеру.

Усевшись после ее ухода и неторопливо прихлебывая горячий желудевый кофе, продолжили разговор. На этот раз темой была работа с военнопленными. Как сделать их своим послушным орудием?

Глядя на их красивые самодовольные лица и слушая уверенные голоса, я думал:

«Вы оба великие мастера напустить туману, представить себя эдакими борцами за святое дело под знаменами солидаризма! Увлечь романтикой, которую так жаждет задыхающаяся среди мелких эмигрантских дрызг русская молодежь! Увлечь на путь террора и этим «помочь Святой Руси свергнуть коммунистическое иго». А не лучше ли, не честнее в этот решающий для Отечества час, когда ему грозит гибель, стать на защиту, отстоять его, не щадя жизни, а потом уже свои убеждения»...

Возвращаясь домой, я раздумывал о нашей беседе. О Гитлере я читал много дурного и хорошего*. И сопоставлял его со Сталиным.

* К 90-летию о нем написано около 50 тысяч серьезных работ, и, надо сказать, интерес не исчезает.

Среди своих ровесников в школе Адольф слыл заводилой, но предпочитал вместо кулаков использовать язык. Отец его Алонс Шикльгрубер, чиновник, женившийся на своей кухарке Кларе Пельц, нередко прибегал к рукоприкладству и с сыном не ладил. После его смерти 16-летний Адольф, бросив гимназию, бездельничал. Бродил по Линцу, посещал оперный театр, увлекался классической литературой и мечтал стать художником.

Мечта не сбылась, его провалили на вступительном экзамене в Венскую академию, а вскоре последовал второй удар — умерла его мать, которую он очень любил...

Адольф не пил, не курил и был правоверным католиком. Шопенгауэр заставил его отказаться от христианства и пробудил интерес к восточным религиям. У Ницше он заимствовал концепцию эволюции, волю к власти; у Вагнера — расизм, героизм; у Блаватской, Чемберлена фон Листа — оккультизм.

Во время Первой мировой войны Гитлер проявлял мужество, выполняя задания связного. Был награжден Железным крестом второй, а затем и первой степени. Однако дослужился только до капрала — начальство считало его чудачком, а товарищи недолюбливали. «Белая ворона, — вспоминали о нем однополчане, — мы мечтали о скорейшем окончании войны, а он вдруг, схватившись за голову, начинал утверждать, будто невидимые враги Германии опаснее, чем самое мощное орудие противника».

В 1919 году Адольф Гитлер вступил в довольно влиятельную политическую организацию «Общество Туле», объединившуюся с «Комитетом независимых рабочих» (впоследствии Германская рабочая партия).

Символом организации стала масонская свастика с мечом и венком.

Ораторское мастерство, медиумистический ум, умение контролировать «всепронизывающую» силу, называемую индусами «кундалини», личная убежденность в собственной правоте творили чудеса и выдвинули Адольфа Гитлера в главари.

Летом 1920 года он настаивает на переименовании партии в Национал-социалистическую рабочую партию.

В 1924 году после Пивного путча Гитлер использует судебный процесс в пропагандистских целях. Когда судьи уже готовы были объявить приговор, он психологически овладевает всеми присутствующими в зале суда, заявляя: «Не вам, господа, судить нас. Приговор вынесет суд истории. Вы можете объявить нас виновными тысячу раз, но богиня вечного суда истории посмеется и разорвет на клочки приговор этого суда, ибо она оправдает нас!»

В глазах миллионов немцев он стал новым героем. Осудили его к 5 годам сидения в крепости Ландсберг. Однако после 9 месяцев пребывания в весьма комфортабельных условиях его выпускают.

Там, в Ландсбергской крепости, Гитлер начал диктовать Гессу свою книгу «Моя борьба», ставшую евангелием нацизма, с одной стороны, а с другой — планом будущих действий.

В 1928 году за нацистов голосовало 810 тысяч, в 1930— 6,5 миллиона, а в 1932-м — 13,5 миллиона человек.

В 1933 году Гитлер становится канцлером, создает целую армию штурмовиков (СА), стирает границы между германскими государствами, распускает профсоюзы; основывается и гестапо, сжигаются книги еврейских авторов.

Начались бесчинства и погромы. СА становится необузданным. В 1934 году Гитлер принял решение, потрясающее своим вероломством, с одной стороны, и своей исключительной правильностью — с другой. Он согласился с требованиями Гин-

денбурга и генералитета: 30 июня 1934 года СС осуществила знаменитую «ночь длинных ножей». Лидеры СА, включая Рема, были убиты.

В августе 1934 года умер Гинденбург, и вся власть оказалась сосредоточенной в одних руках.

Разделался с «СА» — ленинской гвардией — и Сталин.

3

Шмюккен-штрассе была погружена во мрак. Кругом было тихо, безлюдно. И хотя, к счастью, улегся свирепый норд-ост, мороз пощипывал уши. На звонок открыл высокий плотный мужчина, сказав:

— Битте эйнтретен! Гутен абенд!*

Это был Манке. В прихожую вбежала веселая Шарлотта и, подождав, пока я разденусь, повела в столовую, где у горящего камина сидела фрау Манке.

Усадив меня поближе к огню, Шарлотта кивнула подруге:

— Пусть мужчины поговорят, а мы тем временем накроем на стол. Ужин по случаю приезда такого гостя готов. Найдется и ейн глас ваин аустринкен!** — И направилась на кухню.

На первый взгляд Манке показался мне довольно недалеким, даже ограниченным. Правда, до этого с немцами приходилось встречаться мало. А вспомнив круглое «мужицкое» лицо Богрова, заключил: «Внешность обманчива», — и подобрался.

— Альзо?! — протянул он глядя в упор на меня, заключая в этом «Итак?!» и вопрос, и введение.

Не опуская глаза, я ответил тем же «Альзо?!». Потом, согласно договоренности с Павлом Ивановичем, протянул записную

* Пожалуйста, заходите. Добрый вечер! (нем.).

** Стакан вина выпить (опрокинуть)! (нем.).

книжку, где, как я полагал, была шифровка. Потом поделился парижскими новостями и рассказал о своей недавней встрече с Байдалаковым и Поремским.

— Ваша задача, господин Дорба, раздобыть список фамилий военнопленных, переведенных в Вустрау, подчеркнув тех, кого считают самыми надежными. И хорошо бы знать, чем они определяют их надежность. Вы меня понимаете? Сможете?

Начальственный тон немца мне не понравился. Я вскочил, щелкнул каблуками и отрапортовал: «Так точно, господин штурмбаннфюрер, вас понял!»

Немец смекнул все тут же, и уже другим тоном заметил:

— Надеюсь, найдется и контрпредложение?

— Мне думается, что энтезсовцы отбирают людей на разный манер: тут и собственное желание, и высказывания во время душевной беседы, и споры на самые разные темы; кроме того, наверное, есть и сексоты, зарабатывающие на рюмку шнапса и кусок колбасы. И мало ли еще что. Поэтому мой совет таков: вы называете мне десяток верных ребят в Цитенгорсте, а я постараюсь перевести их в Вустрау с тем, чтобы после прохождения курса выдвинуть их вожаками групп, перебрасываемых на Восток. А там они смогут либо перейти к партизанам, либо, раздобыв оружие, пробраться через линию фронта. О чем, кстати, мечтаю и я!..

— Согласен! Однако надеюсь, что вы какое-то время у нас поработаете. Потом я дам вам индульгенцию! — и взглянул на лежавшую на столе записную книжку, которую я ему недавно передал.

— Отсюда? — ткнул я пальцем в ту сторону.

— Натюрлих! — улыбнулся он впервые. — Абер, ман мус ейн штемпел махен!*

* Конечно! Однако, следует еще поставить печать (нем.).

Напряжение спало, тон стал дружелюбный, беседа потекла непринужденной. Под конец условились встречаться раз в неделю.

— Осматривайтесь, господин Йохан, ознакомляясь не спеша с обстановкой с людьми, и тогда окончательно разработаем план действия, — закончил Манке, поднимаясь, чтобы позвать дам.

За ужином, выпив два-три бокала доброго рейнвейна, я чуть захмелел. Сказалась усталость и насыщенный переживаниями день, и на моем лице и взглядах, бросаемых на Шарлотту, она могла, как по открытой книге, прочесть многое.

Не отставал и Манке, которого я уже называл Вилли.

— Это чудное вино, — разглагольствовал он, — рождают знаменитые виноградники древней Галлии, лозу которых перенесла в Германию в девятом веке супруга герцога Боривоя Людмила, принявшая христианство.

Видя, что муж пустился в рассуждения, фрау Манке поднялась, поблагодарила за ужин и, положив ему на плечо руку, стала прощаться.

«Интересно, — подумал я, — кто командует парадом?»

Через полчаса я уснул, как убитый... а под утро Шарлотта юркнула ко мне под одеяло, и я почувствовал ее горячее тело.

— Гутен морген, майн либхень!* — и, лукаво на меня глядя, добавила: — Я так замерзла. Пришла погреться. Можно? Видишь, какой снег там на дворе? — и все теснее прижималась ко мне.

Поздно утром, когда усталая от любви и ласк Шарлотта заснула на моем плече, я, в полном упоении, какое-то время лежал, гордясь своей победой над красивой немкой. Но вскоре

* Доброе утро, мой любимый! (нем.)

мой склонный к философствованию ум привел ряд ядовитых доводов: «Дамы в восхищении, а девицы льнут далеко не всегда к настоящему сильному духом и телом мужчине... Женщина всегда активней. И неизменно выбирает только она, предоставляя легковверным мужчинам воображать, что инициаторы они! Умные, если мужчина стоящий, держат его мертвой хваткой, нет — ищут другого. Глупые... Интересно, умна или глупа Шарлотта?..»

Потихоньку я освободил плечо и посмотрел на нее. Она, чуть посапывая, спала со счастливой улыбкой на губах... Так, поглядывая на немку, я задавал себе вопросы: «А ты, прелестная Шарлотта? Какая сила тебя поманила сюда? Задание Манке — проверить, чем дышит бывший начальник контрразведки НТС? Или повлекли флюиды добра, симпатии, которые излучали мои глаза, как ту привязавшуюся ко мне недавно в Париже беглую собаку, провожавшую меня, жалобно поглядывая и виляя хвостом, до самого порога, а потом уныло ждавшую моего выхода? Или просто соскучилась по мужчине?..»

Чтобы ее не разбудить, я тихонько прошел в ванную, умылся, оттуда направился в кухню, сварил по-турецки кофе, поставил чашки на поднос и распахнул дверь в спальню. Шарлотта лежала, закинув за голову руки, и улыбалась, ее большие глаза живым огнем сверкающих топазов смотрели на меня, и я прочел в них лучезарную радость. Не торжество победительницы, а, пожалуй... благодарность.

— Ты, Йохан, просто чудо! Ни один немец или австриец так не поступит.

— А откуда ты знаешь, как будет поступать австриец?

— Мой муж, как и я, из Вены. Он погиб во время аншлюса. Ты чем-то на него похож, внешне вы совсем разные, чем-то другим, сама не знаю...

— Но ты говорила, что ни один австриец не подаст кофе после такой сладко проведенной ночи.

— Насытив желудок и плоть, мужчина обычно становится ленив, во всяком случае до первого желания! Об этом твердили мне и мать, и бабушка, и три моих тетушки! Ха-ха-ха!

— И ты часто в этом убеждалась? — подковырнул я.

Она бросила на меня взгляд и нахмурилась, но тут же расправила брови и улыбнулась:

— Интересуешься? — она не сказала: «Ревнуешь?» — Опыт у меня небольшой: муж, потом немец-гестаповец, о котором вспоминаю с отвращением, и приехавший из Парижа таинственный русский, который оказался не тем, кого ждали. И Манке бранил жену за то, что привела его ко мне, а не к шлюхе Бетти, чтобы проверить, чем ты дышишь. Вилли я успокоила, пообещав это сделать самой. Так что выкладывай все, что на душе! Ха! Ха! Ха! Вот такая я глупая, а потому что — счастливая! А ты, ты разве не счастливый? Ха! Ха! Ха! Счастливые дурачки!

4

Весна стояла на пороге. Неподалеку от Берлина, в лагере Шарнгорст, безногая косила свои жертвы без усталости. Похожие на обтянутые кожей скелеты военнопленные выползали из палаток погреть спину.

Старший в моей группе Федор Курбатов невесело прощался с оставшимися товарищами. Одни протягивали руку нехотя, другие пожимали ее крепко, а двое вовсе не подавали.

«Надо будет взять их на заметку и поговорить. У сутулого шатена так злобно сверкнули глаза, что вряд ли это игра», — подумал я. И когда мы вышли из барака, спросил его фамилию у Курбатова.

— Силка Криволап, баит будто херсонский, из-под Александрии. Черт его разберет?! Недаром говорят: «Хохол не соврет, да и правды не скажет!»

— Лады, а теперь, Федор Петрович, собирайте группу. Грузовик стоит у ворот... Погода-то как разгулялась, а?

— Нынче двадцать второе марта! У нас на Дону старики гуторят: «День с ночью тягаются, равняются. Сорок сороков. Вторая весна идет-топает. Ежели сороки и галки прилетели — снег склоют, а кулики из заморья воду в клювах несут, а вешний жаворонок несет красно солнышко», — в глазах Курбатова мелькнула хитринка.

Направляясь к воротам, я думал: «С кем тут играет судьба? Что это? Искушение? Холодная справедливость говорит: «Оставь его, и вы будете квиты!» Значит, согласно древнему закону — око за око, зуб за зуб? Нет, нет! Надо его, Силку-дурака, выручить!» Перед глазами встало худое, старообразное лицо со впалыми щеками хмурого лагерника. Потом в памяти возникло из далеких лет другое лицо: нашего дворового мальчишки, сына прачки а вслед за ним наглое, злое третье лицо молодого «вояки» из банды Григорьева, в лихо надвинутой набекрень фуражке и винтовкой за плечами. Я повернул было назад, но подошла группа кандидатов в Вустрау во главе с Федором Курбатовым, и мы уехали.

В Шарнгорст я выбрался только в начале апреля и тут же вызвал Силку Криволапа.

— Ну-ка, погляди на меня внимательно, не узнаешь?

Он встрепенулся и уставился на меня. Потом лицо его стало жалким, виноватым, и он вымученно произнес:

— Панычу! Володя! — и опустил глаза.

— Помнишь, как остановил и обыскал меня на Успенской?

А произошло это так: многострадальный Елизаветград в очередной, уже который раз, переходил из рук в руки. Немцы, гетманцы, петлюровцы, большевики, махновцы, Маруся Никифорова, деникинцы... На сей раз город захватили банды Григорьева. Начался еврейский погром. Живущие с нами по соседству Заславские — близкая родня Лейбы Бронштейна-Троцкого — начертив на нашем особняке мелом большие кресты, с раннего утра спрятались на сеновале, тянувшемся над конюшней, коровником, закатным сараем, гаражом и дровяником в глубине двора. Успенская улица названа в честь кафедрального собора Успения Божьей Матери, жило на ней немало евреев, а в переулке стояла синагога. Елизаветград — один из лучших и богатых городов юга России. Дворянское гнездо Новороссии. Дворец Александра III, кавалерийское училище, оперный театр, 10 церквей, парки, скверы, знаменитый завод сельскохозяйственных машин с несколькими тысячами рабочих, женские и мужские гимназии, коммерческое и реальные училища, католическая и лютеранская церкви, роскошные гостиницы, магазины; одним словом, все, что нужно для цивилизованного города, и, конечно, лакомый кусочек в смутное время для банд вроде григорьевских. Погромы обычно ограничивались грабёжом мелочей, которые не успели спрятать — много с собой не возьмешь, — битьем стекол и вспарыванием штыками перин и подушек. Подхваченные ветерком перья тучами разлетались по всему городу. Убийства случались довольно редко. Если банда задерживалась в городе больше чем на три дня, ее выгоняли рабочие завода Эльворти.

За речушкой Быковкой раскинулся огромный по тем временам завод сельскохозяйственных машин. Мудрый хозяин строил каждой рабочей семье весьма приличный дом с небольшим двором и садом, с тем чтобы те в течение нескольких лет его

отрабатывали. Рабочие, в основном довольно обеспеченные, не поддавались пропаганде ни большевиков, ни анархистов. И когда «наступала точка кипения», за Быковкой откуда-то выволакивали пушки и пулеметы и начинали довольно прицельный обстрел вокзала, где обычно находился штаб банды.

Итак, на другой день после погрома, когда в городе в какой-то мере все улеглось, я, двенадцатилетний мальчик, побывав у живущего неподалеку товарища по гимназии, возвращался домой, вдруг увидел мать в окружении толпы григорьевцев и подбежал к ней. Мне преградил дорогу Силка:

— Оружие есть? — И тут же пощупав мои карманы, рыкнул: — Проходи!

Я понял по тому, как они на меня смотрели, что все они из Бандуровки, где родилась и моя мать, а их деды и бабки были нашими крепостными.

Часа через три-четыре мать вернулась, рассказав, что выпустил ее живущий у нас в доме, по реквизиции, комиссар — большевик, оказавшийся вдруг у Григорьева начальством. С тех пор я не раз задавал себе вопрос: «В чем загадка этой связи Григорьева с большевиками?» А загадки множились. В том же 1919 году неподалеку от Елизаветграда состоялась встреча Григорьева с Махно, закончившаяся убийством Григорьева и ближайших его помощников.

И вдруг, точно призрак из далекого прошлого, появился Силка! «Что с ним делать? Не слишком ли рискованно с ним пробиваться в Россию, да еще при помощи немцев? Даст ли ему “индульгенцию” Манке? И Смерш не дремлет!»

А Силка угрюмо поглядывал на обиженного им когда-то барчука и молчал. И снова закружились, замелькали мысли: «Неужели пропасть между нами так глубока? Неужто двадцать лет владычества “избранного народа”, террор, голод, раскулачи-

вание, крепостная зависимость в виде колхозов ее не засыпали или хотя бы не навели мосты?»

Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, и какая-то жалкая улыбка искажала его лицо и впалые щеки. Заговорил он тихо, будто про себя:

— Дурний я був! Лаявся тоди начальных, шо мы узялы Евгению Борисовну... Потим за перемогу анархизма був у батьки Махно, потим у Петлюри воював...

— А как там в Бандуровке?

— Хиба я знаю? Маты вмерла, а я у Кийв подався. На завигоди працював.

Силка рассказал, что в начале войны был мобилизован, как отступавшая в арьергарде его рота была почти целиком перебита, а оставшиеся попали в плен.

Добрый час мы беседовали, разгуливая вдоль колючей проволоки. Его вид, интонации голоса, жесты, упорство, с которым он отстаивал свои убеждения, и, наконец, его клятва сохранить мою тайну и пойти со мной, свидетельствовали в пользу Криволапа, что он говорит правду.

Так на другой день я привез его в Вустрау. Начались занятия. Член белградского НТС Кирилл Евреинов трактовал «солидаризм», а я, касался понемногу всего, начиная с непреложных истин, что Родина — начало духовное, выкованное столетиями плеядой поколений, исповедующих одну веру. И тут же приводил пример таких лоскутных государств, как Югославия, где сейчас католики-хорваты режут своих братьев-славян сербов, говорящих на одном языке.

Мне хотелось, чтобы эти простые люди усвоили, что расчленение нашего могучего государства, которое ныне называется Союз Советских Социалистических Республик, где Сталин пытается построить коммунизм «в одной стране», является

задачей всего так называемого буржуазного мира, а верней, Европы и США.

— И когда созреет время, тайные силы отшвырнут очередную коммунистическую верхушку, сулящую райскую жизнь, воспользуются давно избитым, старым лозунгом — Свобода! Равенство! Братство! — и под маской кристально честных освободителей истинных демократов, мудрых архитекторов, станут призывать к новой жизни, к безделью, разжиганию страстей, натравливая народы друг на друга (а их в России более ста!), способствуя разделу государства. Все это приведет к общему развалу. Готовились к этому исподволь, загодя. Если, скажем, руда добывалась на Урале, то плавил ее за добрую тысячу-две километров, на Вологодчине или в Запорожье. Если кузова автомобилей изготавливали в Нижнем, то колеса, электрооборудование, стекла и прочее мастерили в разных концах страны. Продуманно шла и психологическая подготовка молодежи. Однобокие философия, история, литература, искусство воспитывали скудоумных, бессовестных бездельников, заботящихся только о себе, холодных и трусливых эгоистов, а нередко — пьяниц и развратников...

Не знаю, как действовали на группу «поучительные» беседы мои, Евреинова, Поремского. Мне казалось, что они воспринимали жадно раскрывавшиеся перед ними новые страницы. И все же, несмотря на успех, готовился я к отъезду с тяжелым сердцем.

Дня за два до отбытия у меня состоялся мучительный разговор с Шарлоттой. Крепко прижимая меня к себе, она сквозь рыдания выкрикивала:

— Любимый мой, ты уходишь в черную дыру! Твои русские, почуя малейшую опасность, тебя предадут, а красные, по законам военного времени, расстреляют! Шансы выжить мизерны!

Кому нужна эта авантюра? Спасать страну рабов? Мачеху, которая тебя выгнала? В лучшем случае тебя ждет тюрьма, лагерь, а если посчастливится — нищенское существование в разоренной стране! Послушай свою Шарли, мой любимый, умоляю тебя! Уедем в Австрию! Мои родители встретят тебя как родного! Они люди состоятельные. Я наследница большого уютного дома на Йозефштрассе, богатой усадьбы за городом на Дунае... Я нарожаю тебе кучу детей, и все они будут похожи на тебя, мой дорогой!.. Останься со мной!.. Только не говори сразу «нет»... Умоляю тебя! — и уж не в силах вымолвить слово, бессильно опустила руки и уткнулась лицом в мою грудь.

Первым нахлынувшим порывом было чувство щемящей жалости и почти непреодолимое желание отказаться от «авантюры» и пойти навстречу безоблачной, спокойной, полной достатка жизни с любящей интересной женщиной. И если бы у нее хватило сил и характера произнести еще несколько слов, так мучительно рвавшихся вместе с рыданиями из ее уст, я бы не выдержал, согласился, и жизнь моя потекла бы совсем по другому руслу.

Судьба хотела по-иному!

Накануне отъезда был долгий, нелюбезный разговор с Манке. Отпускал он меня с готовностью, причина — недовольство моими лекциями и Шарлотта, устроившая ему скандал и требующая оставить меня в Берлине. Все это он высказал мне прямо в лицо, вручая «индальгенцию» для меня и товарищей.

На прощание мы обнялись.

— Удачи вам, дорогой Йохан, филь глюк!* — и, чтобы смягчить ранее высказанную резкость, тут же рассказал последний анекдот: «Осудили студента за разглашение государственной

* Много счастья! (нем.).

тайны — назвал Геринга свиньей!» — Ха! Ха! Ха! Пусть улыбнется вам удача на родине!

— Спасибо за добрые слова! — и заметил про себя: «Где царят еврейское учение, грузинское внедрение и российское терпение!»

5

В двадцатых числах апреля мы прибыли в Смоленск. Следовало прежде всего посетить начальника политического отдела полиции обер-лейтенанта имперской службы безопасности (СД) Алферчика, бывшего белогвардейского офицера. К нему у меня было письмо от генерала Шкуро. Натолкнулся я на него случайно на Унтер-ден-Линден Он растерянно оглядывался по сторонам, останавливал прохожих и лепетал что-то на ломаном русско-немецком языке, сопровождая каждое слово жестом.

— Здравствуйте, Андрей Григорьевич! Какими судьбами?

— Вы русский! — с облегчением произнес он, явно меня не узнавая.

— Атамана Войска Кубанского генерала Филимонова вы посещали не раз, верно? У него мы и познакомились! Помните в Белграде Владимира, с гитарой песенки распевал с Женечкой, дочкой его превосходительства?

— И в самом деле! — он хлопнул себя по лбу, заулыбался и широко расставил для объятья руки. — Запутался я, совсем одурел. Нужна мне Беренштрассе, а никто ничего не знает.

— Вам, наверно, нужен Зихерхайтдинст, СД, Шелленберг? Это на Беркаерштрассе. Я вас провожу, мне в ту сторону.

— Точно! Вот спасибо! Магарыч за мной!

Маленького роста, живой, энергичный, располагающий к себе генерал Шкуро, оказавшись в Югославии, сколотил группу джигитов, ездил с ней по всему миру. И если у донских

казаков прославился хор Жарова, то кубанцы напумели своей мастерской джигитовкой.

На другой день мы с ним встретились. Он сказал, что скоро возвращается обратно формировать из кубанских казаков, работавших на постройке дороги неподалеку от болгарской границы, полк, а если удастся, то и дивизию. Я, в свою очередь, рассказал ему, что еду в Смоленск, а потом в Витебск с группой военнопленных, согласившихся бороться против большевиков.

— В Смоленске бургомистром наш, сотник Алферчик. Привет ему передайте!

Бургомистр поначалу встретил меня с напыщенной важностью. Но, прочитав письмо, тут же переменял тон, а услышав, что я представитель «Зондерштаба Р» и Георгий Околович мой добрый друг, Алферчик стал воплощенная любезность. И тут же позаботился о том, чтобы устроить группу. То, что и было нужно.

Разместив ребят, я направился на Годуновскую, в «штаб-квартиру» Георгия Сергеевича. Бедно одетые прохожие, такие не похожие на самодовольных немцев, торопливо проходили мимо, а молодые женщины, глядя на мою полувоенную одежду и хромовые сапоги, опускали глаза.

Вот наконец и семнадцатый номер. На звонок открыла голубоглазая брюнетка лет тридцати пяти — тридцати восьми и сказала, что Георгия Сергеевича нет, но он должен прийти с минуты на минуту... И вдруг в прихожую заглянула Ара Ширинкина. Увидав меня, она широко раскрыла свои большие глаза и кинулась ко мне:

— Володя! Как я рада! С приездом! Заходите! Заходи! — и обратилась к женщине, отворившей мне дверь: — Валечка, это наш энтэзовец! Знакомьтесь!

Это оказалась хозяйка квартиры и, как я понял, сожительница Околовича, Валентина Разгильдяева, мать двоих детей, девочки и мальчика. Вскоре пришел и Георгий Сергеевич, Жорж. Мы обнялись.

— К нам?

— Нет, еду с группой в Витебск, там погорячее.

— Точно, на днях оттуда приехал. Там у меня родичи: дядя, родная сестра, столько лет ее не видел. Врачом в больнице работает. В Витебске обстановка сложная. В лесах кишат партизаны. После наступления советских войск под Москвой и приближения фронта образовались «Витебские ворота», через которые курсируют партизаны. И настроение там далеко не пронемецкое. Потому надо быть предельно осторожным. Проверь и еще раз проверь людей, с которыми едешь. Ну ладно, еще поговорим. А теперь рассказывай, что нового в Берлине, Париже...

Они с жадностью слушали мои впечатления, вынесенные, особенно из Франции, о нарастающем Сопротивлении, о Лили Каре, капитане абвера Гуго Блайхере, настроениях русского Парижа. Я знал, что Жорж умен, понимает людей, и потому мои высказывания, якобы объективные, я сопровождал репликами и тем путал карты. А на прямые вопросы либо пожимал плечами, разводил руками, либо замечал: «Так говорят! Ходят такие слухи!»

Засиделись мы до глубокой ночи, и я остался ночевать на Годуновской.

Ара уже несколько дней жила в просторном доме Разгильдяевой и на днях тоже собиралась в Витебск. Она очень изменилась: не смотрела на меня, как прежде, украдкой влюбленными глазами, не краснела, когда касались щекотливых тем. И я заключил про себя: «Ты обзавелась любовником!»

Перед тем как пожелать спокойной ночи, я продекламировал ей из «Анны Снегиной»:

...И сердце по-старому бьется,
Как билось в далекие дни.

Ее глаза заискрились, потеплели, и она с какой-то затаенной грустью подхватила:

... Далекие милые дали!
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но значит, любили и нас.

Так через Есенина, которого мы читали и перечитывали два года тому назад у меня на квартире в Белграде, мы объяснились на эту тему в последний раз.

В Смоленске пришлось задержаться на несколько дней. Дело было в том, что усилился в Витебске полицейский режим. Введена строжайшая слежка за передвижением жителей, запрещен уход за черту города в северо-восточном направлении без особого на то пропуска. Ужесточился и паспортный режим. К паспортам стали выдавать цветные вкладыши, периодически их меняя. Пост бургомистра Витебска занимал по рекомендации «Белорусского правительства» некий Всеволод Родько. Местную полицию возглавлял его земляк Павел Шостак. Околович объяснял сложившуюся обстановку тем, что Витебск для вермахта имеет особое значение как важный узел железных и шоссейных дорог, как заградительный щит Прибалтики, как барьер между армиями «Север» и «Центр» и, наконец, как форпост к партизанской зоне и «Витебским воротам». Поэтому

в феврале из Франции в спешном порядке переброшен 59-й армейский корпус.

— Виктор Михайлович, — заметил я, — мне советовали обратиться, в случае нужды, к Николаю Гункину, который якобы близок к бургомистру. Моя задача — проникнуть с группой к партизанам и, проводя среди них подрывную работу, сообщать об их передвижениях...

— А я советую не спешить! Пусть сначала твои люди себя чем-то проявят, извини, — «замарают»! Примут участие в карательных акциях. Зачем рисковать головой? Это первое. Бургомистр Всеволод Федорович Родько — агент абвера по кличке «Рак». Кстати, Колька Гункин ухитрился его обработать, благодаря чему мы получаем важные секретные сведения. Взял Колька на крючок и его помощника Лео Брандта, и Шостака, возглавляющего местных полицейев.

— Какой молодец! О сведениях из Витебска мне Байдалаков намекал с таинственным видом. Я не стал расспрашивать. Теперь спокойно могу отправляться с ребятами в дорогу. Не беспокойся, никому не скажу!

6

Витебск встретил нас ярким солнцем. Западная Двина отливала серебром, а золотом — купола церквей и соборов. На берегу, поросшем зеленой свежей травой, усеянной цветущими лютиками и одуванчиками, то тут, то там появлялись женщина или сгорбленный старик с ведрами. Набрав воды, они с трудом карабкались по крутому берегу обратно.

— Партизаны взорвали водокачку! — заметил кто-то из едущих в вагоне пассажиров.

— Витебск немцы считают неблагонадежным, — подхватил сосед, мужчина лет сорока пяти, с решительным, волевым

лицом. — После захвата города и существенного разрушения командир эсэсовцев полковник фон Гуттен объявил приказ о введении нового порядка и о том, что Витебск отныне немецкий, и в честь великой Германии будет построена крепость Цвинбург. А окружной комиссар Фишер издал ряд указов, каждый пункт которых заканчивался угрозой: «Будет повешен!», «Будет расстрелян!», «Будет наказан по законам военного времени!» И теперь то на одной, то на другой площади по несколько дней висят наши люди. Потому, господа хорошие, — он погладил свои подстриженные усы, — и взрывают то водокачку, то склад с горючим, либо мстят на другой манер, как, скажем, убили помощника бургомистра Брандта...

— Сейчас его сынок издает газеты «Новый путь» и «Белорусское слово», — перебил его сидящий рядом юноша...

Мы вышли к полуразрушенному, закоптевшему вокзалу и зашагали по унылым, безлюдным, обгорелым улицам, словно по ним прошел огненный смерч.

В городской управе, проверив документы, нас провели к бургомистру.

Всеволод Борисович Родько встретил любезно: поднялся с кресла, вышел из-за стола и пожимал крепко руку, со словами:

— Добро пожаловать! С приездом! Нашего полку прибыло! Очень рад, очень рад! — Потом обратился ко мне:

— Вла... простите, Иван Васильевич, мне звонил Георгий Сергеевич, просил выправить документы. Все сделано. Вот ваше удостоверение, заверенное немецким командованием, — и протянул его мне. Потом, повернувшись к остальным, продолжал:

— А вы, господа, сейчас дадите свои координаты, и мы тут же все обстригаем!

И в самом деле, не прошло и часа, как все было готово. На столе появились четверть водки, стаканы, какая-то закусь, и после, видимо, уже давно «накатанных» тостов бургомистр принялся рассказывать о сложившейся в Витебске обстановке, которая все усугублялась из-за партизан — этих глупцов, упорно отстаивающих жидовскую власть.

— А правда ли, что немцы в городе вылавливают евреев? — спросил сидевший со мной рядом Федор Курбатов.

— Их племя заслуживает изоляции! И не только изоляции! Вспомните, что они сделали с Российской империей? По переписи в конце прошлого века в Витебске проживало около шестидесяти процентов евреев. Ходеры, Талмуд-Тора, раввинское училище — ешибот, мужская и женская гимназии, коммерческое училище, вся торговля, не говоря о шинках... После революции они окончательно сели на голову нашему нищему белорусскому народу! Девятого июля сорок первого большая их часть эвакуировалась в поездах, на машинах и пешком в сторону Сурожа. А оставшихся, по распоряжению шефа Витебска оберптурмбаннфюрера Генриха Бременкампфа, почти поголовно уничтожили в октябре. Так что вылавливать уже некого...

— Убивать всех подряд, по-моему, больше чем варварство! — не успокаивался Федор.

Родько зло поглядел на Курбатова:

— Значит, им, ради наживы, можно провоцировать мировые войны, поработить Россию можно?! Уничтожить, войной, голодом, разрухой, тюрьмами, лагерями, расстрелами сотню миллионов россиян — пустяк! А наш Иванушка-дурачок все еще сидит с повязкой на глазах и размахивает дубинкой! А тот, кто снял повязку, кто познал фальшь их демагогии, — тот больше чем варвар!..

Федор открыл было рот, но я тихонько подтолкнул его коленом. И он промолчал.

Тем временем бургомистр, покрасневший от выпитой водки, выпучив глаза и время от времени ударяя кулаком по столу, переходя с баритона на фальцет, выплескивал злобу:

— Это проклятое люциферово племя убийц, грабителей и стяжателей, замешанное на крови христиан.

Сидящие переглянулись. Родько это заметил.

— Да! Да! Здесь, неподалеку от Велижа, в прошлом веке схватили двух христианских мальчиков, остригли им ногти, сделали обрезание, качали в бочке, перевязав ремнем под коленями, и стали колоть по всему телу, собирая вытекающую кровь. Потом мертвых сбросили с пристани в Двину...

— Ну знаете... — забасил Федор.

Родько отмахнулся и яростно продолжал:

— Весьма уважаемый писатель, лексикограф, работал в качестве чиновника Министерства внутренних дел России, является автором весьма серьезного труда: «Розыск о убийении евреями христианских младенцев и употреблении крови их». В них описано сто тридцать четыре ритуальных убийства. И кто автор? — Родько сделал паузу.

Все пожали плечами и переглянулись, потом уставились на бургомистра.

— Не таращите глаза!.. Наш знаменитый составитель словаря, Владимир Даль!..

Его слова опарашили.

Увидев, что мои ребята все больше хмелеют и могут наговорить лишнего, о чем помышлял, видимо, бургомистр, я поднялся и стал прощаться.

Мы вышли на крыльцо. Навстречу по ступенькам поднимался высокого роста худощавый мужчина в штатском. Я тут же узнал в нем Гункина. Поглядев на меня, он заулыбался:

— Здорово! Добро нам дошао! Как си? Ты с ними? — он, кивнув в сторону оставшихся, протянул руку.

— Здравствуй, Николай! А ты тут что делаешь? — И, пожимая руку, заглянул в глаза.

— Ведаю паспортным столом. Иду к бургомистру. Он у себя? Понимаешь... — он с надеждой посмотрел на меня, — очередная неприятность... Кругом шуруют партизаны. Население недовольно, кто может, драпают из Витебска... На днях, — он понизил тон и почти шепотом продолжал, — из Первой больницы рано утром бежал полковник Тищенко Павел Николаевич, начальник штаба Двадцать Девятого стрелкового корпуса. Он был тяжело ранен под Невелем, попал в плен, немцы им очень заинтересовались. Пролежал в Велиже до марта, потом его перевели на Лабазную. А вслед за ним исчезли уже из Второй городской больницы товарищи полковника, летчик Шатиришвили и еще пять человек. Это уже на Ветеринарной, где директором сестра нашего Жоржа Околовича, Ксения... Понимаешь?

— А тебе-то что? Убежали, и ладно!

— Бременкампфа, оберштурмфюрера, знаешь?

— Шефа СС Витебска? Слышал, но лично Бог миловал.

— Беснуется он, послал шефа уголовной полиции Туровского ко мне сегодня утром собрать данные, на чье имя регистрировались паспорта в управе в последние дни. Пристал, как ножом к горлу! — Гункин почесал себе нос. — Понимаешь?! Дело такое... — и снова замялся. — Четырнадцатого приходила Ксения Сергеевна и зарегистрировала вроде целую пачку паспортов. Дело в том, что я распорядился предоставить ей самой отмечать своих больных... Сам понимаешь — сестра

Жоржа. И вроде сваял дурака. Вот и хотел посоветоваться с нашим «Раком».

— Не торопись ли? Сначала убедись, в какой мере причастна и причастна ли вообще к этой операции доктор Околович, а потом уже что-то затевай. Родько только недавно вовлечен в наш Союз, и так сразу его отпугнуть, навалив такое дело, неблагоприятно. Ксению Сергеевну я не видел, но полагаю, она настоящий русский человек: Жоржа она не предала, когда он посетил ее и мать в Ленинграде, из Витебска не бежала... Главное, не забывай, мы не фашистские холуи, нам следует приглядываться, прислушиваться... приноживаться, стараться всем существом понять, что нужно, что хочет наш народ. Нябедничаешь на уважаемого врача, Родько с перепугу доложит немцам, а те, недолго думая, арестуют бедную женщину. Ты знаешь, чем это чревато. Исходя из всего, не советую вмешиваться в историю.

— Ты прав! — согласился Гункин и, подхватив меня под руку, повел по ступенькам на тротуар.

— Хорошо, я Туровскому ничего не сказал... А кто эти люди?

— Будущие энтеэсовцы! Хочу с ними перебраться на ту сторону!

— С одобрения немцев?

— Ты же знаешь, кого мы готовим в лагерях под Берлином!

— Полицаев, маленьких бургомистров...

— Полицаев, провокаторов, карателей, одним словом, холуев на оккупированной территории, — перебил я Гункина в ожидании его реакции.

Он только уныло кивнул головой и, не отпуская моей руки, спросил:

— Вы куда? Немного вас провожу.

— Очень хорошо. Нам отвели помещение на Марковщине, покажешь дорогу. Ладно?

Мы шли впереди, следовавшая за нами группа громко о чем-то зашпорила. И тут же нас нагнали Силка и Федор.

— Скажыгь, начальники, — обратился к нам Силка, — хйба той, шо гтысав про ритуальны убийства, той Даль, росыянин?

— Говорят тебе — немец! — рубанул рукой Курбатов.

— Отец Владимира — Иоганн, датчанин, мать — полунемка, полуфранцуженка. Родился Владимир в Луганске в 1801 году, под конец жизни принял православие. В тридцатых—сороковых годах был одним из самых популярных писателей России под псевдонимом Казак Луганский.

Удивленно поглядел на них Гункин и покачал головой, — стал прощаться:

— Заходи сегодня вечером ко мне, расскажешь, что на свете делается. — И объяснил, как пройти на Марковщину.

Устроившись, я предложил ребятам побродить по городу, а сам отправился на Ветеринарную во Вторую городскую больницу. Уж очень заинтересовало меня предположение Гункина о связи Ксении Околович с бегством полковника Тищенко и группы его товарищей. Повод был: привет от брата.

Некрасивая женщина маленького роста, подозрительно на меня уставясь, выслушала меня, холодно поблагодарила и, сославшись на занятость, поднялась.

— Ради бога, извините меня, Ксения Сергеевна, что затрудняю, но мне позарез нужно встретиться с вашим главным врачом, Чертковым, кстати, это в его интересах, — и посмотрел многозначительно ей в глаза, небольшие, серовато-голубые, холодные...

На ее лице появилась настороженность. Она внимательно, оценивающе измерила меня взглядом и уже более мягко сказала:

— Вы ошиблись, господин Дорба, Нестор Иванович возглавляет не нашу, а Первую городскую больницу, на Лабазной. Но ходить к нему сегодня не советую, я только что оттуда — у него неприятности, так что он вряд ли сможет принять.

Я решил бросить пробный камень:

— Немцы, конечно! Был сегодня у Родько, рассказывал, будто витебчанки, желая спасти военнопленных и выпедших из окружения бойцов и командиров, вступают в фиктивные браки, свидетельствуют в городской управе, что они местные жители, и тем обеспечивают возможность получить паспорта, хотя подобные добрые дела чреваты неприятностями!

— Да, да, конечно, господин Дорба. Но мы, врачи, спасаем людей на другой манер, мы их лечим! — И встала.

Я попрощался, подумав: «Может, она боится провокации, или в кабинете вмонтирован микрофон, а скорей всего, осторожничает! Надо ее поймать на улице или зайти на дом».

Протянув уже руку к дверной ручке, но вдруг увидев, как она поворачивается, я инстинктивно отскочил в сторону — эту молниеносную реакцию усвоил давно. Начальник даже самой захудалой контрразведки обязан это делать безукоризненно. Распахнув дверь, в кабинет влетела молодая девушка и единым духом выпалила:

— Всех, во главе с полковником, довела до Курьина к Райцеву... Что? — И осеклась, быстро оглянулась и вытаращила испуганно на меня свои большие глаза.

Ксения Сергеевна побледнела и, глядя то на меня, то на нее, выдавила:

— Ты что, Тамара, путаешь? Я посылала к больной Раевой в Курьино... Как она?

— Прошу вас, Ксения Сергеевна, и вы, девушка, не беспокойтесь! Я не предатель, клянусь честью! Час назад я раз-

говаривал с Гункиным, и он рассказал о бегстве полковника Тищенко и его товарищей из больницы, намекал, что вы могли оформить им паспорта, и собирался посоветоваться с бургомистром Родько. Я уговорил этого не делать. Тем не менее впредь будьте осторожней. Подобно вам, я хочу бороться с фашистами. Со мной в Витебск прибыло шесть военнопленных. Все они настоящие люди, и я надеюсь, что вы обе нам поможете добраться до Райцева.

Женщины чувствуют, в моменты крайнего напряжения, опасность тонко. Моя искренность, может быть, чрезмерная горячность, их убедили. Они успокоились. Я просидел у них с добрых полчаса и договорился зайти к Околович вечером и рассказать, что делается во Франции и Германии. Тамара Бигус, провожая меня, лукаво посмеиваясь и протягивая мне руку на прощание, не утерпев, заметила:

— И как такой плотный, сильный мужчина ухитрился молниеносно скользнуть за дверь?

— Когда такая красивая девушка ее распахивает — все живое, в том числе такой медведь, как я, должно посторониться... А теперь до вечера!

День стоял по-настоящему весенний: небо голубое-голубое, светило ласково солнышко, и на душе было радостно. Свершилось что-то очень важное. Предстоит сделать первый решающий шаг. Раскрыть новую страницу жизни «Такова воля судьбы, — подумал я, — странные совпадения: встреча с Гункиным в нужную минуту, потом темпераментная, веселая Тамара. Интересно, на какую стезю я ступил восемнадцатого апреля тысяча девятьсот сорок второго года?»

Не торопясь, я бродил по городу, время от времени останавливаясь. У некоторых церквей и общественных зданий стояли полиция на часах. Заинтересовавшись, я подошел ближе и

увидел через отворенную дверь над чем-то трудящихся людей, видимо, горожан, понял, что это изоляционно-трудовой лагерь.

Мое любопытство привлекло внимание часового. Он что-то крикнул, и тут же появился разводящий и направился ко мне. И в этот момент ко мне подошли Федор и его два товарища — Михаил и Георгий. Откозырнув, Федор отрапортовал:

— Гуляем, как приказали, господин начальник!

Полицай, намеревавшийся, видимо, проверить мои документы, попятился, откозырнул и повернул обратно. Мы двинулись дальше.

— Гулять надо с пользой! Скажем, узнать расположение военных объектов, штабов, зенитных установок и раздобыть карту города. И чем информация о враге будет обширней и разнообразней, тем ласковей нас примут!

Мост над Двиной, к которому мы подошли, охранялся немецкими часовыми. Полюбовавшись красавицей рекой, мы направились на улицу Толстого в городскую полицию, чтобы, по словам Родько, выполнить формальность, поскольку он обо всем договорился, и получить талоны в столовую.

На Марковщину домой мы пришли уже под вечер. Действовал комендантский час, и, чтобы попасть к Околович, следовало торопиться, что я и сделал.

Дом, где жила Ксения Околович, стоял напротив 2-й больницы. Я поднялся на четвертый этаж и позвонил. Дверь открыла Тамара Бигус, со словами:

— А мы вас ждем!

В небольшой прихожей меня встретила с любезной улыбкой Ксения Сергеевна, жестом приглашая войти:

— Познакомьтесь, Мария Афанасьевна Кузнецова. Моя добрая подруга и помощница.

Сидящая в кресле женщина с пышными, вьющимися волосами протянула руку, потом вскочила, поцеловала меня в щеку, воскликнув:

— Спасибо вам за Ксюшу! За всех!

— Не надо меня благодарить, не надо! Это долг каждого русского. Кем бы он ни был.

— А теперь, друзья, давайте сядем за стол, и вы нам расскажете о том, что происходит в мире, а мы поделимся своими новостями, — попросила хозяйка.

На белоснежной скатерти-простыне расставлены тарелки, рюмки, какая-то рыба в большом блюде и пузатый графин с водкой.

— Прежде чем поделиться нашими маленькими тайнами, — начал я после второй рюмки, — хочу поведать о себе и о том, что довелось пережить за этот год во Франции и Германии, а потом, если сочтете возможным, послушаю вас.

Женщины закивали головами. Известно, что откровенность вызывает у собеседников ответную реакцию. И я начал свой рассказ о себе, своей деятельности в НТСНП, настроениях белой эмиграции в Югославии, о том, с какой целью был послан Байдалаковым в Париж. Как встретил там своего лицейского товарища Ивана Каткова — участника Сопротивления, как свела меня судьба с Жераром, Лили Каре, как надул Гуго Блайхера и намекнул о полученном от «Икс» задании, какую работу провести с военнопленными.

Они слушали меня затаив дыхание. Поражал раскрывавшийся иной мир. А Тамара то и дело подкладывала мне в тарелку и подливала в рюмку, каждый раз касаясь коленом моей ноги, что все больше развязывало мне язык.

— Мы, как солдаты в окопах, «исповедуемся» друг перед другом, — начала после недолгой паузы историю своей жизни

Околович. — Вы, Иван Васильевич, родились в помещичьей усадьбе, селении с поэтическим названием Бандуровка, а я, дочь священника, — в небольшом эстонском городке Аренбурге. По сравнению с вашей моя жизнь скучна и однообразна. Отец, не стану о нем говорить, тяжело... Помогали старшая сестра, дядя, ныне арестованный немцами в связи с убийством заместителя бургомистра Витебска Брандта. Училась, стала врачом и к началу войны получила назначение врача-ординатора туберкулезной больницы имени Кагановича, на Марковщине. Одиннадцатого июля сорок первого года вошли немцы, и с этого момента я очутилась на оккупированной территории. Восемнадцатого июля был объявлен приказ о явке всего медперсонала в немецкую комендатуру.

— Все было так неожиданно, все так верили в сталинское «ни шагу» и вдруг — такое! — вмешалась Мария Афанасьевна.

— Я решила вместе с легко раненым и скрывающимся у нас в больнице офицером, — продолжала Ксения, — перейти линию фронта. И мы отправились по Смоленскому шоссе до Рудни. И уже надеялись на успех, как нас километрах в пятнадцати за городом остановил немецкий патруль и «в связи с военными действиями» приказал возвращаться. Объяснила я свое отсутствие тем, что навещала больного в деревне и простудилась. На другой день, узнав о моем прибытии, назначенный немцами заведующий госздравом Купреев, поговорив со мной, решил назначить меня главврачом Второй городской больницы. Вскоре посетил меня брат, Георгий, и познакомил с белоэмигрантом Николаем Федоровичем Гункиным, который вскоре занял пост начальника паспортного стола. Под предлогом наличия в больнице тяжело раненных нетранспортабельных больных, я попросила предоставить мне право являться лично и оформлять документы. Разрешение я получила и, пользуясь

им, имела возможность под видом паспортов больных пере-регистрировать большое количество паспортов, нужных мне для оказания помощи целому ряду советских граждан. У нас уже имеется десять конспиративных квартир. Мы все больше и больше бойцов переправляем к партизанам. Восьмого меня вызвали в деревню Курино, где со мной вел долгую беседу начальник разведывательного отряда Ефимов, с которым, надеюсь, вы еще познакомитесь, и дал ряд заданий.

Околович поднялась, подошла к буфету, что-то отодвинула и, вытащив флакон с прикрепленным к нему рецептом, прочитала:

«Первое — указать на плане Витебска сгоревшие кварталы, а на сохранившихся отметить размещение штабов, частей и огневых точек. Второе — следить за продвижением войск и особо тщательно за прибытием химкоманд. Добыть противогаз.

Третье — узнать структуру, методы работа и вооружение полиции. Установить ее личный состав и политическую характеристику отдельных работников.

Четвертое — установить, какие цели ставит перед собой руководящий состав организующегося Белорусского народного дома.

Пятое — составить список кандидатов и комсомольцев, оставшихся в Витебске, с указанием их политических настроений.

Шестое — раздобывать и снабжать отряд образцами фашистской литературы, приказами.

Седьмое — дать полные сведения об административных работниках русской типографии, их политнастроениях, о корреспондентах газеты “Новый путь” Витбиче, Горском и Андрееве».

Она положила пузырек с рецептом обратно и, остановившись возле меня, заметила:

— Не думайте, что я такая дура и там все так и написано! Дудки! Да, кое-что уже сделано, я надеюсь, что вы с товарищами поможете. А о полковнике Тищенко и его группе расскажет Тамара, она водила их к партизанам.

— Расскажу по дороге в Курьино, хорошо? Ха-ха-ха! Берете меня за проводника? — и озорно сверкнула глазами.

— Я думаю задержаться в Витебске еще несколько дней и за это время постараюсь собрать нужные сведения, полагаю, мне удастся выполнить по пунктам все!

— Все не надо. Кое-что уже сделано. Марии Афанасьевне удалось узнать о том, какие цели преследует Белорусский народный дом, а теперь она занята составлением списка комсомольцев...

Вдруг послышались выстрелы, потом прозвучала автоматная очередь.

— Это у кирпичного завода стреляют! — определила Тамара. — Который уже раз, — она взглянула на часы. — Половина одиннадцатого. Через десять минут на нашей улице появится патруль. Немчура в своей точности до идиотства доходит. Все, кому нужно, знают, когда и где ходят фрицы.

Мы встали и направились к окну, выходявшему на Ветеринарную. Ксения погасила лампу и раздвинула широко тяжелую портьеру. Сверху неосвещенная улица проглядывалась с трудом.

Тамара, поглядывая из окна на улицу, принялась рассказывать, как, пользуясь скрупулезной точностью немцев, особенно баварцев, — а их видно по красным сытым рожам, — она уже знает, когда и как почти безопасно идти через Витебские ворота.

— А там рукой подать до Четвертой ударной армии генерал-полковника Еременко. Мне рассказывали, что в районе Понизовье—Лионозово—Рудня командованию 358-й стрелковой дивизии партизаны сообщают данные о расположении вражеских частей да еще поставляют фураж...

— Во! Смотрите! — воскликнула Околович, ткнув пальцем в сторону улицы.

По мостовой шагали, с автоматами на плечах, три немца в касках.

Я стал прощаться. Договорились о новой встрече и о том, что примерно через неделю Тамара поведет нашу группу через Витебские ворота.

7

За городом царила весна. Проснувшийся от зимней спячки лес был полон жизни. На деревьях распускались листья. С громким щебетом летали птицы. Где-то куковала кукушка. Солнце весело проглядывало сквозь бледно-изумрудную зелень крон кленов, тополей, ясеней, и только могучие дубы, собираясь с силами, набирали почки. В лощинах, у старых пней мелькали семейки коричневых сморчков. Лужайки и открытые полянки, залитые светом, напоминали персидские ковры: ярко-желтые лютики, одуванчики, темно-фиолетовые колокольчики, красные наперстянки и буковицы, розовый клевер... над ним роились разноцветные бабочки, толклись столбами мошки, летали осы. А в траве копошились букашки.

Мы шли по лесу, не спуская глаз с маячившей шагах в двадцати-тридцати от нас стройной фигурки проводницы.

— Дорога мне знакома, знаю примерно, где есть вероятность наткнуться на немцев. Договоримся так: не упускайте меня из виду, поднимая левую руку — ложитесь и ждите; правую —

расползайтесь по сторонам; обе — бегите на выручку, только осторожно.

— Вышли мы из Витебска 23 апреля, через Духовский овраг и улицу Фрунзе в Стадионный поселок, пересекли Витьбу и, минуя деревни Андронниково и Кашино, приближались к зоне, где уже хозяйничали партизаны. Оставалось пройти чернолесье, миновать болотце и добраться до соснового бора. — Так объяснила нам Тамара, когда мы после добрых шести часов быстрого хода уселись перекусить.

И снова в путь. Усталость брала свое — все-таки отмахали мы километров шестьдесят — спадало напряжение и притушилось внимание. И я шагал, порой бездумно, порой размышляя о предстоящей встрече с Райцевым и о том, сумеем ли мы добраться до наступления темноты.

И вдруг Силка схватил меня за плечо, чтобы пригнулся... Возле Тамары стояли два немца. Один из них, высокого роста, держал винтовку на голове и озирался по сторонам, другой, пониже и плотней, с винтовкой за спиной, грозя кулаком, видимо, спрашивал, почему она в лесу. А наша проводница размахивала руками, якобы что-то объясняя: «На выручку!» Немцы еще в прошлом году издали указ, согласно которому подозрительные лица, застигнутые в лесу, подлежат расстрелу на месте.

Из огнестрельного оружия в нашей группе было только два пистолета — у меня и у Федора.

Мне еще не приходилось стрелять из ГТ образца 30-го года. Кроме того, поблизости могла находиться воинская часть, высланная дозорных.

— Бежим! Будем брать живыми!

Подхватив Тамару под руки, они поволокли ее, видимо, с целью изнасиловать, к ближайшей лужайке и, взбудораженные, не услышали нашего приближения.

— Хальт! — крикнул я, когда оставалось пять шагов.

— Хенде хох! — заревел Федор.

Фашисты отпустили девушку. Высокий поднял руки, а маленький, быстро повернувшись, вскинул винтовку, но тут же получил удар по голове от подскочившего к нему Силки и, охнув, свалился.

Когда я пообещал высокому фрицу жизнь, он охотно, дрожащим голосом, торопливо даже, рассказал, что примерно в километре отсюда сидят в засаде около двух рот. Цель — облава на партизан: «Все мы солдаты двести пятой дивизии пятьдесят девятого армейского корпуса, что прибыл в февралье из Франции...»

Связав руки ему и очнувшемуся, присмирившему коротышке-офицеру, мы двинулись дальше. На этот раз уже вместе. Из огнестрельного оружия в нашей группе у меня было два пистолета. Тамара получила трофейный «вальтер». Другой, по праву, взял Силка Криволап. А две винтовки и четыре гранаты разобрали остальные. И, таким образом, худо-бедно, но все оказались при оружии.

Уже темнело, когда мы наконец добрались до опушки леса. Предстояло перебраться через болото, поросшее камышом почти в три метра высоты.

Мы присели в ожидании, пока совсем стемнеет. Тамара, оправившаяся от шока и, как человек, избежавший беды, была в приподнятом настроении. Расположившись поудобней на моем рюкзаке, рассказывала, как связной армейской группы разведчик Ефимов, сопровождавший с ней группу полковника Тищенко, поймал руками большущего угря, переползавшего из болота в речку, что тут рядом течет. И резюмировала:

— Глупые самки ради продолжения потомства ползут посуху, плывут по рекам, добираются до моря, чтобы встретиться

с бездельниками-самцами и вернуться плодить детей! Ха-ха-ха!
Все мы, бабы, — дуры несусветные!

— И все-таки ведете нас, мужиков, вы! А кто родил и воспитал таких людей, как Тищенко и те тысячи с ними, как Райцев, к которому мы идем? Разве не такие славные, смелые, красивые, как вы, наша, теперь уже навеки родная, Тамара!

— Этих тоже воспитала женщина! — Она оголила левую руку. На белой коже отчетливо проступали синяки.

Все повернулись к немцам, которые, поняв, испуганно опустили глаза.

Посидев еще минут десять-пятнадцать, мы двинулись дальше. Вскоре нас остановил партизанский патруль и привел к Райцеву.

Страница моей эмигрантской жизни была перевернута!

Глава шестая «ПОД КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ ОРИОНА»

Но свет... Жестоких осуждений
Не изменяет он своих:
Он не карает заблуждений,
Но тайны требует от них...

А.С. Пушкин

1

Далеко за полночь наша группа перешла линию фронта. Запыхавшиеся, усталые, мы уселись отдохнуть. Напряжение, вызванное страхом, спадало, его заменило исподволь другое — тревога. Что нас ожидает — «изменников родины»? Штрафной батальон? Концлагерь? Это ребят, а меня, недорезанного?

Партизаны уверяли, что все будет хорошо. Райцев написал много хороших слов, к тому же мы вели пленных, из коих один оказался офицером, да еще адъютантом командира полка. Поскольку я возглавлял группу, Силка, а вслед за ним и другие, начали величать меня «товарищ лейтенант». Распластавшись, я глядел в небо, звездное, ясное небо... манящее, таинственное и родное, неизменное. Вспоминал, как мы, кадеты седьмого класса, под влиянием увлекательнейшего урока астрономии по ночам выходили во двор и разглядывали созвездия. Там, в горах Герцеговины, они были яркими, близкими. И древние легенды о них казались такими естественными, понятными. Вот он — Сатурн или Черное солнце, с его сатурналиями — когда нормальная логика жизни уступает законам абсурда, непристойности, а эмблемой, ритуальным атрибутом становится (Сатурн-Кронос) коса времени — смерть! И тут же другой зловещий знак — молот — крест, лишенный верхушки, где утеряно устремление духа и остается лишь перспектива нисхожденья вниз в «подчеловеческие» районы существования... Неподалеку от Сатурна поблескивал могучий сын Посейдона и Земли — Орион в окружении нескольких звезд: белая Ригель — светилась ярко, другая — красная Бетельгаузе — отливала свежей кровью. Какая из них меня поведет?..

Все эти «бредни» звучали упорно в памяти, будто щит перед подползающей тревогой.

На рассвете мы двинулись дальше и вскоре были остановлены своими, обезоружены, обысканы и приведены в часть. Посылалась расспросы, отношение было в общем доброжелательное, но одновременно и несколько настороженное.

Наконец я предстал перед, как я понял, только что прибывшим на машине из Демидова начальником штаба 358-й ударной дивизии. Высокий, статный полковник с поседевшей пышной

шевельорой напоминал грузина. Кивнув головой на мое приветствие, он бросил:

— Ну, рассказывайте!..

Начал я с того, что имею записку в органы безопасности от нашего разведчика в Париже. Потом передал письмо Райцева и доложил о взятых пленных. Письмо полковник тут же прочитал, записку, верней, клочок белой бумаги повертел в руках и вернул обратно:

— Капитана срочно вызвали в штаб армии, передадите ему, когда вернется, если это не очень срочно. А пока оставьте при себе. Чем еще порадуете?

Я передал собранные в Смоленске и Витебске данные, план Витебска с обозначением расположенных там объектов, данные, собранные Ксенией Околович и лицами, с которыми она связана.

Потом привели пленных. Увидав меня, они заулыбались.

— Чего они радуются? — спросил, подозрительно поглядев на меня, полковник.

— Напуганы. Чувствуют свою вину и понимают, что мы вправе с ними разделаться как с насильниками. Напали на нашу проводницу. Договорились: они пообещали ничего не скрывать, а я — сохранить им жизнь.

На допросе маленький адъютант начальника штаба прибывшей из Франции стрелковой дивизии сказал, что немцы предполагают очистить от партизан район леса, с тем чтобы незаметно подтянуть силы для внезапного удара.

Сведениями полковник остался доволен. Он весь как-то переменился, стал любезен и даже пожал мне руку:

— Молодец! От немца не отличишь по произношению, не то что мои... Какой подход! Если вы не против, поедем ко мне в штаб? Назначим вас старшим переводчиком! А?

— Слушаюсь! — выдавил я, подумав: «Местечко теплое, но уж слишком близко к начальству — больно рискованно!»

— Тогда давайте свои данные, выправим вам воинский билет. — Он окликнул стоявшего у бруствера адъютанта и велел принести ему портфель.

— Завтра, по случаю Первого мая, отличившимся мы даем награды, а старшины получают офицерское звание. Вы?..

— Солдат!

— Простой боец? — улыбнулся полковник. И резюмировал: — Значит, младший лейтенант! Пусть вас оформят, можете идти! Через несколько дней, как договорились, вас вызову. — И, обратившись к адъютанту, указал на меня рукой, сказав:

— Отведите товарища лейтенанта к командиру роты, пусть его оформят! — и протянул бланк воинского билета. — Да, пока его ничем не загружать. Он и его товарищи заслужили отдых. Ступайте.

В довольно просторной землянке меня встретил сухощавый, небритый старший лейтенант. Выслушав адъютанта, он жестом пригласил сесть на ящик, сам уселся на такой же, оценивающе окинул взглядом, достал из третьего банку с тушенкой, сунул в руки, буркнув: «Открывай!» А сам потянулся за бутылкой и кружками. Пока я вскрывал банку, он налил полные кружки, вынул из сумки «трофейные» нож, вилку, ложку и, поднявшись, торжественно отчеканил:

— Поздравляю вас, товарищ младший лейтенант, с офицерским званием. Поздравляю со светлым пролетарским праздником Первое мая! — и чокнулся.

Я по-кадетски щелкнул каблуками и выпил до дна. Водка отдавала сивухой, и я невольно скривился.

Лейтенант, звали его Петр Михайлович Свигайлов, усмехнулся и разлил по кружкам оставшуюся водку, причем мне досталось побольше.

После утомительной ночи такая изрядная порция ударила в голову. Я захмелел. И когда мы уселись, принялся рассказывать, как мы добирались из Берлина сюда; как немцы относятся к пленным русским, мроят голодом, провоцируют, всячески настраивают против советской власти, «перековыывают», с тем чтобы превратить в послушных холуев и... палачей.

Потом последовал ряд вопросов на разные темы. Коснулся, конечно, и женщин. Ими командир роты интересовался очень, доходя до грязных подробностей. Чтобы как-то избавиться от «женского вопроса», я перешел на другую тему:

— Скажите, товарищ старший лейтенант, полковник, который со мной сейчас разговаривал, предложил мне стать у него переводчиком. Кто он, как его фамилия?

— Он разве не сказал? Вы что? Так хорошо знаете немецкий?

— Я уже говорил вам, что знаю. Так как его звать? Полковника?

— Он должен на обратном пути заехать... и тогда «представится»! — ухмыльнулся, пожав плечами, мой собеседник.

— Очень хорошо, а кто у нас командир дивизии? Если это, конечно, не секрет.

— Секрет!.. Неужто не понимаете!.. — и недоуменно на меня посмотрел.

Я не сдержался и насмешливо заметил:

— Весь мир, в том числе немцы, потешаются над русскими, которых искусственно делают дураками, окружая глупейшими тайнами. Когда я добывал для вас карту города Витебска, при-

шлось брать немецкую, ибо советским людям эту тайну знать не положено, обойдутся и схемой..

— А кому, как не шпионам, нужны подробные карты?

— В магазинах Парижа, Берлина или Рима вы можете купить планы Москвы, Ленинграда, Одессы, Харькова и даже моего родного Елизаветграда, ныне Кировограда. Француз, хозяин магазина карт, когда я заинтересовался картами СССР, посмеиваясь, спросил, не приехал ли я из России. И на мое «нет!» сказал: «Там у них все под замком и все под подозрением. Даже, скажем, аспирин имеет свое кодовое название, не говоря уж о пирамидоне!» Неужели вы тоже считаете такой «курс» правильным? Кстати, в энтеэсовской газете «За Россию» я видел на эту тему карикатуру: Сталин смотрит на себя в зеркало и, грозя себе пальцем, говорит: «Ты мне кажешься подозрительным!»

— Не повторяй брех белогвардейской сволочи, дорогой товарищ! — повысил тон Свигайлов и сердито отвернулся.

— А вы знаете, что эта «белогвардейская сволочь», как вы их называете, помогает организовывать Сопротивление, скрывает наших пленных, создает, формирует общественное мнение в нейтральных странах, молится за спасение Отечества, которое волей или неволей пришлось покинуть? Поглядите на них и с этой стороны.

— А НТС, о котором вы рассказывали?

— Всякие, конечно, есть, Петр Михайлович!

— И у нас тоже есть всякие, Иван Васильевич!

Про себя же я снова удостоверился, какую роль играет в сознании людей моего Отечества обожествленный «отец народов», «великий вождь и учитель». Маленький, невзрачный, рябой, коварный, жестокий и теперь такой незаменимый тиран. Понял, как следует осторожно впредь касаться этой темы. В 1936—1938-х годах он расправился с «ленинской гвардией»

и вновь окружил себя иудеями. Им ведь сильная Россия не нужна, а Сталин явно хочет сделать ее сильной!.. Что он сделает с ними после войны?

...В те дни я часто задавал себе этот вопрос. Он разрешился спустя десять лет его убийством и постепенным развалом империи.

— Конечно, в какой-то мере вы правы. Я просто делюсь впечатлениями. Надо знать мнение о Советском Союзе в мире. Немцы убеждены, что власть в СССР захватили в семнадцатом году евреи и крепко держат ее до сих пор, и считают, что войну вызвали они.

— Какая чепуха! Это Гитлер напал коварно на нас!

— Нацисты утверждают, будто после заявления ТАСС от 14 июня 1941 года началась секретная эвакуация евреев на восток. Вы обижаете нашу разведку. Мне точно известно, что ЦК, высшее командование Красной армии, МИД были предупреждены о готовящемся ударе, — возразил я.

— А вы, часом, не разведчик? — поинтересовался старший лейтенант.

— В какой-то мере. Но речь не о том, речь идет о вреде нездоровой секретности, над которой потешается весь мир, о подозрении к своему народу. В силу этой рутинной привычки всё скрывать ТАСС спокойно «уполномочен заявить, что слухи о намерении Германии предпринять нападение на СССР неверны, лживы и провокационны...» И попробуй кто-нибудь из советских людей что-нибудь вякнуть. Скажем, подать рапорт о том, что немцы на границе явно готовятся к нападению. Тут же назовут провокатором. В результате — миллионы пленных, гибель техники, неисчислимы жертвы, психологический шок. Ко всему этому еще добавить, что такая позиция оказалась благоприятной почвой для матери всех пороков — лжи и отца гнусных подлостей — доноса! А в результате — рано или поздно:

И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от Божьего суда!..

— А вы еще верите в Божий суд? — глядя куда-то в угол землянки, спросил командир роты.

— Рече безумец в сердце своем: несть Бог! Сами знаете, на фронте под пулями Его часто поминают. Однако вернемся к нашим баранам, как говорят французы, и подведем черту. Начнем с тайны фамилий наших командующих. Начальник нашей Четвертой ударной армии генерал-лейтенант Курасов, член КПСС с тысяча девятьсот двадцать восьмого года, закончил Академию Фрунзе и Генерального штаба, женат, имеет двух сыновей и дочку. Начальник Триста Пятьдесят Восьмой стрелковой дивизии генерал-майор...

Раздавшийся громкий топот кирзовых сапог невольно заставил меня замолчать. Влетел дежурный и протянул своему командиру военный билет. А тот в свою очередь протянул его мне и, пожимая крепко руку, сказал:

— Поздравляю, товарищ лейтенант! От души поздравляю! А все наши ошибки переживем. Была бы жива наша Россия! — и, отпустив жестом дежурного, потянулся за новой бутылкой
К щекотливым темам мы больше не возвращались.

2

Ни полковник из штаба дивизии, ни капитан из НКВД не появились. В середине мая меня в качестве командира взвода, со всей моей «дружиной», направили в 85-й отдельный саперный батальон. Мы строили оборонные рубежи, ремонтировали автомобильные дороги и железнодорожные мосты, намного сложнее было, когда дело касалось устройства минно-взрывных заграждений или разминирования мостов, дорог в тыловых районах фронтов.

Самым сложным было определить тип мины и верно ее обезвредить. Противотанковые, противопехотные, противотранспортные, осколочные, фугасные, специальные, ловушки диверсионные, одни взрывались от нагрузки силой, другие — в заданное время, третьи — по радиосигналу, четвертые — в силу самых неожиданных случайностей. Немало минеров, даже весьма опытных, погибало и пострадало от скоропортящихся генераторов звукового и визуального индикатора на миноискателях и, наконец, по каким-то неведомым причинам от покинувшего минера шестого чувства, его предупреждающего: «Берегись!»

Рокот летящих снарядов я слышал в Елизаветграде в 1918 году. Тогда над городом летали трех- и шестидюймовые снаряды. В 1942 году что только ни завывало, рокотало, гремело и свистело в прифронтовой полосе! Бойцу нужен опыт, чтобы не кланяться пулям, хоть он и знает, что ту, которая в него попадет, он не услышит. Минеру приходится работать под редкие выстрелы пушек, его ухо либо интуиция подсказывают, пролетит ли снаряд, или он на излете и надо ложиться. Но у человека есть еще самолюбие: плюхнешься сдуру на землю, а снаряд пролетел мимо — как потом поглядеть в глаза напарникам? А если ты командир взвода?..

В результате я получил тяжелую контузию и был ранен в ногу. Пришел я в себя в постели. Красивая сестра милосердия, склонившись надо мной, старалась не то разжать сжатые зубы, не то влить мне что-то в рот. Увидев мой осмысленный взгляд, она погладила меня по голове, сказав стоявшему позади нее мужчине в белом халате:

— Пришел в себя!

Я узнал, что лежу в далеком вологодском госпитале. Поначалу я напоминал, наверно, только что родившееся существо. Память возвращалась медленно, а кусок жизни так навсегда и

выпал, будто его и не было. Позже я так и не смог вспомнить, куда девался Силка Криволап, который, наверно, как всегда, находился неподалеку, напрочь вылетели из головы фамилия ротного, командира батальона, название места, где меня контузило. Начальник госпиталя, высокий усатый полковник Воронов, утешал:

— Благодарите судьбу, что не стали инвалидом. Организм у вас крепкий, да и в рубашке родились! Память постепенно восстановится, кое-что и вычеркнется: организм человеческий — штука непростая! Главное сейчас взбадриваться, любыми способами: холодным душем, крепким чаем, гуляйте побольше, не бойтесь наших северных морозов, заведите, в конце концов, роман.

— А рюмку-другую тоже можно?

— Водку глушить больше рюмки не советую...

Взбадриваться?! Как? Чем? Скрепя сердце решил расстаться с последним, что меня связывало с прошлым, — отцовским кольцом: посередине большой рубин, а по бокам по довольно крупному бриллианту. В отличие от часов, нательного золотого крестика с цепочкой, оно сохранилось. И неудивительно — я с большим трудом стягивал его даже с намыленного в горячей воде безымянного пальца. Денег за него мне отвалили кучу. И я исправно следовал совету Воронова... Не обошлось и без романа.

Звали ее Людмила, и потянуло меня к ней, видимо, потому, что перед отъездом из Белграда ко мне частенько заходила полная чудесного женского шарма шестнадцатилетняя гимназисточка Люда, желавшая изучить все способы Любви.

В отличие от Белградской, Вологодская была скромна, пожалуй, даже целомудренна, и все-таки чем-то напоминала первую. И я подумывал о том, чтобы, вернувшись после войны

в этот тихий и, как мне казалось, патриархальный город, устроиться на работу по соседству в Ньюксинском районе, жениться и зажить наконец спокойной жизнью. И тревога, которая меня «взбадривала», когда я не обнаружил своего бумажника, где хранилась записка Павла Ивановича, улеглась. И я твердил: «Может, к лучшему!»

Незадолго перед выпиской, в десятых числах марта, воспользовавшись на редкость солнечным днем, я отправился на рынок. Брожу, поглядываю на спящих мужчин и женщин, почти поголовно одетых в грязновато-черные ватники, и браню себя, что никак не могу привыкнуть к такой бедности. И вдруг передо мной останавливается ярко одетая цыганка. Смотрит на меня оценивающе своими большущими черными глазами, словно пронизывает насквозь, берет меня за рукав и тащит в сторонку, приговаривая:

— Давай, милай, погадаю! Всю правду скажу, что было, что ждет. Позолоти ручку!..

Студентом, как и вся русская эмиграция, я верил в потустороннее, увлекался Блаватской, занимался спиритизмом и был убежден — впрочем, и сейчас тоже, — что некоторые люди обладают тайной силой предвидения, чтения мыслей на расстоянии, гипнозом, регулированием собственного веса... Всем тем, чем некогда владели маги, чародеи, волхвы, кудесники, ведьмы, которых так безрассудно, начиная со Средних веков, предавали смерти фанатики веры или Бога, и фанатики материи — дьявола. Какое-то соприкосновение с этими необыкновенными людьми имели и цыгане!

Этому племени я симпатизировал давно, с юных лет. Прибывающие в начале двадцатых годов русские эмигранты расселялись по всей стране. До трудоустройства, а дети — до поступления в закрытые учебные заведения, получали пособие в размере 400 ди-

наров в месяц, что хватало для прожиточного минимума. Нашей группе досталось богатое словацкое местечко, неподалеку от Белграда, где мать, отчим и недавно родившаяся сестренка Галя прожили почти десять лет. А я спустя месяца три переехал из Словакии в зеленую, цветущую, культурную Славонию, в бывший лагерь для русских военнопленных, в местечко с поэтическим названием Стерниште при Птуе, в Донской кадетский корпус, куда был принят в четвертый класс, среди учебного года. Этому я был обязан жене председателя нашей колонии, бывшего начальника Елизаветградского кавалерийского училища полковника Валиковского, которая относилась ко мне с материнской нежностью. Красивая, начинающая увядать цыганка, избалованная успехом оперная певица, она обладала еще какой-то магической силой. Казалось, перед нею не было преград. Благодаря ее вмешательству нас поселили недалеко от столицы, она же командовала мужем и всей колонией, добилась того, что старопазовская община, со своей стороны, выделила помощь, устроила кое-кого на работу. Мало того, сумела воздействовать на моего отчима, который после крупной ссоры со мной пошел на мировую, и в какой-то мере сыграла роль в становлении моего духовного естества.

В Европе цыган называют по-разному: египтянами, фараоновым племенем, гитанами, — себя они называют ромами. Ученые считают их выходцами из Индии.

Все это мелькало у меня в голове, пока я покорно шел за ней. Тем более, что цыганка была похожа на Валиковскую.

Отойдя в сторонку от спящей толпы, на солнышке, мы остановились. Я протянул ей левую руку и спросил:

— Если ты, красавица, все знаешь, скажи, как меня зовут? Имя?

Она, взяв мою руку, подтянула меня к себе ближе, пристально посмотрела в глаза и покачала головой:

— Нет, не Иваном, мой красавец, не Иваном тебя кличут... Не отводи глаз. Во-ло-дя!..

Я был потрясен и тут же сунул ей червонец. А она продолжала:

— Так-то, мой милай, а суженая твоя не Люда, а много-много лет проживешь с Алей, но сначала смерть к тебе свататься станет...

Прошло больше полувека, а порой всплывают вологодский рынок и пестро одетая, черноглазая цыганка, так точно предсказавшая мою судьбу.

В конце марта 1943 года меня направили в Велиж, где находился штаб Четвертой ударной армии. В комендатуре я нос к носу столкнулся с полковником из штаба 358-й дивизии. И хоть я после тяжелой контузии похудел, побледнел, осунулся, меня он узнал сразу, и крепко пожав руку, сказал:

— С приездом, товарищ младший лейтенант. Справлялся о вас. Сказали — в вологодском госпитале. В свое время я обещал взять вас к себе переводчиком, но, сами понимаете, война есть война. Не успел прибыть в штаб, как меня послали в Москву, с докладом начальству. А когда вернулся, вас и след простыл. Ищи иголку в стоге сена! Тем не менее вы тут как тут, на ловца и зверь бежит. Как раз занят подбором толковых, знающих язык переводчиков. Пойдемте! — и повел меня в кабинет.

Звали его Павлом Владимировичем, был он из донских казаков, из знаменитой в свое время виноградниками станицы Цимлянской, то ли по глупости, а скорей по злому умыслу, превращенной в загнивающее Цимлянское море.

Я напомнил ему об «индальгенции», которую дал мне Манке и которую он повертел в руках и, вернув мне, сказал, что капитана нет, и посоветовал дать ему, когда придет.

— Помню, как же, листик чистой бумаги! Вы так и не передали?

— Хранил в военном билете, а когда меня контузили, я ведь был долгое время без сознания и, наверно, проверяли мой документ, чтобы выяснить личность, «бумажку» обронили. Сами понимаете, товарищ полковник, как меня это беспокоит!

Полковник замялся, почесал затылок, потом махнул рукой и, оглянувшись на дверь, заговорил вполголоса:

— Дело в том, что капитан у нас больше не появился. Вместо него прибыл майор, в котором я узнал человека, по некоторым причинам мне неприятного, пожалуй, даже омерзительного. Дело в том, что мой родной брат Александр арестован по делу Тухачевского и «незашто, непрошто» сослан на Колыму, кажется. И об этом позаботился этот тип. Поэтому я ничего ему и не сказал. И, мне кажется, поступил правильно. А мой совет вам — лучше помалкивать. Насколько мне известно, почти все побывавшие за границей товарищи заканчивают свою карьеру плохо. Конечно, исключения бывают, и потому на своем предположении я вовсе не настаиваю...

— Тем не менее я вас, товарищ полковник, послушаю! — заметил я. Мне стало страшно при мысли попасть в руки такому, как мне в ту пору казалось, садисту.

Порешив это дело, я получил назначение, оформленное тут же, с тем чтобы отбыть в штаб дивизии в тот же день и включиться в работу.

Кого только я ни допрашивал, с какими характерами ни сталкивался, какого вранья и горькой правды ни наслушался! А в результате пришел к выводу: допрашиваемого надо подготовить к «исповеди», суметь отыскать ему данные, успокаивающие совесть, а он уже сам найдет тысячу доводов в этих экстремальных, чрезвычайных обстоятельствах, где угроза и

желание жить затемняют духовное начало, эмоции, понятия о долге, чести, совести, и побеждает холодный рассудок.

Тысяча девятьсот сорок четвертый год близился к исходу, когда я внезапно очутился в положении допрашиваемого и, слушая опытного, умного красавца начальника управления МГБ полковника Литкенса, отбросив эмоции, думал про себя: «Сегодня ты, а завтра я!»

...На соседней наре полулежит светлый шатен. Его сероватосиние глаза выражают обреченность, запорожские усы с рыжинкой нависают над крепко сжатыми, чуть искривленными губами. Цвет испитого лица землистый. Повадки, певучая речь, весь облик выдают в нем украинца. На вечерней переключке я в этом убеждаюсь — его фамилия Зюзь-Яковенко.

Уже неподалеку от Москвы он рассказал, что арестован перед самой войной. Он и ряд его товарищей после окончания Академии Генерального штаба были для «усовершенствования» направлены в Берлинскую академию, чтобы пройти курс наук и там. По прибытии он был произведен в генералы (комдивом или комкором?), принят Шапошниковым. А всю группу готовили к встрече с Иосифом Виссарионовичем. И вдруг повезли на Лубянку и обвинили за «связь с врагом». «Продержали два месяца и все “уговаривали” сознаться, на разные манеры. Упрямым хохлом величали. А тут война. Внутреннюю тюрьму эвакуировали в Саратов, и там про меня забыли. И только недавно вспомнили, привезли в Киев. Как спеца, знакомого с заданиями и подпольной работой оуновцев, еще и это задумали пришить».

Я слушал его и думал: «Зачем? Кому это нужно? Дать способному человеку высокую квалификацию, затратив на это кучу денег, а потом арестовать, держать всю войну под замком, кормить худо-бедно???»

— На допросе я рассказал, что мне однажды довелось в Берлине столкнуться с Коновальцем и жестко поспорить. Я глубоко убежден, что идея «Самостийной Украинь» — задумка немцев и англичан и расшифровывается просто: разделяй и властвуй!

То же самое было в свое время и с Германией — католики, лютеране, евангелисты, — однако немцы это поняли, а вот славяне ни в какую! Грызутся чехи со словаками, сербы с хорватами, Закарпатье с Украиной и Россией. Одним словом, весело живем!

Зюзь-Яковенко вдруг улыбнулся, сверкнули белые зубы, морщинистое лицо с ямочкой на подбородке преобразилось, напряженный взгляд стал ласковым, добрым.

В ответ на его улыбку улыбнулся и я, подумал: «Хочешь узнать человека — гляди на его улыбку. По ней можно судить, умен ли он или глуп, добр или зол, хитер или прост. Она выражает любовь и ненависть, симпатию или презрение, радость или боль, приказ или просьбу... и многое другое».

До самой Москвы-Товарной мы вели задушевную беседу с этим хорошим высокопорядочным генералом. Кто знает, какова его доля? Какая участь его ждала? Впрочем, и меня тоже...

Ночью меня с несколькими арестованными повезли в «воронке». Когда я заговорил, на меня цыкнули. Я вспылил, обозвав их послушной тюремной скотиной, и отвернулся. Только у одного я прочел в глазах одобрение.

Ехали мы мучительно долго, без конца останавливаясь. Дверь отворилась, и послышалась команда: «Выходи по одному! Руки назад!»

В сопровождении двух конвоиров я прошел по двору и уже не помню как поднялся на 6-й этаж, где нас встретил начальник караульной смены — высокий, красивый старшина в новенькой хорошо прилаженной форме. Оглядев меня с ног до головы,

словно оценивая, он жестом указал, куда идти. Там меня ждали два сержанта. Приказав раздеться догола, оглядели со всех сторон, велели открыть рот, наклониться и раздвинуть ягодицы, поднять руки — не прячу ли я что под мышками. Мне было как-то стыдно за них, верней, за ту работу, которую им приходится выполнять, и пока они ощупывали мою одежду, рассказал им о том, как перед войной 14-го года был обнаружен и захвачен крупный немецкий шпион. «Неподалеку от Брест-Литовска жандармы заметили слепого нищего с собакой-поводырем, направлявшегося к границе. Он показался им подозрительным. Жандармы остановили его, обыскали, но ничего не нашли и уже было отпустили, но в последний момент один из них обратил внимание на собаку-поводыря на длинном поводке. Она нервничала, танцевала на месте и присаживалась на задние ноги, а хозяин дергал ее за поводок. В заднем проходе бедного пса была обнаружена металлическая капсула с важными сведениями». Выпалил я эту историю единым духом. И если поначалу они сделали мне знак помолчать, то в конце заулыбались.

Потом, взяв пояс, сняв с ботинок шнурки, отвели в баню, выдали чистое белье и, наконец, препроводили в одиночку. Шестой этаж был разделен на два. На верхнем были в основном маленькие камеры, на одного-двух заключенных. Моя — четыре шага в ширину и около семи в длину. Стояла железная кровать с матрацем, стол, табуретка, в углу параша. С одной стороны — дверь с глазком и кормушкой, с другой — зарешеченное окно с козырьком. В потолке — яркая лампа, одна стена голая, у другой за крепкой железной сеткой — калорифер парового отопления.

Режим «внутренней» таков: в шесть подъем, уборка камеры, «оправка» — в сопровождении вертухая, взяв парашу, полотенце, мыло, побывать в туалете, — около восьми получить

свою «пайку хлеба», чай. Перед обедом — прогулка — около 20 минут. Обед — баланда, каша; ужин — та же баланда; в 10 (22) часов — спать.

Ложиться следует так, чтобы руки были поверх одеяла, — видимо, были случаи, когда заключенные все же находили способ разрезать на руке вены. Лампа светит прямо в глаза, каждые несколько минут щелкает глазок, и если ты случайно повернулся на живот или накрылся не так — звонкий стук ключом в металлическую дверь будит. Не располагают ко сну и громкие шаги караульного, и вызов соседа на допрос или, вдруг, громкий истошный крик. Один раз кто-то кричал: «Палачи!», другой раз: «Товарищи! Здесь коммунистов бьют!»... Можно только себе представить, как, когда у тебя нервы до предела взвинчены, мучительно проходит ночь. Поэтому днем, сидя на табуретке, я порой ухитрялся заснуть, несмотря на щелканье глазка — более редкое...

Мучительно медленно тянулось время. Никто не вызывал меня на допрос. Я не знал, что это обычный прием для Лубянки — воздействовать на психику.

И вдруг среди ночи громко щелкнул замок, вошли караульные, подняли с постели, спросили фамилию и приказали одеться. На Лубянке заключенный не знает, ведут ли его на допрос, переводят ли в другую камеру, везут ли в другую тюрьму или... Позже, в общей камере, мне рассказали тюремный анекдот. Плохо говорящего по-русски китайца вошедший в камеру вертухай спрашивает: «Фамилия?» — «Джан-Линь-Пю-Шпиона!» — отвечает китаец. Следователь без конца твердил ему: «Ты шпион!» и тот, не понимая этого слова, решил, что так приказано себя называть.

Я одеваюсь и в сопровождении вертухая спускаюсь к выходу, а потом по лестнице, пролеты которой затянуты железной сет-

кой. Борис Савинков покончил жизнь самоубийством, прыгнув именно в этот пролет!

Спустившись вниз, мы зашагали по длинному переходу с нишами в основное здание, потом по коридорам, поднимались по лифту. Я впереди, «руки назад», за мной вертухай. Если вдруг в начале перехода появлялся идущий нам навстречу заключенный в сопровождении вертухая, меня или его резко поворачивали носом к стене.

Вот наконец кабинет следователя, невысокого капитана с усталыми, припухшими глазами и вялым голосом — дело было в том, что Сталин по ночам не спал, и ему могло прийти в голову позвонить Лаврентию Берии, Молотову или Кагановичу. Если не спал Берия, не могли это себе позволить и начальники управлений, не говоря уж о прочих кагебистах. К тому же и допрос разбуженного заключенного среди ночи дает большой результат.

После подробнейших данных о себе, о родителях, бабушках и дедушках следователь предложил рассказать о враждебной деятельности, которую я вел за границей и в Советском Союзе.

Я принялся было рассказывать о своей последней поездке в Париж. О встрече с Гуго Блайхером, Лили Каре, Павлом Ивановичем... Он, сразу перебив меня, повторил вопрос:

— Гражданин Чеботаев! Расскажите о своей вражеской деятельности, которую вы вели против нашего государства! Вопрос ясен?

— Никакой, по сути дела, антисоветской работы против СССР я не проводил. В НТСНП я занимался тем, что собирал материалы о видных деятелях эмиграции.

— Не только эмиграции. Архив с Балканской находится у нас, так что говорите лучше правду!

Допрос продолжался до утра. Кое в чем я признался, кое-что отрицал. На другую ночь все повторилось. Началось сначала и на третью, и на четвертую ночь.

Днем мне не давали уснуть участвовавшие пощелкивания глазка и громкий стук ключом в дверь, а ночь проходила в кабинете следователя, где, сидя на стуле, напрягая память и теряясь в догадках, как ответить на уже в который раз заданный вопрос, чтобы не нарушить логики. Победу, разумеется, одержал опытный капитан госбезопасности. Где-то что-то не совпадало.

Совершенно обалделый от желания спать, я принялся выискивать свои преступления. И рассказал о том, как вызвал меня начальник русского отдела полиции в Белграде Николай Губарев и предложил поехать в Сплит с тем, чтобы сообщать о проплывающих советских судах, которые везут «добровольцев», снаряжение и провиант сражающейся с Франко Красной Испании. Сам я не поехал, но послал члена НТСНП Бржестовского... Это подействовало. «Чеботаев раскололся!»

День я спокойно дремал на своей табуретке, а всю ночь проспал как убитый. После прогулки пришел библиотекарь и спросил, какие книги для чтения мне принести. В тот же вечер меня повели «на допрос» к начальнику 2-го управления полковнику Литкенсу.

Все производило впечатление, начиная с роскошного кабинета, обстановки, самого полковника — красивого, статного, любезного, чуть насмешливого и умного. Он встретил меня на удивление любезно, величал Владимиром Дмитриевичем, угостил настоящим чаем, накормил бутербродами, сунул пачку «Казбека» и после получасовой «задушевной» беседы предложил написать чистосердечно все о своей «контрреволюционной деятельности» в качестве начальника контрразведки в НТСНП в Югославии, Франции, Германии и Советском Союзе. Честно,

без экивоков, поскольку проверить все в данный момент не предоставляет труда.

— Вы, — говорил Литкенс, — ряд лет были членом, и не рядовым, в антисоветской организации, занимающейся террором, шпионажем, распространением клеветнических листовок. Когда вся страна и многие белоэмигранты встали на защиту своей Родины, ваш НТС сотрудничал с фашистами и готовил из военноопленных предателей родины, убийц, диверсантов, шпионов. Состряпал целую идеологическую программу изменнику, бывшему генералу Власову и его своре. Вы, Владимир Дмитриевич, пришли к нам непрошеным с тайной целью проповедовать свой «солидаризм», как это делали тысячи энтеэсовцев с их сателлитами на оккупированной немцами территории. Разве не так?

— Честно говоря, идеология НТС противоположна фашизму, о чем свидетельствует то, что ряд партизанских отрядов НТС вели борьбу с немцами. А я пришел «непрошеным», после того как помог вашему сотруднику Павлу Ивановичу Богрову в Париже, и впоследствии честно воевал — как умел и мог.

— Вы помогли Франции, Сопротивлению и непосредственно «Интералие», которое в результате оказалось в руках немецкого абвера, — не забывайте этого. Вы воевали, были контужены, ранены, это все, разумеется, похвально, но вы нередко высказывали враждебные нашему Союзу мысли, это тоже следует помнить.

Еще когда меня ввели в этот роскошный кабинет, я сразу понял, что на весах моя судьба, и решил твердо отстоять свою жизнь. Особых секретов выдать я не мог, оставалось заинтересовать по-другому.

— Я люблю нашу великую страну всей душой и понимаю, что возврат к капитализму, реставрация ее погубит. Живя

на Западе, я все больше убеждался, что их государственный строй ведет человечество к гибели. Анархия в производстве, в добыче ископаемых; безответственное отношение к вредным отходам, загрязнение рек, воздуха и морей; безжалостная вырубка лесов — напих легких. Поэтому спасти мир от неминуемо надвигающейся катастрофы может только плановое хозяйство, строгое, пусть даже беспощадное. И я горжусь тем, что первыми к этому выводу пришли в нашем государстве партия большевиков и ее вожди...

— Вождь! — поправил меня Литкенс. — Эту теорию, увы, покуда мы еще не можем воплотить в жизнь, поскольку буржуазный мир нам мешает.

— Своей борьбой против фашистов я это доказал и на практике, начиная с того, что привел двух пленных немцев, из которых один был офицером, адъютантом командира полка.

— Если уточнить, то не вы, а отряд, который шел с вами.

— Но этот отряд создал, подготовил и привел я.

— Ваша «подготовка» была довольно любопытной. Геноссе Манке утверждает, что вы довольно резко критиковали советскую власть и некоторых ее вождей. Поэтому, если хотите доказать свою лояльность к советской власти, подумайте, как это сделать.

— Я постараюсь выполнить все ваши предложения.

— Хорошо, сейчас напишите, ничего не тая, о вашей деятельности в НТС. И постарайтесь дать точную характеристику его вожаков.

— Байдалакова, Георгиевского и Вергуна?

— Нет, Байдалакова, Поремского, Околовича, Столыпина...

Чистосердечное признание уменьшит вашу вину.

Сдерживаясь, как бы он не заметил кипящего во мне бешенства, я поглядел на Лубянскую (имени Дзержинского) площадь, процедил:

— Хорошо!

На другой день библиотекарь принес мне книжки, дали дополнительный паек и через день водили в спецбокс, где стояли два удобных стула, стол, на нем чернильница, перо, несколько листов бумаги и коробка спичек. Часа через два приходила милостивая женщина в форме старшего лейтенанта — видимо, секретарь Литкенса, садилась напротив, прочитывала написанное и делала уточнения, предлагая их тут же вносить. Вскоре я заметил, что эти уточнения лили воду на мою мельницу. К примеру, когда я описал свою встречу с начальником русского отдела полиции Белграда Губаревым и он предложил поехать или послать кого-нибудь из членов НТСНП в Сплит, с тем чтобы давать сведения о проплывающих советских кораблях, направляющихся в Испанию, она спросила:

— Предложил или приказал? Он-то не очень с вами считался. Нам известно, что впоследствии он стал одним из помощников Скорцени.

И я тут же поставил слово «предложил» в кавычки.

Она же сообщила мне о том, что генеральный секретарь НТСНП Михаил Александрович Георгиевский сидит в камере неподалеку от меня. Что он объявил голодовку, и его искусственно кормят.

Прошло два месяца. Я закончил свою писанину. И меня перевели на другой этаж в общую камеру. В основном это были, за некоторым исключением, малоинтересные люди: партизаны, власовцы, бандеровцы. Помню мальчика лет четырнадцати, ко мне прилепившегося, кто знает почему. Помню молодого

еврея Александра Сергеевича (?!), читавшего наизусть всего «Евгения Онегина»...

Прошло месяца три... Я кое-чему научился, как, например, общаться с соседями с помощью перестука, как и где дать, кому надо, о себе знать. Понял, что тюрьма — это маленький мир, живущий по своим законам, полный взаимного недоверия, мир опытных, поднаторелых стукачей, политических противников существующего строя и ни в чем не повинных «болтунов» или родичей так называемых врагов народа.

3

Весна в полном разгаре. Светит солнце. 20 минут оно ласкает на прогулке своими теплыми лучами и словно вливает в тебя жизнь, и так не хочется возвращаться в камеру с ее специфическим запахом. Я где-то читал, что туристы, выходя из зала пыток великого мастера Торквемады, чувствуют себя подавленными, даже угнетенными. Как будут чувствовать себя далекие потомки, посещая Лубянку? Кто знает? А надежда не умирает, веришь, что наряду со злом есть и добро.

И вот снова роскошный кабинет, но повыше. В мягком кресле восседает сравнительно молодой генерал, по бокам два полковника. ОСО. Суд?! Примерно те же вопросы, те же выводы. И я осужден по статье 58, пункт А и Б — как изменник Родины, пункт 6 или 8 — как шпион, и пункт 10, как злостный клеветник на советскую власть.

Защищаться, понял я, бесполезно, и все-таки сказал несколько слов. Они со скукой меня выслушали, думая, наверно, о чем-то другом. И заявив: «О приговоре вам сообщат!!» — вызвали караульного.

Я шел и думал, что этих безразличных роботов можно пробудить только тем, чтобы они выполняли и обязанности палачей.

Дня через три меня перевели в Бутырскую тюрьму, в одиночку Пугачевской башни, куда обычно сажают смертников. А спустя недели две или три предложили подписать приговор и просьбу о помиловании.

Режим в Бутырках менее педантичный, и камеры побольше, и библиотека богаче. Она создавалась давно, еще с царских времен, когда революционеры могли покупать книги разных политических взглядов и направлений, не говоря о художественной литературе. Все это оседало после их отбытия в анналах библиотеки, никем не проверенное.

Пришла и маленькая радость. По утрам на козырек моего окна усаживалась ласточка и, глядя на меня, как мне казалось, о чем-то щебетала... Взлетала и садилась снова, словно приглашала: «Полетим!» С тех пор я с нежностью отношусь к пичужкам.

Человек рожден, чтобы жить. Жизнь — смена впечатлений, переживаний, действий. Что остается ему, когда, попав в одиночку, среди мертвых стен он видит сквозь зарешеченное окно с козырьком маленький квадрат неба? Хорошо, если ему посчастливится, как мне, с такой редкой в большом городе ласточкой или мышонком... Мудрая природа компенсирует по ночам: красочные, необыкновенные сны! В каких садах, лесах, горах я ни побывал! Каких дворцов, замков, теремов ни перевидал! С какими красавицами ни общался!..

В ту ночь мне приснился храм Христа Спасителя. Будто я лицеист, но почему-то взрослый, иду в паре с Катковым Иваном, таким, каким я видел его в Париже, и говорю ему: «А говорили,

будто его Каганович разрушил!» А он отвечает: «Стоит и будет вовеки стоять!» — хлопает, по привычке, меня по плечу.

Из глубокого сна я просыпаюсь и чувствую, что меня хлопают по плечу. Открываю глаза — караульный.

— Вставай! Одевайся! Выходи!

«Неужто в последний путь? Недаром собор снился!» — подумал я, шагая по коридору. Такие же мысли блуждали в моем приглушенном сознании, когда усадили в «воронок», когда, выходя из него, узнал знакомый вход во «внутреннюю»... Повели в бокс на первом этаже. Спустя несколько минут явился парикмахер и, к удивлению, не постриг наголо, а подстриг и побрил безопасной бритвой. А у меня тем временем наступила реакция, я понял, что «до смерти НЕ четыре шага!»

Через час я входил в кабинет Литкенса, который встретил меня со своей неизменной улыбкой-усмешкой, заметив:

— Садитесь! Что это вы так поседели? Не надо так переживать. Вас присудили к пятнадцати годам концлагеря. Но если честно нам поможете, освободим гораздо раньше.

Я понял, что это ультиматум, и тут же согласился.

— Хорошо! Сейчас выпейте стакан крепкого чая, поешьте и подумайте, что вы можете предложить... интересное?.. Обсудим и пойдем наверх! — Литкенс ткнул большим пальцем в потолок.

— Как первый шаг, нужно написать письмо Байдалакову и, в зависимости от ответа, действовать дальше.

— А не Околовичу? Впрочем, вы правы.

Обсудив детали, полковник встал, и мы вдвоем, без караульного, вышли в коридор, поднялись на верхний этаж и вошли в приемную, где нас встретил секретарь — капитан госбезопасности.

— Мы пришли! — бросил поднявшемуся капитану Литкенс.

— Вас ждут, товарищ полковник! А вы, — обратился капитан ко мне, — вы посидите.

Спустя несколько минут я входил в огромный и богатый кабинет Абакумова. Генерал был красив, седоватые выющиеся волосы, правильный восточный профиль, холодные, умные глаза, спокойные уверенные жесты... Все производило впечатление, даже подавляло.

Я вошел, щелкнул каблуками, поклонился и скромно присел на предложенный стул. Разговор наш длился не более пяти минут, может быть, и больше, но он напрочь вычеркнут из моей памяти. До того в жизни приходилось встречаться с властью имущими: допрашивал начальник полиции Белграда, беседовал с генералом Врангелем, с атаманом Войска Донского Богаевским, митрополитом Антонием — все помню, а о чем конкретно говорил Абакумов и что отвечал я, — забыл напрочь. Вероятно, действовал шок возвращения к жизни готовящегося к смерти человека...

И снова шестой этаж «внутренней», только не верхний отдел, а нижний. Привели в просторную камеру на шесть человек, верней, на шесть коек. Встретил меня худощавый, среднего роста брюнет, оказавшийся немцем.

Когда он заговорил, робко поглядывая на меня, по-немецки и я ответил, его радости, казалось, не было конца; и удивлению, когда я сказал, что русский.

Немец оказался молодым ученым, профессором, занимавшимся вопросами расщепления атома. Верней, подходами к его расщеплению. Неподалеку от Берлина, в его предместье Кёпенинге, был построен самый большой в мире тех времен циклотрон. Эксперименты проводились с облучением мухи

под названием дрозofiла. Ее то окрашивали в другой цвет, то делали разноцветной, то отнимали или прибавляли крылья, ноги. Это были, конечно, первые шаги.

— Месяца через два после занятия Берлина советскими войсками ко мне в дом явились двое военных и двое штатских. Один из них довольно прилично говорил по-немецки. Это был переводчик. Он сказал, что принято решение перевезти циклотрон, в счет репарации, в Советский Союз. «А вам придется поехать с нами с тем, чтобы, восстановив циклотрон, пустить его в ход. После чего вас отпустят обратно в Германию», — немец опасно поглядел на щелкнувший глазок и с кислой улыбкой продолжал:

— Я запротестовал, но когда переводчик им об этом сказал, увидев их снисходительные улыбки, понял, что меня никто не спрашивает. Пришлось собрать вещички, распрощаться с женой и детьми и поехать с ними. Сначала в Кёпенинг. Господи! Что я увидел? — он всплеснул руками И горячо выпалил:

— Можете себе представить, эти, извините, варвары выпустили в канализацию драгоценнейшие масла!!! — он протянул чуть ли не по буквам эти «масла». — А ведь мы немало трудились над их кондицией. Ведь для циклотрона важна прежде всего быстрота!..

Щелкнул замок, и вертухай пригласил нас на прогулку. Вернувшись, немец продолжил свой трагикомичный рассказ.

— ...Через несколько дней под моим наблюдением циклотрон в разобранном виде был погружен в товарные вагоны и площадки нашими рабочими, а еще через несколько дней мы отправились в путь. Неподалеку от Москвы наш состав поставили на запасный путь и стали разгружать, верней, выбрасывать всю аппаратуру, несмотря на мои протесты, прямо на землю, в грязь. Но зато решетку, полагаю, с церковной ограды, взятую, конечно,

тоже «по репарации», для дачи ехавшего с нами генерала, осторожно сняли, погрузили в трехтонку и увезли... — профессор поглядел на меня и чуть не плача закончил свой рассказ:

— И вот теперь я стараюсь убедить начальников вашего ГПУ, что я ничего сделать не могу, что циклотрон фактически погиб, что надо многое восстанавливать, а для этого нужны мастера, техника и так далее, а они называют меня саботажником...

Шли дни. Нас словно забыли, да и соседей не вызывали на допрос, во всяком случае замками не гремели по ночам. Позже я узнал причину этой «паузы». Профессор оказался интересным человеком, и весьма разговорчивым. Каких тем мы только ни касались! Он например, старался доказать, что человечество стоит накануне своего вырождения. Признаки этого вырождения особенно заметны у древних народов, сохранивших свое начало, и в качестве примера, приводил, конечно, евреев. У них, говорил он, тело все больше обрастает волосами, похожими на шерсть, на животе появляются соски, удлиняется нижняя часть лица, одним словом, они все больше начинают походить на обезьян, не на мудрого человека, а на хитрую обезьяну!

О наследственности можно толковать по-разному, как и о «чистой» расе или вырождении. Но я понял, что «мутации» можно производить не только с мухой дрозофилой, но и с человеком.

Но вот в неуточное время загремел замок, и к нам в камеру ввели двух немцев. Первый вошедший был высок, худощав, красив. В нем сказывалась порода. С первых же произнесенных фраз улавливалось благородное происхождение, врожденная воспитанность. Он оценивающе поглядел на профессора и отвел глаза, потом на меня. И спросил почему-то по-французски:

— Можно мне рядом с вами?

— Силь ву плэ! — растерянно ответил я.

— Маршал фон Биберштейн! — представился он, протянул руку, и шаркнул ногой.

Я тоже представился, подумав: «Какая птица к нам пожаловала?» А тем временем ко мне подошел другой. Это был, видимо, еще недавно толстый, а сейчас какой-то обрюзгший, спавший с лица и тела, обросший седой щетиной старик среднего роста, и тоже протянул мне руку:

— Бисмарк! — и поглядел на меня своими серыми, уже слегка водянистыми глазами, ожидая, видимо, какое впечатление произведет на меня сказанная фамилия.

— Неужто сын великого канцлера? — уставясь на него с недоумением, спросил я.

— Натюрлик!* — самодовольно улыбнулся он и погладил свой полулысый череп. — Я был послем Третьего рейха в Великобритании, пробирался в американскую зону и был задержан русскими. Им, я понимаю, интересно узнать многое, я готов, но уж очень скверно кормят, — он сделал гримасу, изобразив отвращение, — суп, ба-ля-нь-дя, как вы ее называете, просто страшный, а у меня язва желудка.

— Полагаю, русских военнопленных не кормили даже так, господин Бисмарк.

— Так что мы это заслужили, — заметил Маршал.

Мы пробыли все в этой камере месяца два, и надо сказать, что сын великого канцлера переменил свое мнение о баланде. И однажды начал уверять, что полуголодный паек, однообразная пища, неизменная каша и рыбный «суп» (хамса и редко треска с капустой) хорошо действуют на его желудок, и он не чувствует прежних болей. За это время в камеру привели военнопленных азербайджанцев. Они, по их словам, были «насильственно» за-

* Разумеется (нем.).

сланы фашистами во время войны для диверсий. Так по крайней мере они мне рассказали. А когда я передал их легенду немцам, Бисмарк скептически бросил: «Вранье!» — и, не заметив их налитые злобой глаза, продолжал:

— Надо отдать должное Канарису, как умелому организатору «пятых колонн», представлявших собой крепко сбитый, связанный шпионажем, диверсией тайный фронт. Тому доказательство — молниеносный разгром Франции, Югославии.

Азербайджанцы кинулись к Бисмарку с явным намерением его ударить. Ни мгновения не раздумывая, я заступился за старика. Стычка была молниеносной и окончилась не в их пользу. И уже сидя на своей постели и поглаживая шею, один из них с укором заметил:

— За фашиста заступаешься!

— Нет, за пожилого, больного человека! А рассказывает он интересные вещи. Не вмешивайтесь! Ясно? — И уже обратился к Бисмарку: — Я жил в Югославии, и мне очень интересно бы вас послушать, как работала разведка рейха там.

— Знаете... — замялся Бисмарк, — разведка — дело весьма сложное. В нее людей привлекают разные мотивы: любовь к Родине, ненависть к врагу, желание сделать карьеру, склонность к авантюризму, а чаще всего деньги!

В каждом государстве их несколько, не говоря уж о войсковой: наземной, воздушной, морской или подслушивания телефонных разговоров, почтовой цензуры, перехвата и расшифровки радиодонесений, наконец, дипломатических источников. Наряду с ней существует и контрразведка! А трюки с одной и другой стороны самые неожиданные. Так, скажем, в Англию доставлялась нанятыми курьерами нейтральных стран обычная одежда, пропитанная симпатическими чернилами. Или на обратную сторону почтовой марки обычной открытки наносилась

микроскопическая пленка. Сложность заключается в другом, и это главное, — как проверить информацию, полученную зачастую из сомнительного источника? Осведомитель мог ошибиться, быть обманут. Иногда дезинформация оказывалась настолько удачной, что вводила в заблуждение либо приводила к недоверию. Достаточно вспомнить дядю Джо и того же Косича, начальника Генштаба Югославии. Подробностей я не знаю, — и он посмотрел на Биберштейна.

Маршал, перейдя на французский, начал свой рассказ:

— Двадцать седьмого марта тысяча девятьсот сорок первого года, около девяти утра, Гитлер вышел из ванной. Его ждал адъютант, полковник Шмунт, со срочной телеграммой: «Мой фюрер, важное сообщение от “Веры”!»

Просматривая написанное, Гитлер покраснел от бешенства. Не осведомительная служба рейха, а тайная шпионская организация, работавшая в Югославии, о которой знали только наверху, сообщала, что на заре произошел военный переворот, сброшено правительство Цветковича—Мачека... В тот же вечер в рейхсканцелярии был собран военный совет. Был приглашен генерал-полковник Фридрих фон Паулюс, впоследствии маршал и командир Шестой армии, уничтоженной под Сталинградом. Ему была вручена «Директива 25», впоследствии получившая название «Подножка (подхват) 25». Начальник Генштаба в присутствии фюрера заявил Паулюсу о решении Гитлера «разгромить Югославию, несмотря на все уверения Белграда». Генералу приказано отправиться специальным поездом в Вену, встретиться с фельдмаршалом Листом, командующим Двенадцатой армией, расквартированной в Болгарии и частично в Румынии, с генералом фон Клейстом, командующим Первой бронетанковой армией, и полковником Вицлебенем, начальником штаба Второй армии, части которой дислоцированы в Австрии и Венгрии, с

тем чтобы устно передать весьма важные данные. А затем из Вены полететь в Будапешт...

Щелкнула кормушка, принесли обед.

После баланды и каши по моей просьбе он продолжил свой интересный рассказ:

— В Будапеште Паулос должен был дожидаться Канариса, с тем чтобы встретиться с фельдмаршалом Листом и рассказать ему последние данные разведки, в том числе и сведения, полученные от «Веры». Югославия дислоцировала на границе Болгарии четыре пехотных дивизии, а Двенадцатая армия Листа состояла из девятнадцати дивизий, из которых пять бронетанковых... На другой день, вечером, в посольстве Третьего рейха в Софии состоялся прием в честь фельдмаршала фон Браухича. Среди приглашенных были майор Генерального штаба Николов, выполнявший роль связного между Двенадцатой армией и болгарским Генштабом, с ним пришла и очаровательная жена, госпожа Николова. Настолько очаровательная, что даже сдержанный фельдмаршал Лист любезничал и ухаживал... На другой день, когда ее муж вернулся с Листом в Чакой, где находился штаб, красавица Николова отправилась на свидание к своему любовнику, помощнику военного атташе Югославии. Она работала не за деньги, даже если бы и хотела. Для работы в Болгарии Югославией отпускалась мизерная сумма в 300 000 левов, которая иногда мала и для одной серьезной информации. Она любила! — фон Биберштейн сделал паузу, собираясь с мыслями, а может быть, раздумывая, стоит ли этим людям все говорить. И, поглядев на меня, улыбнулся, спросив:

— Вам интересно, мой молодой ученый?

— Очень!

— Сведения, полученные от любовницы, он отправил во Второй отдел Генштаба, полковнику секретной службы Улеше

Поповичу. Сообщение взволновало, оно подтверждало наличие плана «Резерват 1830». И в самом деле, подобное случается раз в жизни! И если еще могло вызвать какие-то сомнения письмо из Болгарии, поскольку их осведомительная служба не располагала ни средствами, ни людьми, чтобы поймать такой улов, то это подтверждал прибывший горный инженер Роберт Летрбич, шеф Интеллидженс сервис на Балканах, передавший полностью отработанный и утвержденный план «Резерват» еще в декабре сорокового года. В его задачу входили тайная концентрация сил и молниеносная акция против Югославии и Греции. Знание содержания плана давало возможность в какой-то степени отразить первые удары. Дата нападения была назначена на пятое апреля. Когда доложили об этом начальнику Генштаба генералу Косичу, тот, желая прикрыть свой испуг, назвал план «фантазией», хотя, как, видимо, заметил Попович, генерал побледнел. Пытался его убедить и начальник Второго отдела. Но ставленник недавно свергнутого принца Павла и сторонник пакта с Гитлером и Муссолини упорно твердил, что это «чистейший обман». И не удивительно: воспитатель малолетнего короля Петра был завербованный агент абвера!..

— Да не может быть?! — воскликнул я громко. И почти в ту же минуту караульный щелкнул глазком и постучал ключом в дверь: «Тише!»

— Так, — продолжал Маршал фон Биберштейн, — Югославия подписала себе смертный приговор.

— А откуда, каким образом англичане узнали о плане? — заинтересовался я.

— После двадцать седьмого марта, не зная, что план переписали некоторые штабные офицеры, в том числе и те, кто работал, в силу своих антинацистских убеждений, на британскую разведку. Верховный штаб его только слегка дополнил. Некие

генералы под кличкой Фриц «Т» и Рудольф «Г» (имена их так и остались в тайне), состояли в «оберкоманде вермахта»... — Маршал развел руками, как бы извиняясь. — По некоторым данным, в мае тридцать девятого года они тайно встретились со своим старым фронтовым другом капитаном Генерального штаба кайзеровской Германии Рудольфом Реслером, бежавшим в Швейцарию и занимавшимся изданием антинацистской газеты в Люцерне. Они передали ему тайную радиостанцию и шифры. И таким образом зашифрованные радиотелеграммы радиостанций вермахта Реслер перехватывал. И передавал британской и французской осведомительным службам. Кстати, тогда же он познакомился и стал сотрудничать с полковником советской разведки, шефом службы в Швейцарии, неким Александром. Кличка его была «Радо», а Реслера — «Люси».

Они знали точную дату нападения на Польшу, вторжения в Норвегию. Раздобыли содержание «Желтого плана» — молниеносного удара по Голландии, Бельгии и Франции. Сообщили они и о готовящемся нападении двадцать второго июня (число было передвинуто в связи с войной с Югославией)... Но Сталин не поверил ни «Люси», ни своему «Радо»... И это стоило России многих миллионов жертв, не говоря о технике, боеприпасах, самолетах и, конечно, моральном ущербе.

— Вы упомянули, что Гитлер получил шифровку, как я понимаю, от некой «Веры». Кто это был?

— Мой молодой ученый! — Он почему-то так меня называл. — Дело это темное, тут могут быть варианты. Скорей всего, это радиостанция. Главная для Югославии находилась в городе Нови Сад и называлась «Нора». Белградская — «Базель» — находилась в доме начальника полиции Драгомира Йовановича и была непосредственно связана с центральной «Верой», в Вене.

— А речь идет не о Вере Пешич? — вмешался Бисмарк.

Маршал удивленно посмотрел на бывшего немецкого посла в Лондоне и развел руками:

— Нет, нет! Эта способная, весьма красивая, ловкая авантюристка сначала была агентом Интеллидженс сервис. Скомпрометировать, купить, обмануть — девиз всех разведок мира. О Вере Пешич знала югославская контрразведка, но смотрела на работу шпионки дружественной державы сквозь пальцы. Пронюхал о том и шеф Шестого отдела РСХА в Югославии Франц Нойхаузен и поручил недавно прибывшему в Белград майору гестапо Карлу Краусу Лоту, под маской инженера-химика из Братиславы, завербовать эту женщину. Мужчина он был красивый, пожалуй, даже обаятельный, и нравился женщинам. Риск был немалый, Вера Пешич могла согласиться на «сотрудничество» и с согласия англичан.

Бисмарк громко крикнул, поднялся с моей кровати и, что-то буркнув себе под нос, уселся на свою. Видимо, хотел высказать свое недовольство: как это может статс-секретарь МИДа Рейха называть фамилии немецких разведчиков? Но Маршал только улыбнулся и продолжал:

— Шефом службы Абвер II в Белграде был майор Эрик Ласер фон Гольдхам. По строгому распоряжению Канариса абвер ни в коем случае не должен был вмешиваться в работу РСХА. «Кикер» считал глупостью помогать этой «кучке аматеров», а те в свою очередь всячески сторонились абвера, полагая, что среди них есть британские разведчики. И получилось так: куда Краус обхаживал и вербовал Веру Пешич, майор Эрих Ласер нашел подход к Драгомиру Йовановичу... — Маршал задумчиво покачал головой и заговорил дальше.

— История это давняя. В тысяча девятьсот тридцать шестом году, на «Полицейской конференции» в Берлине, ор-

ганизованной гестапо, пронемецки настроенный Драгомир Йованович был завербован Шестым отделом РСХА и с тех пор давал весьма ценные сведения. И вдруг, в тридцать девятом, внезапный политический ход принца Павла застал врасплох. Хитрый наместник престола чехардой состава кабинета министров добился своего. Был снят со своего поста Милан Стоядинович, его председатель и вождь радикальной партии. Пришедший к власти новый премьер Драгиша Цветкович тут же поставил своих людей. Йованович, уже на следующий день был переведен «советником» в Министерство внутренних дел... и... Шестой отдел РСХА перестал им интересоваться. Это был первый неожиданный удар, «аматерам». Не растерялся зато майор Ласлер, шеф абвера в Белграде, решив, что он окажется и на этом посту весьма полезным и не ошибся... Примерно в это же время министр иностранных дел Цинцар Маркович бы тайно послан в Венецию на встречу с графом Чиано и Риббентропом для подготовки приезда принца Павла в Берлин. Зная об этом, РСХА осмелела и почти перестала стесняться. И тут югославская контрразведка, поняв слишком серьезно свои обязанности, арестовала Веру Пешич, как двойного агента, а по настоящему агента РСХА. Можно было не сомневаться, что тут не обошлось без Интеллидженс сервис. Под угрозой оказались все разведывательные службы рейха. Представляете себе! И все это происходило фактически накануне встречи принца Павла с фюрером.

Я слушал его и думал, — «какая осведомленность и как все помнит? И для чего он все это так подробно, вроде бы не утаивая, рассказывает? Преследует какую-то цель, или это — присущая человеку потребность избавиться от тяготеющих душу и мозг тайн. Недаром в свое время меня поучал Околович: “Если тебя мучит тайна, пойди в поле, вырой ямочку и расскажи все”, — к

тому же и психика тут, под давлением следователей нарушена. Я ведь тоже много лишнего выболтал. Даже написал!!!»

А Маршалль тем временем продолжал свой рассказ:

— Франц Нойхаузен неистовствовал. Понимая что победа за англичанами. Приняв арест Веры Пешич за пощечину, он решил действовать. А югославская контрразведка не удовлетворилась арестом любовницы Карла Крауса и занялась охотой за самим майором, который исчез. Не зная, что он весьма удобно устроился в отлично замаскированном подвальном помещении здания посольства; с налаженной вентиляцией, запасом продуктов и напитков и даже вмонтированной тайной радиостанцией. Согласно ранее разработанному плану, значительная часть сотрудников из абвера и гестапо с минуты на минуту после объявления войны должны были «исчезнуть» в этих погребах.

— Неужели их не обнаружили? — поинтересовался я. — Впрочем, война-то длилась всего несколько дней!

— Да, конечно. Так вот, допрос Веры Пешич не отличался нежностью. Она призналась во всем, и когда общественность ждала, что она получит заслуженную кару и отправится на виселицу, ее, извинившись, освободили. Кстати, это был последний демарш нашего посла Виктора фон-Херена, перед тем как второго апреля покинуть Белград. Князь Павел, перед встречей, хотел показать Гитлеру свое расположение к нему и Третьему рейху. Вызвав своего ставленника Председателя Совета министров Цветковича, он набросился на него со словами: «Вы не знаете, мой дорогой, что вытворяет у вас под носом полиция!»... Шпионка была тут же освобождена, но после «допросов» до того изменилась, что следовало бы уже изменять ее «внешние приметы». И она тут же уехала на лечение в Вену.

— И какова ее дальнейшая судьба? — поинтересовался, слушая рассказ Маршалля, Бисмарк.

— Она, глупенькая, не успокоилась, вернулась в оккупированный Белград и нашла трагическую смерть от рук сербских партизан, кажется. Такова история этой женщины. — Маршал фон Биберштейн умолк.

4

Шли дни, благодаря общительному и полюбившемуся мне Маршалу раскрывались многие тайны. Его отец был статс-секретарь Министерства иностранных дел кайзеровской Германии, потом с девяносто седьмого года послом в Константинополе. Он многое рассказывал сыну. В то время Стамбул был неким центром шпионажа. Однажды о свергнутом младотурками султানে Абдул-Хамиде, которого Ленин называл вторым Николаем II, на мои расспросы отвечал неохотно... но все-таки намекнул, что убийства того и другого — одна цепь... иудомасоны...

И вот как-то вечером загремел засов и меня вызвали наконец на допрос.

Я не знал, что за это время в КГБ произошли большие перемены. Были освобождены от своих должностей почти все евреи!.. Вертухай повел меня на другой этаж. За столом в кабинете, просторном, хорошо обставленном, но не роскошном, как у Абакумова или Литкенса, в кресле сидел смуглый кавказец, полковник госбезопасности; в его черных больших глазах, внимательно на меня устремленных, сквозило любопытство. Он жестом указал на стул, провел рукой по своим волнистым волосам и, улыбнувшись, сказал:

— Зовут меня Юрий Аполлонович! — и кивнул в сторону сидящего в стороне майора. — А это ваш следователь Борис Григорьевич!

Это был настоящий русак, плотный, блондин, с чуть расплывшимся овалом лица, с обещающим стать мясистым, сейчас еще прямым носом, толстоватыми губами, высоким лбом и серовато-голубыми глазами, в которых я прочел страдание... В нем все говорило о стабильности, внутренней порядочности, решительности, потому что разум его подчиняется сердцу...

— Вы дали согласие, — продолжал полковник, — честно с нами сотрудничать в поимке и разоблачении диверсантов из НТС, ныне работающих на английскую разведку. Начнем с письма Байдалакову. Во Франкфурт едет фотокорреспондент, ваш добрый знакомый по вологодскому госпиталю, и постарается передать ему в руки ваше письмо. Тем не менее в нем не должно быть ни слова о вашей «деятельности», ни обратного адреса, никакой политики. Вас интересуют сугубо личное: родные, близкие и, наконец, они сами.

«Сейчас решается моя судьба! И это, Владимир, зависит только от тебя! Отказывайся — и тогда ждет тебя смерть, или юли, выкручивайся, будь и вашим и нашим — и тебя ждет духовная смерть, или?...»

Словно подслушав мои мысли, полковник продолжал:

— Подумайте, что и как написать, чтобы не вызвать подозрения. Кратко, в выдержанном тоне, о происшедшем с вами здесь, войне, контузии, вологодском госпитале, как подружился с рядом лиц, не указывая ни фамилий, ни адресов. Предоставить инициативу должно им. Николай Андреевич, надеюсь, постарается привезти ответ на ваше письмо.

Майор отвел меня в соседний кабинет, усадил за стол и положил передо мной лист писчей бумаги. Я сложил его вдвое, вкратце написал о себе и потом попросил разузнать о судьбе матери, о сыне, сестре и брате и, наконец, называя их по име-

нам, передал приветы Околовичу, Поремскому, Столыпину и Ольгскому.

Согласно договоренности, перешедший границу и вдруг попавший в лапы КГБ энтеэсовец должен идти на любую сделку. Союз постарается ему помочь. Для этого на второй странице письма, если оно не написано под диктовку, следует перечеркнуть слово или исправить букву. Тут Околович допустил грубую ошибку — установка касалась всех. У него не хватило фантазии в то время придумать «индивидуальный ход», будь то, скажем, знак препинания, поставленный невпопад, ошибка в слове, абзаце, и так далее. Я понимал, что сейчас, после ареста многих энтеэсовцев, перешедших границу до войны, оставшихся в пределах Союза после отступления немцев и взятых в Германии, Австрии, Венгрии, в Лимитрофах и на Балканах, начиная с самого генсека Георгиевского, КГБ все это известно, сознавал, понимал: такой экивок может кончиться катастрофой, и все-таки что-то заставило меня пойти, как мне казалось, на хитрость. И в условленном месте, ничего не зачеркнув, букву «а» я написал как «и», а потом надел на нее «шапку».

Прочитав, майор, не заметив, видимо, исправления, уставился на меня и спросил:

— Значит, вы считаете, в таком виде можно письмо передавать. Вы ничего не забыли?

— Все, о чем мы говорили, вроде написано, к тому же это черновик! — Я понял, что речь идет о пометке.

Борис Григорьевич еще раз пробежался глазами по тексту и, заметив исправленное «и», облегченно вздохнул и улыбнулся. Потом ткнув концом ручки на «шапку», сказал:

— Вы считаете это достаточным?

— Конечно! Байдалаков будет разглядывать письмо со всех сторон, постарается снять и отпечатки пальцев, изучит и бума-

гу, и чернила. Время у них на это есть, найдутся и специалисты. — А про себя подумал: «Хоть я и считаю основную массу энтеэсовцев людьми заблудшими и вроде меня обманутыми, хоть и считаю вместе с вами, что Россия шла не по тому пути, но теперь-то она с него сворачивает! Уже потихоньку начинает отделяться от евреев... А вы свернули в другую сторону, пошли на предательство! И все-таки судить вас не собираюсь. Но свои ошибки как-то исправлять вам придется, если осталась хоть капля совести. Должны вы понять и меня!»

— Мы ничем не рискуем, если сделаем исправление более четко, — заметил майор, поглядев вопросительно на меня.

— Пожалуйста! Однако, сами понимаете, если вам известны тайные условия переписки НТС, то почему бы не предположить, что английской разведке известно, что вы об этом знаете? Там меня считают человеком осторожным и не совсем уж глупым. Я должен понимать, что упорные исправления на второй странице и второй строчке вызывают подозрение.

Он кивнул головой. И вскоре я снова очутился в камере.

Лежа на своей койке, я про себя поблагодарил Господа, что продлил мои дни, потом начались сомнения, правильно ли я поступил. Достойно ли? Так, в мучительных сомнениях, миновала ночь. А на другой день меня снова вызвали на допрос к майору Ефременко. Он начал с вопроса:

— Любите ли вы Родину?

— Всем сердцем! — ответил я.

— Вы понимаете, что сейчас, после такой страшной, кровавой войны, в которой погибли миллионы лучших людей, ей очень трудно? Вернувшиеся с поля боя отвыкли от физического труда и научились за эти годы играть с огнем: убивать и знать, что каждую минуту могут быть убитыми. Поэтому, сами понимаете, в стране, особенно в городах, участились грабежи,

убийства. На днях предпринята акция: переодевшись в женские платья, верней шубы, добрая сотня наших товарищей отправилась ночью, в сопровождении «кавалеров», прогуляться по Москве. По грабителям было приказано стрелять, в результате было ликвидировано несколько десятков бандитов. Такие акции будут проводиться и впредь... Но речь не о том. Как во время войны, так покуда и сейчас, вся тяжесть работы в поле, на заводах и фабриках лежит на женщине. Вместо того чтобы блюсти домашний очаг, воспитывать детей, любить, наслаждаться жизнью, она обречена на безбрачие и тяжелый беспросветный труд!.. А что делать? Надо восстанавливать разоренную страну, в разрушении которой, кстати, принимали участие и ваши товарищи. Сейчас, отметнувшись от немцев, они, спасая шкуры, переметнулись к англичанам. Вы интеллигентный человек, сами знаете, к нашим исконным врагам. С тем чтобы, прикрываясь желанием проповедовать русскому народу теорию солидаризма, по сути дела, вести шпионаж. В общем, идет борьба не столько двух систем, сколько стремление превратить нашу богатую недрами, лесами и всем прочим страну, одну шестую часть суши, с ее населением, в колонию. Перед вами дилемма — отказаться от своего прошлого или предать Родину. Вы поступили честно, пусть совесть вас не мучит... Понимаю, в вас протестует старое, и вы поймите — отжившее: происхождение, воспитание, сложившиеся убеждения о чести, достоинстве и многое другое. Вы человек неглупый, способный, и от вас зависит еще многое сделать для вашей новой социалистической Родины.

Разговор был долгий, задушевный. Я почувствовал в нем не ход следователя, а отклик на зов израненной души.

Шли дни, я все больше сближался с Маршалом. Как истинный аристократ, он недолюбливал Гитлера и считал, что идея национал-социализма, переделанная на современный лад

по древней Библии — мечта многих народов стать избранным — главенствующим на протяжении всей истории, начиная с Вавилона, Египта, Древнего Рима и кончая Великобританией, Германией, «горемычной моей Родиной!»

— Я убежден, что человечество с его политикой, хозяйством, промышленностью, техникой и, главное, бездумным отношением к Природе-матери, приближается к своей гибели. Земли баронов фон Биберштейнов в Вюртенберге в прошлом веке давали богатые урожаи. Их рейнские вина не уступали многим французским и даже испанским. Сейчас все изменилось, начиная с самих людей, которые становятся все беспринципней и гаже.

— Царит мать всех пороков — ложь! — заметил я.

— В начале войны наши экономисты советовали фюреру не распускать колхозы, стараясь доказать, что мир должен перейти к плановому хозяйству. Дескать, и дураку ясно, что свободный предприниматель блюдет только свои интересы, а на окружающих людей и среду ему наплевать, и какие угодно ограничивающие его законы тут мало помогут. Поэтому в России, на оккупированной территории, были оставлены колхозы...

— Полагаю, что они были оставлены по другим соображениям: проще было отбирать хлеб!

— Россия когда-то дружила с кайзеровской Германией и крепко, по-соседски была с ней связана. Война четырнадцатого года, сами знаете, была спровоцирована другими силами. Потом, увы, началась вторая. Однако многие наши интеллигенты носились с мыслью, с одной стороны, повлиять на фюрера, а с другой — расположить к себе русского человека и доказать ему, что война идет ради его освобождения от власти узурпаторов, помочь ему осознать свою русскую принадлежность, что он

должен стать членом европейской семьи народов, под руководством Великой Германии, которая предоставит ему счастливую долю. А сверхзадачей эти люди видели склонить в сторону рейха весь Восток, с тем чтобы обобщить интересы. Кстати, такая тенденция высказывалась и среди русской эмиграции. В Берлине была выпущена и переведена на немецкий язык довольно интересная книга бывшего вашего государственного деятеля Шульгина, под названием «Три столицы». Подразумевались Берлин, Москва, Токио...

Темы наших бесед были разные, порой самые неожиданные. Маршал фон Биберштейн не только отлично знал политическую кухню Европы и всего цивилизованного мира, но неплохо разбирался в тайных пружинах, нередко действующих вопреки всему. Бисмарк, менее разговорчивый, отлично разбирался в делах Великобритании, а профессор довольно понятно растолковывал нам о будущем, что ждет человечество после расщепления атома. Все они были интереснейшие люди, и я черпал ковшом знания. Так проходили в камере «внутренней» тюрьмы «мой университет». Тем более к тому времени у меня угасало постоянное чувство щемящего голода: меня усиленно подкармливали. И, глядя на голодных сокамерников, делился с ними пайком. И вдруг — во «внутренней» все происходило «вдруг!» — Маршала вызвали на «допрос», а спустя минуту вновь щелкнул замок и вертухай приказал: «Соберите его вещи!» Так навсегда я расстался с умным, добрым, благороднейшим человеком. Сунув на прощание в его «вещи» свой хлеб и несколько кусков скопленного сахара, я протянул все тюремщику.

Какова судьба этого высокопорядочного человека? Погиб ли он в концлагере или вернулся в свое поместье???

А спустя несколько дней меня вызвали к Меритукову.

Полковник протянул мне вырезку из письма, написанного знакомым почерком, и спросил:

— Узнаёте?

— Байдалаков! — пробормотал я и принялся читать (этот клочок бумаги хранится у меня и поныне!).

«...Теперь о самом тяжелом. Ты мужчина. — Павлика в живых нет. Он умер полгода тому назад в том же городе, где ты его оставил. Об этом написала Нюся оттуда, которая сначала болела, но ныне совсем здорова. Мама с сестрой и братом выехали и благополучны. Можешь написать им — я перешлю. Умер же Павлик от последствий войны, как писала Нюся»...

Прочитав, я уставился в окно. Мелькнула мысль: «Ты убил собственного сына! Он остался бы жив, если бы не понесло тебя сначала в Париж, потом в Берлин и, наконец, сюда! Ты целиком заслужил все это!»

А полковник, подойдя ко мне, взял за плечо и с какой-то задушевностью в голосе сказал:

— Понимаю, тяжело! Крепитесь! Выпейте чаю, закурите, потом вас отведут в другую камеру, и будем вас готовить. Надо обрести более благообразный вид...

5

И снова верхний шестой этаж, одиночка. Я бросился на койку и долго плакал. Теснились, скрещиваясь, душевные переживания и тоска по прошлому, и любовь к сыну, и чувства долга перед Родиной, самосохранения, и надежда на близкую свободу, такую желанную... Вклинились и досада на бесплодно прожитую жизнь, на глупое согласие вступить в НТСНП, и угрызения совести, что в какой-то мере предаю бывших товарищей.

Меня не трогали несколько дней. И вдруг повели к парикмахеру. Он подстриг меня, побрил и даже припудрил «Рошелью»

лицо. И я снова у полковника Меритукова. В кабинете ждали меня также майор Ефременко и мой добрый знакомый по вологодскому госпиталю Миша Клебанов. Полковник и майор впервые поздоровались со мной за руку, а Миша меня крепко обнял со словами:

— Ты куда, Иван, запропастился? Меня сейчас отправляют в командировку во Францию... Ты что, из Вологды приехал?

Я подумал: «Кто знает, может, ему и не сказали, что я во «внутренней»? Зачем было нужно меня брить, подстригать? Они любят наводить тень на плетень!» — и, крепко пожимая ему руку, промямлил, глядя на полковника:

— Только вчера приехал! — и понял, по кивку головы Меритукова, что попал в точку.

И снова пошла речь о письме к Байдалакову.

— Чтобы не откладывать все в долгий ящик, тем более что завтра вам, Михаил Петрович, надо уже вылетать, Иван Васильевич пойдут с Борисом Григорьевичем в соседний кабинет и составят письмо, а мы с вами побеседуем.

Написать не стоило большого труда, это было более подробное описание проведенной здесь жизни и рассказ о том, как я устраивался на работу в Вологде, а также о своих надеждах перебраться в Москву и, наконец, поздравление с наступающим 1948 годом.

Уже на другой день в мою камеру вошел красавец старший сержант и, протянув мне бушлат и шапку, сказал:

— Вам велено поаккуратнее одеться и собрать вещи! — Потом хлопнул себя по лбу, повернулся к караульному со словами: — Там у меня на столе лежат галстук и шнурки для ботинок, принеси!

У выхода меня встретил майор Ефременко. Во дворе нас ждала машина. Прокатив по Арбату, мы остановились у ко-

миссионного магазина и прошли через торговый зал в кабинет директора.

Директор, видимо, сексот, оказался на редкость услужливым, и после примерок и подгонок вместо бушлата и жалкой шапчонки я надел пальто с богатым каракулевым воротником и такую же добротную, под стать воротнику, шапку. А в старый фанерный чемодан сложил две пары постельного и нижнего белья, сапоги, домашние туфли, носки и целый ряд мелочей, необходимых для нормальной жизни мужчины, вплоть до туалетных принадлежностей. И мы, провожаемые директором, снова уселись в новенькую «победу». Я заметил, конечно, что ни расписки, ни денег Борис Григорьевич ему не давал, и подумал: «Как мудро поступает КГБ, имея в комиссионных магазинах своих людей».

— А сейчас я отвезу вас к одной симпатичной умной женщине, которая согласилась вас принять на какое-то время. Зовут ее Александра Петровна.

— Она ваш сотрудник? Можно ей все рассказывать?

— Александра Петровна сейчас руководит отделом, верней, редакцией народов СССР. А о себе скажете, дескать, вы разведчик, после долгих мытарств прибыли с Запада в Москву и сейчас хотите отдохнуть и не ворошить прошлое. Поживите, осмотритесь, успокойтесь, я буду вас навещать. Потом мы съездим с вами в Вологду...

Вскоре машина остановилась у большого дома, и мы поднялись на пятый этаж. Дверь открыла интересная дама, европейски одетая, в меру подкрашенная, явно нас ждавшая. Она окинула меня оценивающим взглядом и приветливо пригласила войти.

Раздевшись, я представился и поцеловал руку. В ее глазах я прочел любопытство.

— А теперь берите свой чемодан, вот ваша комната, — и указала рукой налево, — располагайтесь! И не стесняйтесь, Иван Васильевич, будьте как дома! Когда будете готовы, пообедаем! И вы тоже, Борис Григорьевич! — Потом, повернувшись в сторону кухни, бросила: — Маруся! Накрывай на стол!

Ее голос звучал громко и властно. Жесты говорили об уверенности и энергии. Мне она сразу понравилась. За обедом, не удержавшись, после тоста Бориса Григорьевича, обращенного ко мне: «За счастливое приземление!» — я выпил рюмку водки и неожиданно-негаданно захмелел. Сказались распатанные, почти за три года сидения в тюрьмах, нервы. И мне стоило большого труда взять себя в руки. Однако обмануть умную, наблюдательную женщину не так-то просто. Александра Петровна замечала все. И, видимо, начала догадываться, а женщина она была добрая, сердечная, к тому же в начале войны она потеряла единственного сына-летчика. И чтобы выручить меня, она всячески отвлекала внимание майора, то подливая ему в рюмку, то подкладывая ему в тарелку, то заставляя его сосредоточиться еще на чем-нибудь! А делать это она умела. Он так ничего и не заметил.

Вечером, оставшись наедине со мной, она, с какой-то затаенной грустью, рассказывала, что была участницей Гражданской войны, что ее муж, герой Октября, командарм дальневосточной Пятой армии..

— Беда была в том, что он много пил! А пьяный человек собой не управляет, а мичмана Павлова окружали матросы-звери! Кровожадные звери! И мне каждый раз стоило большого труда его уговорить отложить до утра подписание смертных приговоров... Лечила его после войны без толку и... развелась. Уехала в Берлин. Состояла при дипломатическом корпусе. А вы, Иван Васильевич, там бывали?

— Недалеко от Шпрее есть небольшая улочка Хохенлох. В доме номер восемь я прожил месяца три, наверно. Перед тем как перейти линию фронта. — И мне невольно вспомнилась Шарлотта, как, рыдая у меня на груди, она умоляла меня не ехать, предупреждала: «Ждет тебя, в лучшем случае, тюрьма!»

Потом Александра Петровна заговорила о Париже, где не раз побывала. Я понимал, что ее задушевные речи взывали к откровенности, но я был слишком напуган! И развязал язык только через несколько дней.

Утром она уходила в издательство и возвращалась часам к пяти, шести, мы обедали, беседовали, шли в театр или в ЦДЛ, где она чувствовала себя хозяйкой. Так прошло несколько дней.

И вдруг вечером пришли полковник Меритуков и майор Ефременко, посидели, поговорили, принесли мне какую-то сумму денег и, ласково попрощавшись, ушли.

А ночью мне приснился страшный сон: я сидел в камере Пугачевской башни в Бутырках. Меня хлопает по плечу дежурный тюремщик и приказывает: «На допрос! Одевайтесь!» — А я, до конца еще не проснувшись, бормочу за ним: «На допрос?! Одевайтесь!» — И просыпаюсь окончательно. И чувствую, как меня гладит по лицу Александра Петровна и матерински-ласково воркует:

— Успокойся, мой бедный мальчик! Ты не в тюрьме, и я сделаю все, чтобы ты больше туда никогда не попал!

В ту ночь мы стали близкими.

Спустя много лет, роясь в бумагах уже покойной Александры Петровны, я наткнулся на черновик ее письма:

«Вы спрашиваете, как это произошло? Началось просто. После гибели сына я осталась совсем одна. Друзья попросили принять на время товарища, который приедет в Москву и не имеет пристанища, а у меня две комнаты, и я с радостью согласилась оказать гостеприимство. Готовлю маленькую комнату по возможности уютно, пусть товарищ почувствует московское радушие. Привезли человека непонятного возраста, среднего

роста, с бледным, даже серым лицом; небольшие потухшие глаза смотрят пусто; старенький чемодан, истертый недорогой костюм, говорит тихо, медленно, как-то неуверенно. Такое впечатление, будто этого человека только что вырвали из-за фашистского застенка. Ночью стонет. Подхожу — испуганно вскакивает, в глазах ужас. Укладываю, глажу по волосам, говорю ласковые слова — успокойся, мой мальчик, спи, здесь покойней, я с тобой, никому не отдам, мой родной. И в самом деле, мне кажется, что это мой Рюрик вернулся, не убит он, нет, он не разбился, когда подстрелили его самолет, фашисты забрали его в плен, где он и томился до сих пор. Или нет — слишком он уж не похож на сына. Тот высок, здоров, сильный, веселый, глаза горят огнем, звонкий голос — таким его проводила на войну. И разве он не вернулся с лестницы и не поднял, чтобы поцеловать, глаза и сказать: “Мамочка, я вернулся, не беспокойся! Я вернулся!”

Вот он и вернулся, только какой-то ссохшийся, постаревший, измученный. Слово жизнь ушла из него, так сильно его мучили, переломали. Ну все равно, это мой Рюрик. И если тот Рюрик умер, так, умирая, этому другому он завещал найти меня, если ему будет плохо.

Вот так я и отхаживала своего Рюрика-Ивана, которого назвала “Альмаро”, вместо “Вольдемаро” из “Учителя танцев”. Вы помните, как в этой очаровательной пьесе влюбленный проникает в дом предмета своей страсти под видом учителя танцев, назвавшись “Вольдемаро”. И как после рассказа, кто он, девушка не показала вида, наоборот, поддерживала этот обман. Так и моя тоскующая душа жадно впитывала чувство бесконечной благодарности в оживающих глазах, крепнувшем голосе. Когда я уезжала на работу, мой ребенок тосковал, метался, ждал... Мое материнское чувство (этот извечный инстинкт матери, а у меня он особенно развит) нашел некоторое удовлетворение, это меня спасло от страшного чувства одиночества, отчаяния, безысходной тоски. И я привязалась к этому, еще более оди-

нокому существу, который был совсем гол и стоял совсем на голой земле. Могла ли я отпустить его. Ведь это мой Рюрик, разбившись, летать больше не может. Его нужно вылечить, поставить на ноги, пробудить любовь к жизни, дать ему другую квалификацию.

Я обязана была это сделать в память моего сына, во имя невинно погибших любимых друзей. Во имя торжества той идеи, за которую я боролась с юности.

И я решилась!

А елка... назначенная встреча с красивым адмиралом, жаждущим назвать меня своей женой и увезти в одну великую морскую державу, в которую назначается морским атташе... Нет! Это не для меня. И я понесла свой крест. У каждого, мой друг, свой крест в этой жизни».

На этом письмо обрывалось.

Глава седьмая

ВОЛЯ

...Скотина Чичиков едва добрался до половины своего странствования. Может быть, и оттого, что русскому герою с русским народом нужно быть несравненно увертливей, нежели греческому с греками...

Н.В. Гоголь — В.А. Жуковскому. 1869

1

Человек всю жизнь остается ребенком, у него обязательно должна быть игрушка. Для «души» (к примеру) — фантастическая сказка о построении идеального общества, или вечно меняющаяся мода в литературе, музыке, самом мышлении, в

одежде и т.д. Для «гонора» — кровавая игра в «казаки и разбойники», в «междоусобные брани». Для «сердца» — самая главная и древняя игрушка, самый щедрый подарок матери Природы всему сущему — любовь! Ибо она есть бог!

Первые две «игрушки» вошли в плоть и кровь, в них заключены, на них зиждутся культура и дикость, цивилизация и прогресс, сопряженные в чреватой игре человека с природой, вообразившего себя ее царем. Вообразив, что жизнь — это движение вперед, только вперед, дерзновенное, осмысленное, вдохновенное движение к общему благу, к счастью, к свободе... он забывает порой, что отодвинул на задний план главный подарок матери Природы — любовь!

Не утратила самый щедрый подарок пострадавшая выше всякой меры Александра Петровна, и потому поллюбила, вечно идущая, беспокойная, упорная и добрая, жизнь еще больше. И... сумела его передать и своему «Альмаро».

На католическое Рождество прибежал Миша Клебанов, очень коротко сообщил:

— Побывал в Париже на улице Гренобль, разговаривал с неким Ольгским, который якобы тебя знает. Он велел передать тебе привет и сказал, что в самом недалеком будущем тебе напишет Виктор Михайлович. А когда я сказал, что скоро уезжаю, он ответил, немного помявшись, что письмо тебе принесет девушка-француженка, дочь посла в Москве.

— Видимо, хотят твердо убедиться: я это или другой дядя?

Она пришла 30 декабря. Когда на звонок я отворил дверь, передо мной стояла молодая, лет двадцати пяти, женщина, довольно скромно одетая. Из-под собольей шапочки на меня

установились пытливым ее серовато-зеленым глазами, потом на губах скользнула улыбка, и она спросила:

— Месье Жан Добаа? — И, в ответ на мой кивок, продолжала по-французски: — Можно к вам зайти? Никому не помешаю? Вас предупредили, что я должна к вам прийти? У меня сугубо конфиденциальный разговор!

Я пригласил ее войти, познакомил с Александрой Петровной, и когда она, извинившись, ушла на кухню «готовить кофе», француженка протянула мне письмо Байдалакова со словами:

— Читайте, а я пойду знакомиться с вашей мадам! — Поднялась, подошла к окну, выглянула на улицу и направилась в кухню. Заговорила с Александрой Петровной на ломаном русском. А я взялся за письмо, оно гласило:

«Дорогой Иван! Спасибо, родной, за поздравление с Новым годом. Встречая его, мы поднимаем первые рюмки за то же. Маме о тебе я письмом уже сообщил. Эта весть воскресила ее силы, она здорова и бодр. Ты, верю, обнимаешь ее еще.

Хоть ругал ты Жоржа когда-то, но я знаю, как он любит тебя. Дабы его порадовать, я переслал ему твое письмо. Я понял хорошо твое письмо. Как ты помучился, бедняга. А Жорж сам напишет тебе. Он молодчина, много перенес, но все так же неутомим. В Отечественную войну я был мобилизован там, где жил. Однако воевал я недолго, попал в окружение, но, переодевшись, избежал счастливо плена. Долго боролся в подполье и здорово насолил фрицам. Но они меня все же сцапали в концлагерь. Я бежал, но был ранен при налете. Рядом со мной погиб Кирилл. Но сейчас я уже встал на ноги, дом отстроил, а семья еще разрослась.

По-прежнему увлекаюсь своей специальностью, дети выросли и много радуют. Здоровье, слава Богу, не сдает. Буду рад

получить от тебя весточку. Мысленно крепко тебя обнимаю. Искренне твой Василий».

Оглядев письмо со всех сторон, я обратил внимание на то, что интервалы между строками слишком широкие. Мелькнула мысль: «Тайнопись!»

Вошла Александра Петровна с гостьей, и мы уселись за кофе. Оказалось, что мадемуазель — назовем ее Элен! — Лена встречалась с Алей — так звал я Александру Петровну — на приеме в финском посольстве, что поначалу вызвало у француженки известную настороженность, которая, как мне показалось, погасла, когда речь коснулась происшедших в прошлую ночь событий в Румынии. Согласно сообщению московского радио, свергнут с престола король Михай и провозглашена народная республика. Совет министров возглавляет по-прежнему Петру Гроза.

Конечно, во французском посольстве подробности о свершившемся перевороте знали в деталях, и Элен, не без задней мысли, рассказала, как Петру Гроза, дождавшись, когда во дворце будет на карауле преданный ему полк, приказал прежде всего отключить все телефонные провода. Глубокой ночью ворвались в спальню Михая и потребовали письменного отречения от престола. Он заартачился и заявил, что ничего не подпишет, прежде чем не посоветуется с матерью. Делать было нечего, сына провели к королеве-матери. Узнав об ультиматуме и тщетно пытаясь созвониться с французским и английским посольствами или вызвать прислугу, она, как женщина мудрая, тут же оценила ситуацию: либо отречение, либо смерть как крайняя мера. И они на нее пойдут!

— В результате, — продолжала Элен, — договорились, что Петру Гроза и прибывшие с ним лица гарантируют, что все имущество, принадлежащее династии, не будет конфисковано,

с условием, что бывший король и его мать не станут предпринимать враждебных мер и высказываний против нового строя. Кстати, один из участников этого путча, мне кажется, игравший немаловажную роль, был посол СССР в Румынии, некий грузин, Серго Кавтарадзе! Скажите, уважаемая мадам Александра, не тот ли это человек, который работал в вашей редакции?

— Как же, столько мне нервов стоил этот Серго Иванович! А началось это так: позвонили из ЦК и порекомендовали мне взять к себе редактором Кавтарадзе С.И. Я не раз бывала в Грузии, знаю многих писателей и слышала о том, что он еще до революции дружил с товарищем Сталиным и даже какое-то время прятал его в своем доме от разыскивающей его полиции. А когда в двадцать втором году Грузия вошла в состав СССР, занимал высокие посты не то в правительстве, не то в ЦК. И вдруг был снят и направлен, кажется, директором завода, а вскоре опять снят...

— Наверно, поссорился с вашим соседом? — улыбнулась Элен.

— К советам из ЦК, сами понимаете, надо прислушиваться. И Кавтарадзе стал моим редактором. Прошло какое-то время. Я познакомилась с его милой женой и маленькой дочерью. И вот как-то он заболел и слег в больницу. Прошла неделя, и я посчитала своим долгом его посетить. Поговорила с врачами, те заверили, что «идет на поправку!» Потом зашла к нему в палату и просидела возле него с добрый час и со спокойной совестью вернулась домой. А спустя несколько часов после моего ухода, ночью, его увезли на Лубянку... — Александра Петровна неторопливо допила кофе, и, грустно улыбнувшись, продолжала:

— Вскоре я заметила странную ко мне перемену в отношении людей. Писатели уже не толпились у меня в приемной. Все

реже появлялись «друзья» — Сапа Фадеев, Леня Соболев, Костя Симонов... И вдруг в «Правде» появилось сообщение о том, что расстрелян враг народа Серго Иванович Кавтарадзе. А на другой день в издательстве было назначено партийное собрание. На повестке дня стоял один вопрос: «О непопозволительной дружбе заведующей редакцией большевика с семнадцатого года Александры Петровны Павловой-Рябининой с ныне расстрелянным врагом народа Кавтарадзе». Секретарь парткома Гослитиздата подготовил «честных коммунистов» неплохо, чтобы остальные послушно пели им в унисон. А выступить и сказать «свое мнение» должны были все. Собрание длилось до утра и единогласно постановило исключить меня из партии за дружбу с ныне расстрелянным врагом народа. В заключительном слове я сказала: «Да! Я поняла, что мне нет места среди вас!» Это мое заявление подействовало сильнее, чем то, как я встречала выступления ораторов презрительной улыбкой. В отместку было решено тут же отправить резолюцию в райком...

— Я не знала, что у вас были такие си гран малёр, большие беды! — покачала головой Элен.

— Писатели перестали меня узнавать, а кое-кто, завидя меня, переходил на другую сторону улицы. И когда возле ЦДЛ ко мне подошел поэт Голодный с широко распростертыми руками, я осторожно его предупредила: «Миша, ты разве не знаешь?» А он обнял меня и, усмехаясь, воскликнул: «Как не знать, дорогая!» — Потом стал расспрашивать, возмущаться и долго меня не отпускал...

— Так талантливые люди своими поступками, в задушевной беседе, в суждениях обогащают ум, окрыляют душу, меняют взгляды на происходящее, избавляются от большевистской нетерпимости и рабского повинения! — не удержался я. И тут же поймал укоризненный взгляд хозяйки.

— Опасаясь ареста, я уехала с сыном к старшей сестре в Ленинград. Прошел месяц, другой, я успокоилась и вернулась к себе в Москву, на Кудринку. На той же неделе мне позвонил из ЦК Поликарпов: «Хватит, Александра Петровна, капризничать! Возвращайтесь на работу!» В тот же день принесли постановление райкома: считать решение парткома Гослитиздата недействительным и пожелание немедленно вернуться на работу...

— Интересно... и какова была реакция сослуживцев?

— Начальство извинилось, партийные «товарищи» встретили подчеркнуто вежливо, а беспартийные не скрывали радости. Что же касается писателей, то они, будто ничего не происходило, как ни в чем не бывало снова затолпились в приемной. Вот такова наша действительность, — подытожила Александра Петровна.

Гостя стала прощаться, пообещав на днях прийти за ответом.

После ее ухода я прогладил горячим утюгом письмо Байдалакова. И не ошибся, тайнопись была четкая, ясная:

«Мы выросли в могучую силу. Владимир давно не одинок — у него больше, чем со мной. Нам нужно знать:

1. Чем и как можно ему помочь?
2. Каковы его возможности, планы и достижения.
3. Можно ли будет считать опорной точкой и как, если можно, это можно осуществить в будущем.
4. Его оценку положения, его прогнозы и советы, что и как нам делать.
5. Кто передатчик, что он знает и может знать.

Я переехал к балерине Ляле. Сергеевич и Леонидович ближе работают как герои.

Работа же возросла непомерно. Слились с новым пополнением. Стали взрослыми, единственными и (новое) поколение

отбросили. Чудесная молодежь пополняет семью. Не только верим, но из опыта военной генеральной репетиции знаем, что своего добьемся. Помогай тебе Бог!»

Обсудив письма, приход и поведение француженки и наше собственное, позвонил Борису Григорьевичу и попросил его приехать, намекнув о госте. Он обещал тут же приехать. А меня тем временем разбирало любопытство: как из зека «внутренней» тюрьмы Кавтарадзе превратился в посла СССР в Румынии? Но я решил: «Не стану спрашивать, если захочет, сама расскажет!»

Александра Петровна, глядя на меня и словно читая мои мысли, лукаво улыбнувшись, бросила:

— Ты не любопытный! А еще считаешь себя разведчиком! Так вот, история с Кавтарадзе преподала мне хороший урок, я поняла, что все наши беды происходят оттого, что материя правит нашим духом.

— Это зависит от самого человека. Ты ведь рассказывала, как во время Гражданской войны твой подвыпивший мичман Павлов, подстрекаемый помощниками-матросами, не глядя, готовился подписывать смертные приговоры «по решению военно-полевого суда», а ты, стараясь помешать кровавой вакханалии, клала свою руку на его и ласково просила: «Сережа, отложи решение до завтра, утро вечера мудреней», — и лицо его менялось, он отодвигал приговоры и поднимался... Кто строил свое благополучие на несчастье других, неизменно был наказан. Ты лучше меня знаешь, какая участь постигает этих людей. А черт меня толкает сейчас повторить их ошибку. Ты умная, помоги. Повести борьбу надо не с этими так называемыми врагами родины из НТС, они по-своему любят ее и видят большевистской и на свой лад перекроенной, а с теми, кто стоит за их спиной. Помоги дать такую «оценку положения» из пункта четвертого, чтобы охладить их пыл... Если раньше

твоя ласковая рука спасала от смерти людей, пусть это сделает сейчас твой острый ум, твой богатый опыт, — и, погладив Алю по голове, я поцеловал ей руку.

— Ты, Альмаро, молодец! Согласна с тобой, но лишь в какой-то мере. То, за что мы взялись, не делается чистыми руками. Твои товарищи, став на иждивение английской разведки, их запачкали больше, поскольку станут выполнять все, что она прикажет! Или, думаешь, будут искать лазейки, чтобы как-то не повредить Родине? — Она с сомнением покачала головой, потом пробежала взглядом по тексту проявленного письма, заметила: — Ну что ж, постараемся дать эту возможность, а там посмотрим... Тянуть, тянуть, тянуть и, конечно, никаких «опорных точек»!..

Звонок в дверях прервал нашу беседу. Пришел майор Ефременко. Сказав, что торопится, он взял письмо, наспех расспросил о визите и, пообещав приехать завтра «вечерком», посоветовал подумать об ответе. Потом, спохватившись, протянул письмо обратно, подождал, пока я сделаю его копию, и, распрощавшись, уехал.

За вечерним чаем Александра Петровна досказала мне историю Кавтарадзе, с которым я познакомился позже.

— Прошло года полтора после его «расстрела», и вдруг меня вызывает в ЦК Поликарпов. Думаю: «ЧП», прибегаю, а он, начав издалика, спросил сначала об одной книге, потом о другой и, словно между прочим, говорит: «А знаете, Александра Петровна, Бальмонт, сидя там в эмиграции, перевел поэму знаменитого грузинского поэта “Витязь в барсовой шкуре” и прислал ее Иосифу Виссарионовичу с надписью: “Гениальному вождю поэма гениального поэта”. Хозяину книга понравилась, он ведь сам пишет стихи. “Витязь” в переводе Бальмонта будет издан в Тбилиси, а в Москве нам рекомендуют его издать в переводе Нуцубидзе...

и еще одно... — Поликарпов замялся, — понимаете, произошла неувязочка... дело в том, что Сергея Ивановича Кавтарадзе не расстреливали, он совсем не враг народа, он реабилитирован, и я бы очень просил вас принять его к себе на работу редактором. Не удивляйтесь, в жизни все бывает!...»

— Так, спустя несколько дней ко мне пришел запуганный призрак бывшего Серго Ивановича, и я усадила его в своем кабинете, где он и сидел тише воды, ниже травы в своем углу, не оглядываясь на посетителей. А писатели и сотрудники Гослитиздата, заходя в кабинет, громко меня приветствовали: «Здравствуйте, Александра Петровна!» — делая вид, что не замечают сидящего. Тем временем в Тбилиси с невероятной быстротой выпустили в невиданном до сих пор художественном оформлении и с малым количеством опечаток «Витязя в барсовой шкуре» в переводе Бальмонта. А в Москве Шалва Нуцубидзе, не разгибая спины, трудился над новым переводом. Закончив главу, приносил к редактору Кавтарадзе. После тщательной перепечатки главу пересылали в ЦК. Дело подходило к концу, оставалось потрудиться над послесловием и комментариями

Она встала и положила передо мной три книги — изданные в Берлине, Тбилиси и в Москве.

— И вдруг Кавтарадзе не вышел на работу. Объяснил он причину с опозданием почти на час! Я уже серьезно начала волноваться. Ведь согласно закону, опоздание на пятнадцать минут квалифицировалось как «прогул» а не пришедшего на работу ждали суд и тюрьма. Когда директору доложили, что Кавтарадзе не явился на работу, он вызвал меня и строго заметил: «Почему вы мне не доложили о прогуле вашего редактора Кавтарадзе? Зачем вы его покрываете? Я вынужден сейчас позвонить в райком. Вы это понимаете?» — и, нахмурившись, принялся раскуривать трубку.

— Дело в том, что он всю ночь работал, и я позволила ему сегодня не приходить!

— Александра Петровна! Скажите, кому какое дело, что он там делал ночью. Не надо, нехорошо его покрывать! — И, сунув трубку в рот, взялся за телефон.

Аля улыбнулась и, чуть повысив голос, продолжала:

— Я взяла его за руку, которой он собирался набрать номер, и сказала: «Не советую звонить! Дело в том, что Сергей Иванович работал сегодня ночью с Иосифом Виссарионовичем!!» — Курительная трубка выпала у Чагина изо рта, телефонная — из рук. Оторопело поглядев на меня, он залопотал: «Конечно, конечно! Какие могут быть разговоры. Пусть наш дорогой Сергей Иванович отдохнет! Подумать только!» — и принялся сбивать пепел с колен.

— Здорово! Неужто он в самом деле работал со Сталиным? — в моем голосе, видимо, звучало недоверие.

— А кто рискнул бы такое выдумать? Детали я не помню, но, согласно рассказу Серго Ивановича, произошло вот что: отослав вчера последнюю главу «Витязя», теперь уже в «тигровой шкуре», в ЦК, он взялся за скучные комментарии, настроение было скверное, напознали воспоминания, и он невольно подбадривал себя стихами великого Шота: «Чем тучи темней, тем светлей в них вода...» Да и погода выдалась кислая. Ничто не предвещало того, что его ждет.

Придя домой и поздоровавшись с женой и дочерью, он со смехом сообщил, что сегодня с ним «соизволил милостиво поздороваться Константин Симонов»! И в ожидании ужина принялся расхаживать по небольшой коммунальной квартире, поглядывая на убогую «обстановку» столовой — шесть стульев, два больших ящика, заменяющие стол, и другие два — буфет для посуды в одном углу и железная койка для Майи в другом.

И подумывал о том, что в ближайшем будущем сможет кое-что купить: «А просить вернуть свою старую не стану!»

После ареста его и жены дочь взяли родичи, квартиру поначалу опечатали, после «расстрела» мебель, видимо, вывезли, две комнаты заперли, а в третьей поселилась женщина средних лет со своей овчаркой.

Софа расставила тарелки, и он, глядя на ее грустное лицо, твердил про себя: «Память наша без конца возвращается к недавнему прошлому, тянет в пережитый ужас. Отвлечь бы бедняжку надо, отправить, может, в Грузию? Нет, без меня она не поедет. У меня все-таки есть работа, а ей необходим какой-то всплеск. О, всемогущая Судьба! Дерни наши веревочки, только бережно, пока мы еще пляшем на маленьких наших подмостках!»

И в тот же миг, будто по Ее велению, раздался звонок, и вошедший гепеушник предложил товарищу Кавтарадзе одеться и поехать с ним.

— С вещами? — дрогнувшим голосом спросил Серго.

— Нет, нет, что вы! Только получше оденьтесь.

— Так голодным и уедешь? — попыталась удержать его Софа. Но приезжий сказал, что дело срочное и придется ехать не задерживаясь.

Александра Петровна посмотрела на меня: как я оцениваю ее рассказ, — и, уловив в моих глазах интерес, продолжала:

— Затворив за ним двери, бедненькая Софа обняла дочь и заплакала. «Неужели все мучения начнутся сначала? Сегодня ночью или завтра явятся за мной? И что делать с Майей?»

Время тянулось мучительно долго. После полуночи не оставалось уже почти никакой надежды. И она принялась собирать вещи ему и себе. Из анабиоза ее вывел резкий телефонный звонок. Дрожащей рукой она подняла трубку:

— Софа, дорогая, — прозвучал радостно возбужденный голос мужа, — готовь все, что у нас есть, и накрывай, подавай на стол. Мы с Кобой сейчас выезжаем! — И повесил трубку. — «Сошел с ума? — мелькнула первая мысль. — Голос радостный, и кто на Лубянке ему позволит звонить по телефону? Неужто правда? А что я могу подать?..» — Мысли путались, и все же она машинально накрыла ящики парадной скатертью и поставила посуду.

Сквозь окно струились первые проблески веселого апрельского утра. Защебетал, усевшись на форточку, воробей. Прозвучала автомобильная сирена. Поднялась соседка и прошла на кухню поставить на плиту чайник. «Сейчас пойдет гулять с собакой, а вернувшись, постучится и, шаря по комнате глазами, сладким голосом о чем-нибудь спросит. И что ее все так интересует? Сексотом работает, что ли?»

А та, поставив на малый огонь чайник, позвала овчарку и, отворив наружную дверь, обомлела: по лестнице, как ей сначала показалось, несли портрет Сталина. И тут же поняла, что поднимается он сам, отец народов! Схватив за шею овчарку, она кинулась обратно в прихожую и, громко крикнув: «Идет Иосиф Виссарионович!» — шмыгнула вместе с собакой к себе.

У Софы по спине прошел холодок. Потом бросило в жар, и, обернувшись на вставшую, вопреки обыкновению, дочь, велела быстро собрать постель, отнести в ванную и привести себя в порядок:

— К нам большой гость!

И подумала про себя: «Значит, все будет шибко хо! Отлично! Слава тебе, Господи!» — и перекрестилась. Услышав звонок, пошла открывать дверь.

— Калбатано Софа, доброго утра! Гастэй прынымаэтэ? — улыбаясь и кивая головой, сказал, на нее поглядывая, Сталин.

За ним следовала свита. Небольшая прихожая заполнилась людьми. Хозяин пригласил гостей в столовую. И вскоре, как по волшебству, на столе появились закуски, вина, бокалы, серебро. А Коба тем временем заглянул в спальню, кухню, познакомился с Майей и, закурив трубку, заключил: «Тэсно живете! Тэсно! — и, повернувшись к Пospelову, вполголоса бросил: — Надо здэлать!»

За бокалом «чхавери» речь зашла о «Витязе в тигровой шкуре». Софа, к своему удивлению, узнала, что Вождь и Отец Народов исправил несколько стихов в переводе Нуцубидзе, и очень неплохо, что у него есть и свои собственные стихи и что он интересуется великими восточными поэтами. Часа через два гости усхали, а пьяный от счастья и доброго вина Серго позвонил и рассказал о случившемся мне.

— А что, Нуцубидзе хороший переводчик? Конкурировать с Бальмонтом не так-то просто! — поинтересовался я.

— Что ты! Его рекомендовал, кажется, Лаврентий Павлович. Наш сосед. У нас в редакции, кажется, Шенгели, сочинил стихи:

В Гослитиздате, в ректорате
Шум и веселье народово,
То не Бадридзе, Лорджикианидзе,
А Нуцубидзе с переводами.

Слаще, чем халва, перевод Шалва.
Джан-Нуцубидзе великого.
Что пастернаки — дети собаки
Перед лицом солнцеликого.

Мы посмеялись, и она продолжила свой рассказ:

— Прошло несколько дней, положение изменилось. Писатели, входя ко мне в кабинет, сначала поворачивались в противоположный от моего стола угол и громко приветствовали:

— Здравствуйте, Сергей Иванович!

В ту же неделю были выселены соседи, проживавшие в двухкомнатной квартире, пробита туда дверь. Освободила свою комнату и Зинаида со своей овчаркой. А в анфиладу комнат была привезена мебель. Изменился и Серго Иванович. Глаза стали уверенными, не бегающими, в голосе звучала уверенность, и он прибавил в весе.

Прошло еще какое-то время. Помню, у меня сидели Ауэзов и Соболев. Шла речь об «Абае», «отредактированном»! Мухтар понимал, что иначе роман не увидит свет, понимая свое бессилие и чтобы хоть как-нибудь высказать свой протест, поглядывая то на меня, то на своего «переводчика» Соболева, вдруг заговорил на певучий лад: «Коринфский тиран Периандр отправил своего посла к милетскому тирану Эрастибулу, чтобы спросить у него совета, как ему лучше утвердить власть. Тот вывел посла за город к зреющей ниве и, беседуя с ним о посторонних вещах, срезал своим острым мечом колосья, поднимавшиеся выше других. И так прошел по всему полю и с тем отпустил посла. Возвратившись к Периандру, посол жаловался, что его отправили за советом к человеку, который портит свое добро. Но Периандр понял мудрый совет Эрастибула и погубил или присудил к изгнанию граждан, возвышавшихся над другими своим умом, влиянием, знатностью. Такая политика неизменно применялась монархами и демократами и давала одинаковый результат: поколения людей становились все ровней, все послушней, ограниченной, а количество “зерна” более скудным. Так было в Древней Греции, Вавилоне и Риме... Так редактируют нашего брата и поныне...»

Ауэзову не дал кончить влетевший директор Издательства, который, едва переведя дух, выдал: «Александра Петровна, вас вызывает Молотов!» Поднявшись к директору, я взяла трубку и назвалась. И тут же услышала голос Вячеслава Михайловича: «Александра Петровна! У вас работает редактором Сергей Иванович Кавтарадзе. Я хочу его взять к себе!» — «То есть как взять?» — не поняла я сразу. «Беру куда своим заместителем!» — «Когда его к вам прислать?» — «Пусть сейчас и приезжает!..»

Так «ныне расстрелянный враг народа С.И. Кавтарадзе» преподнес Издательству еще один сюрприз!

2

«Альмаро» набирался сил. Спустя два-три месяца Александра Петровна стала выводить меня в свет. И я не посрамил ее. Первый же визит к Игнатьевым увенчался успехом — я покорила их моим французским, поведением за столом, и т.д. и т.п. Впоследствии мы стали друзьями. Круг знакомых ширился исподволь, вначале редакторы. Надо сказать, что в ту пору это были люди высокой квалификации, такие как, скажем, Георгий Аркадьевич Шенгели, возглавлявший в двадцатые годы поэтов Москвы и снятый с поста председателя за критику Маяковского, или нашумевший потом своим романом за границей Вениамин, ставший Валерием, Тарсис — личный осведомитель Берии... Юдкевич, Кульманова, Цинговатова...

1948 год — начало моей литературной деятельности (а значит, и московская прописка — все должно было сделано так, чтобы комар и носа не подточил!), слабенькие рецензии на поступавшие в редакцию рукописи, разумеется, внутренние, сделанные при подсказке Александры Петровны...

Невольно приходят на ум мемуары жены известного писателя Берды Мурадовича Кербабаева. Волею судьбы она бежала из стамбульского гарема свергнутого султана Абдул-Гамида. Интереснейший, но далекий от художественного воплощения, документ, так никогда и не увидевший свет.

Потом первый художественный перевод прозы Леси Украинки, встречи с редакторами ее собрания сочинений — Максимом Рыльским, Николаем Ушаковым и Николаем Брауном. Поездка в Киев и знакомства с интереснейшими культурными и талантливыми людьми Украины — Павлом Тычиной, Александром Белецким, Вандой Василевской, Александром Корнейчуком, Натаном Рыбаком, Миколой Бажаном, Семеном Скляренко... Каждая с ними встреча, каждый их рассказ, смешной, грустный, а порой и трагичный, оставлял глубокий след и годами сохранялся в памяти.

Недавно приехавший из Югославии Максим Рыльский с восторгом делился своими впечатлениями о чудесном городском сказке Дубровнике, о волшебных островах Рабе, Хваре и самом из них зеленом — Корчуле, где стоит дворец императора Франца Иосифа, а от него спускается в море широкая мраморная лестница... С увлечением рассказывал о своих встречах с Броз Тито и Ранковичем, о беседах с писателями Иво Андричем, Мирославом Крлежей, Михаилом Лаличем. И тогда же подарил мне книгу известного сербского прозаика Стефана Сремаца «Поп Чира и поп Спира».

Спустя десять лет мой первый, самый трудный, перевод, широко отмеченный в нашей и югославской прессе, был Сремац. Уж очень он напоминал мне любимого с детства Гоголя, «Хутора» которого по вечерам читал в родной Бандуровке покойный ныне отец.

Украина, цветущий зеленый поселок Ирпень, интересные люди, их доброта, сердечность отвлекали от гнетущих мыслей. По утрам, разбуженные кукареканьем горластого петуха, привязанного за ногу к дереву в тенистом саду, мы вставали, завтракали и садились за работу. В полдень Максим Тодеевич отправлялся на вокзал, находившийся примерно в километре от дачи, а верней, в «шинок», стоявший неподалеку, выпивал «щуцки» (четвертинку) и брал с собой второй, чтобы опустошить его во время обеда. После чего становился разговорчивым, веселым, остроумным и тут же сочинял стихи. К примеру:

Чем жизнь неверней и неровней,
Чем тяжелее день за днем,
Тем Александре мы Петровне
Нежнее сердце отдаем.

Друзей признанием богата,
Но не спесясь никогда.
Она — не луч Гослитиздата,
А всенародная звезда!

Я не понимал, почему он так пил. Причину объяснила мне Аля уже в Москве.

— Кагановичу хочется отдать пальму первенства в УССР своему одноплеменнику, неплохому, я бы сказала, талантливому, поэту Первомайскому. Поэтому Лазарь Моисеевич не нашел ничего лучшего, как упрекнуть Максима в буржуазном национализме. Однако полагаю, что этот старый трюк не получится. И их пора уже миновала. Меня наверху упрекали, что в таком большом количестве привлекаю их и печатаю.

А какой Каганович понуждает «заливать горе» Фадееву или Шолохову? Знакомства ширились, давая пищу для размышлений. Это был цвет советской интеллигенции! Моя начитанность, знание нескольких языков, любовь к литературе, «мои университеты» и знание жизни помогали устанавливать контакты с разными людьми, а усидчивость и настойчивость, граничащая с упрямством, — стать переводчиком, а потом и писателем. На это ушли годы. А тем временем приходилось идти на сговор с совестью. На мое письмо Околовичу:

«Дорогой Жорж! Я очень рад, что произошло недоразумение. Сейчас картина для меня ясна. Ты должен понимать, что моя острая восприимчивость к малейшему невниманию — не акт самолюбия “мальчика в коротких штанишках”, нет, я вместе с тобой могу сказать, что в обстановке не менее трудной, чем у тебя, мне удалось стать на ноги, приобрести новых друзей и завоевать их уважение к себе, и я вправе рассчитывать на то же со стороны старых друзей. Очень сожалею, что не могу встретиться с кем-либо из своей семьи, война и другие обстоятельства не дали нам этой возможности поддерживать друг друга, и всякая связь прервана... Я писал дяде В. о том, что живу лично хорошо, ни в чем не нуждаюсь, но у меня есть друзья, которым нужно помочь, кроме того, хочу приобрести пишущую машинку и все приспособления к ней, все способы распространения.

Твой Владимир».

Я получил такой ответ:

«18 марта 1958 г. № 2. Следующее мое письмо не провяляй. Пустой лист его служит копиркой для писания писем мне невидимо. Правила писания: напиши открытый текст чернилами или карандашом (не химическим). Положи его на стекло. Сверху чистый лист моего письма. Сверху еще чистый лист. На нем простым тупым карандашом печатными буквами

поперек открытого текста пиши тайный текст. Пиши только с одной стороны бумаги. Не ерзай бумагой и не лапай пальцами. Нижнее письмо пошли. Верхний лист уничтожь, а мое письмо сохрани. Им можно написать сотню писем. Знаком невидимых чернил служит обращение в открытом тексте — “дорогой”... Другие обращения — тайнописи нет. Если моя бумага пропадет, то пошли открытку, в которой напиши, что у тебя разболелись ноги от ревматизма. Я вышлю тебе другую, на которой будет стоять, что у меня болят глаза от черчения. Если все понял в этом письме, то жду письма. Если не все, то напиши открытку и передай привет от Любы, и я повторю эту инструкцию. Слушай нашу радиостанцию “Свободная Россия” на волне 24—25 и 45—46 в часы 14,30; 15,15; 21,15; 22 по московскому времени: Мы НТС — солидаристы. — Сообщи, услышал ли? Дай оценку содержания и слышимости. Пиши мне не реже 1 раза в месяц. Не жди ответа на каждое письмо. Мне нелегко отправлять в СССР. Потом пошлю еще адреса. Пиши, помоги советом и дирижируй нами. Обнимаю и целую. Жорж.

Конец».

С одной стороны, совесть не позволяла подвести кого-либо, с другой — страх смерти. Выход был один: как-то тянуть, отлынивать, в чем-то не соглашаться, чем-то их разозлить.

Кое-какие наши книги печатались по репарации в Лейпциге. Александра Петровна раза два в году туда ездила. Это в какой-то степени развязывало мне руки. В какой-то степени! В своих письмах я жаловался, что мы живем за «железным занавесом». Скучные сведения, которые удается уловить случайно, урывками, поскольку «Би-Би-Си» и «Голос Америки», не говоря уж о «Свободной России», на немецком, французском или сербском языках, далеко не достаточны, чтобы критиковать мероприятия и политику советских властей, не говоря уж об идеологических

установках. И, хотя советское общество переживает идеологический кризис, о чем говорят выступления в печати писателей и в ответ на это статья Жданова о литературе, музыке, театре, где признается, если вдуматься в ее суть, собственная духовная несостоятельность и призыв к совершенствованию духа.

Я критиковал позицию НТС, с его чисто буржуазным мировоззрением. Утверждал, что плановое хозяйство совершенней частного капитала. Жаловался на то, что Союз скомпрометировал себя, сотрудничая с Третьим рейхом, а теперь «идет на поводу» у исконных врагов России — Англии и США. Что не имеет даже четкой инструкции о методах подпольной работы, ни убедительной литературы, ни возможности и средств для ее распространения.

Отметил и то, что советская интеллигенция прошла курс марксизма, голая его критика их не убеждает, нужно ему противопоставить стройную теорию созидательной системы. Люди устали разрушать во имя разрушения. Солидаризм смог бы найти своих сторонников, если бы его установки были более доходчивыми, конкретизированными, обоснованными.

Зная, что они все живут за счет ЦРУ, я поднял еврейский вопрос. Отметил, что финансовые группы Моргана, Рокфеллера, Меллона, Шиффа господствуют во всей экономической и политической жизни государства. Что они продолжают развертывание военного производства и, видимо, их цель — покорение мира.

«Последний и, пожалуй, самый решительный нажим на евреев, — писал я Околовичу, — это 1952—1953 гг. Сначала упорная и настойчивая кампания в газетах. Сенсация за сенсацией: “Джойнт”, “процесс врачей”, “Голда Мейер”, бесконечные фельетоны о евреях-жуликах, растратчиках, “космополитах” и т.д. Ходят слухи и толки, что доктора-евреи

заражают население раком. В вузах и школах русские ребята не дают “жиденятам” прохода. Все чаще возникают инциденты, слышатся реплики: “Довольно, поцарствовали!”, а в темных углах дают зуботычины. Участились аресты, готовилось переселение евреев в Биробиджан... Воззвание к переселению подписали главные цадики Каганович, Эренбург... Но, полагаю, они знали, что оно не увидит свет. Иегова и на этот раз спас свой народ. Навуходоносор был убит, виноват, Сталин умер — и все переменялось. Наступила “оттепель”. И все возвращается на круги своя.

Начался реванш. Выпущены врачи и посажены те, кто стряпал на них дело. Обласканы писатели-космополиты Борщаговский, Либединский, Яковлев и т.д. Низвергнут Сафронов, где-то на целинных землях спасается Бубеннов, опельмованы Суров и Первенцев, оплеван Шолохов, Панферов, Алексеев, не у дел Фадеев. А наглые требования непомерно растут.

Русский человек терпелив, добр, снисходителен, но никогда не знаешь, когда лопается его терпение. Он видит, что самые состоятельные в стране люди — евреи, лучшие квартиры принадлежат им, в их руках и торговая сеть, а значит, и дефицит. Им принадлежат загородные дачи, машины, меха, золото, драгоценности. Для них повсюду распаивается дверь с заднего хода, будь то театр, магазин или министерство. Они заполонили редакции газет, журналов, издательств и выпускают, по выражению Шолохова, мутный поток так называемой “художественной” литературы. Комиссионные магазины завалены картинами абстракционистов всех мастей и оттенков или подделками под Айвазовского, Шишкина, Сурикова. И добрый еврей-директор, зная о подлоге, продает их дураку-покупателю “за настоящих”! То же происходит и с музыкой, которая уже не устремляет ввысь...»

Этой темы в письмах Околовичу я касался, до и после смерти Сталина, не раз. Намекая на то, что эту тему они использовали, когда сотрудничали с фашистами. И удивлялся, почему позабыли о ней сейчас.

Их интересовало другое: есть ли у нас атомная бомба, идут ли ее испытания, а если идут, то где? Прошло какое-то время, и снова шифровка:

«2 июля 1953 г. Чистые листы поздравительного письма есть копия для писания писем мне. Вскоре к тебе прибудет мой гонец. Он все расскажет обо всем. Помоги ему всячески. Его ты узнаешь по указательному пальцу левой руки, на которой отсутствует сустав. Он не знает, что ты это знаешь, гонец не будет знать ни твоего адреса, ни фамилии, пока не выйдет из опасной зоны и не очутится внутри СССР. Пароль: 1) Гонец говорит, что он зашел к тебе по просьбе Георгия Сергеева, 2) Если ты его можешь сразу принять, то говоришь: “Я такого не помню, но поговорим”, или 3) Если сразу гонца не можешь принять, то отвечаешь: “У меня нет времени с вами разговаривать, если хотите, зайдите в другой раз”. Если можешь, назови гонцу место и время встречи. Если этого сделать не смог, тогда гонец присылает или бросает в ящик подписанное Сергеевым письмо с указанием времени, когда он зайдет снова. Ты его жди или оставь для него через жену записку с местом и временем встречи. Убедившись, что палец отрезанный, т.е. без одного сустава, — вступай в откровенную беседу. Четыре погибших были наши члены, никто из них не имел никаких адресов и фамилий. Остальные благополучно прошли. Сообщи нам спешно, сможешь ли помочь гонцу и устроить на работу. Конец. Жорж».

В своем письме я посоветовал не спешить с переброской гонца, а об устройстве на работу, значит, и о прописке его в Москве, нечего и думать.

Они меня не послушали. Гонец перешел границу, но в нескольких километрах от нее, в лесу, наткнулся на лесорубов, которые, заподозрив в нем «шпиона», схватили и повели «куда положено». А бедный дурачок, то ли с испугу, то ли еще почему-нибудь, прокусил запитую в лацкане ампулу с ядом. Так погиб еще один энтеэсовец, ради интересов США. И я с горечью еще раз убедился, что мои бывшие товарищи превратились в послушных холуев наших исконных неприятелей, в предателей своего отечества.

3

Политика США по отношению к СССР после войны началась с шантажа и угроз, с так называемой «атомной дипломатии». 18 августа 1948 года была утверждена секретная директива СНБ-20/2, «Цели в отношении России». Лицемерно соглашаясь, что «сейчас, в мирное время, США вынуждены рассматривать более определенные и решительные меры против России, чем это имело место в отношении Германии и Японии накануне войны». СНБ (Совет национальной безопасности) с одобрения сената, поддержавшего политику президента Трумэна, должен готовиться к атомной и биологической войне. На первом этапе войны на 70 советских городов будут сброшены 133 атомные бомбы, а в последующем — еще 200 атомных и 250 тысяч тонн обычных. Однако, прежде чем приступить к каким-либо действиям, надо было убедиться, что Советский Союз к атомной войне не готов. И вдруг 3 сентября 1949 года американский бомбардировщик Б-29, совершая плановый патрульный полет в северной части Тихого океана, обнаружил повышенную радиоактивность. Лихорадочная проверка данных рассеяла сомнения: в Советском Союзе была испытана атомная бомба. А 25 сентября того же года ТАСС со-

общил: «Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 году...»

Комитет начальников штабов США пришел к выводу, что в результате воздушного налета на СССР потеряют по меньшей мере 55 %. А также не смогут обеспечить противовоздушную оборону территорий США и Аляски. Поэтому вопрос о превентивной атаке в 1949-м, потом в 1950 году, был перенесен на 1 января 1957 года. Потом появилась надежда — водородная бомба, но и она потерпела фиаско. Началась гонка вооружений...

Новый этап связи с НТС начался с моего ответа на вопрос Околовича, что мне известно о ядерных испытаниях.

Меня тут же познакомили с профессором-атомщиком. Встреча состоялась в Ленинской библиотеке, в отделе, куда пускали далеко не всех. Этот симпатичный ученый в течение добрых двух часов популярно изложил суть об испытаниях и действии атомной бомбы.

На другой же день было отправлено мое письмо:

«Профессор Л. — физик, близко знаком с ведущими атомщиками, близок к академику К., поскольку сам работал в Научно-Техническом Совете по атомной линии. Оттуда его убрали, как он считает, по национальным признакам — он еврей. Причина тому, по мнению Л., секретный меморандум Аллена Даллеса Гуверу от 12 января 1953 года, в котором предлагается Юбиусу и Этли Розенбергам пообещать снизить меру наказания, если они обратятся к евреям всего мира с призывом выйти из коммунистического движения и всеми силами стремиться его разрушить. Из наших бесед с Л. я заключил следующее: развитие атомной энергии происходит бурными темпами, в данный момент атомщики весьма озабочены подысканием места

для проведения экспериментов. Теперь, по его словам, даже Казахстан с его громадной территорией уже не может по своей площади удовлетворить требований всех видов испытаний. Отсюда вывод: территория Казахстана — одно из мест испытаний атомной бомбы. Вот что я могу ответить на интересующий тебя вопрос. Должен еще сказать, что профессор Л. — человек осведомленный и серьезный. Кстати, он утверждает, что только в сентябре, октябре и ноябре прошлого года их было несколько...
Конец № 7».

Ответ пришел неожиданно быстро, видимо, по дипломатической почте. Письмо гласило:

«Начало. 26 января 55 г. Твои письма 6 и 7, повторяю 6 и 7 получили. За пропавшее письмо не беспокойся, тайнописи никто прочесть не сможет. О нашем гонце не сообщали нигде, тайнопись и адреса не провалены. Перерыв в моих письмах объясняется трудностью опускать их в СССР, так как нужны очень верные люди. Кроме того, я бываю в разъездах, был 3 месяца в США, где искал поддержку.

Привлек к делу переписки с тобой нашего друга по квартире в Бухаресте Мишу, седого и в очках, нашего партнера по преферансу, так что не смущайся изменению почерка.

Повтори пропавшее письмо. Напиши о профессоре Л., откуда он может знать об атомных испытаниях, что он знает еще. Кто он сам, где были испытания, сколько их было.

О туризме здесь только разговоры. Используем, если будет. Попробуй связаться и ты через своих людей. Мы учитываем новое политическое положение, но работу не прекращаем, а усиливаем.

Бури и ураганы уже выдерживаем. Мы все поздравляем тебя с Новым годом и прошедшим праздником Р.Х. Желаем тебе сил

для дальнейшей борьбы. Мы все седеем, но молодая смена есть. Целуем и обнимаем тебя. Миша и Жорж.

Конец».

После широко известных провалов англо-американской агентуры НТС Интеллидженс сервис, как более опытный, отказался от сотрудничества с этим Союзом, который перешел на полное иждивение ЦРУ.

В 1963 году Околович был полностью отстранен от участия в работе «закрытого сектора», занимавшегося агентурной работой. Причин было много, не говоря о провалах: уж очень тесно он был связан с английской разведкой, недолго любил евреев, хорошо разбирался в положении дел и всячески стремился освободиться от диктата. Нашли человека поглупей — Романова-Островского. Он же и возглавил Союз. А Поремскому отвели особую роль — отвлекать внимание общественности от шпионской и диверсионной деятельности НТС и, насколько возможно, доказывать свою полную политическую независимость... А мне сообщили, что я введен в «Руководящий круг».

Ссылаясь на провалы, на бесполезность переписки, с чем соглашались товарищи из КГБ, я писал все реже и реже. Мне хотелось закончить без крови авантюру с НТС и серьезно заняться литературой, покуда переводами.

И Долотуков, и Ефременко, ставший уже полковником, были довольны моими литературными успехами, тем, что оставили в живых, пусть дворянина, но приносящего Родине пользу. И потому согласились подытожить в основном мою связь с НТС, послав в Париж Александру Петровну с группой туристов.

Привожу копию ее доклада в КГБ:

«Выполняя порученное мне задание, по прибытии в Париж (11 авг. 65 г.) вечером связалась по телефону с Франкфуртом. Женщина, назвавшаяся Зинаидой Макаровой, сообщила, что

Миши сейчас нет, и просила позвонить утром до 8 часов, когда будет ее сын.

12-го, в 7 утра, к телефону подошел мужчина, назвавшийся Ярославом, и сообщил, что 13-го утром Миша будет ждать в 8 утра около Нотр-Дам. Однако, по моему настоянию, встреча была назначена в холле гостиницы “Франция”.

13-го, точно в восемь, пришел Миша. Разговор, “накоротке”, состоялся на улице. Было передано письмо, и условились о новой встрече вечером.

Встречали меня двое: Миша и человек, назвавшийся Александром Ивановичем. Прежде всего они сказали, что я могу быть совершенно спокойна, поскольку они установили, что за мной никто не увязался. Мы зашли в соседнее кафе. Миша просил называть его Мишей а меня условились звать Ксенией. Далее Миша сказал, что рад встрече, что они давно меня ждут, но все время очень опасались, как бы поездка не провалилась из-за Володи. Я ответила, что боялась с мужем другого: Брук мог знать нас и выдать. Миша стал уверять, что письмо Володе послано из Москвы и нет никаких причин для беспокойства.

И тотчас же полились рассказы: о процессе Брука, организованном чекистами; о Константинове — честнейшем человеке, к которому Брук привел “хвост”. Тут же Алексей Иванович показал гранки своей статьи, просил прочесть и сказать свое мнение. Похвалив стиль и манеру письма, я тут же спросила, что это за “Грани”? В частности, Тарсис, вещь которого “Палата № 7” печаталась в журнале, а теперь выходит в Англии огромным тиражом 7—8 тысяч.

— Тарсис необычайно талантлив, благодаря нам он выпущен из сумасшедшего дома, мы ему послали деньги, чтобы он заплатил за квартиру.

Выразив на лице удивление, я сказала, что хорошо знаю Вениамина Яковлевича. — “Валерия Яковлевича!” — поправили они. — Нет. Вениамина, он был им всю жизнь. Валерием он стал после женитьбы на молоденькой украинке, чтобы скрыть от ее родных свое еврейское происхождение. Так по крайней мере он мне говорил.

Оба мои собеседника удивленно воскликнули: “Разве он еврей?” И стали уверять, что по отцу он грек, а по матери украинец.

Я продолжала: неважно то, что он еврей, страшно то, что он шизофреник. Я работала с ним в Гослите, посетила его по просьбе первой жены в психиатрической лечебнице. Было это уже после войны. Тарсису я не верю, он предавал людей, он нечестный человек.

Мои собеседники были явно смущены, однако возразили: “Побольше бы таких сумасшедших!” В ответ на это я выразила сомнение, правильно ли открывать журнал (который уже был у меня в руках) и давать портрет шизофреника, пусть даже самого гениального, и не компрометируют ли они весь номер?

Так, в разговорах о Бруке, Тарсисе и Есенине-Вольпине пролетело время. Договорились о следующей встрече, и, выслушав ряд наставлений быть осторожной, поскольку в группе обязательно есть человек из КГБ, прощаясь, я спросила: “Ну а как вы-то живете на чужбине?” Экспансивный Алексей Ив. воскликнул: “Что говорить, собачья жизнь!” Миша быстро замял разговор.

Таким образом, встреча прошла тепло и сердечно. Восторженно со стороны Алексея Ив. и более сдержанно со стороны Миши.

Третья встреча состоялась 14 августа. Миша и Алек. Ив. принесли на показ сумку с двойным дном, которую я должна была

взять накануне отъезда, несколько номеров “Посева” и другой литературы, с просьбой прочесть и составить свое мнение.

“Все это хорошо, — заметила я, — но вы подумали, куда я возьму такую уйму и когда и где смогу все прочитать?!” И я взяла 57-й номер журнала “Грани” и несколько листков “переписки с друзьями”.

Вскоре Миша удалил Ал. Ив.

Когда мы остались одни, Миша спросил: почему оборвалась связь и переписка?

“Вот об этом Володя и просил меня узнать у вас! Что можно было делать? Разве вы не понимаете, как были мы напуганы провалом и гибелью не дошедшего до нас человека? Кто мог знать, какой след он за собой оставил? И мы делали все, чтобы себя обезопасить. Мало того, Володя вступил уже по-настоящему в литературу. Приходилось проявлять максимум осторожности, не говоря уж о том, что уходило немало сил и времени на то, чтобы войти в писательскую среду. Вы знаете — это нам удалось!”

“Да, здорово, блестяще переведен “Поп Чира и поп Спира! — воскликнул Миша. — Как Володя был бы нам полезен”

“И вот теперь, — продолжала я, — когда этот этап уже пройден, я приехала, чтобы поставить вам ряд вопросов. Что мы должны сейчас делать? Как вести работу? Не листовки же разбрасывать?! И не питать же вас досужими слухами? Откуда мы можем знать, что делается в руководстве партии? Значит, опять те же слухи?.. Вы рассылаете потоком литературу по адресам писателей, а мы понятия об этом не имеем! Чем это объяснить?”

“Мы очень бережем вас! — ответил Миша. — Володя близкий нам единомышленник и должен сам помогать нам в руко-

водстве партией. На кого нам опираться там? Скажите, нельзя ли организовать печатанье литературы на месте?”

“С кем? — спросила я. — Вдвоем организовывать издательство, типографию?! Как это возможно?”

“Для этого, конечно, нужен коллектив проверенных людей, — сказал задумчиво Миша... — Тут надо крепко подумать!”

“А как осуществлять связь после Брука?”

“Пусть Володя не боится. Брук ничего не знал, и шифр никому не известен, и, если он будет поступать так, как мы его инструктируем, все будет в порядке. Невозможно проверить тысячи писем, идущих за рубеж. Потом старайтесь слушать наши радиопередачи”.

На мое замечание, что передачи глушат, Миша обещал подумать, посоветоваться и ответить на все мои вопросы при последней, прощальной встрече 22 августа. Затем просил передать, что они и не думают заставлять Володю разбрасывать листовки. Пусть он не сердится, как видно из письма, а сам скажет, что нам делать и как работать? Ему оттуда виднее. “А теперь, — продолжал Миша, — придется прервать нашу беседу. Чего доброго, вас хватятся. Нужно держать себя так, чтобы не вызвать ни малейшего подозрения”.

22 августа в 10 утра, увидев меня в условленном месте, Миша направился в переулок и остановился у машины. Я последовала за ним. Когда я подошла, дверцы машины открылись и меня окликнул Алексей Ив. “Садитесь, все в порядке, хвостов нет, хотя какой-то человек с большим букетом внимательно рассматривал нашу машину, но, конечно, это случайность, тем не менее мы уедем в другой район”.

“Садитесь, — сказал Миша, — надо передать вам посылку”.

Я спокойно уселась в машину, и мы поехали. Миша передал огромный корсет и сказал, что все-таки надежнее всего везти все на себе, а не в сумке. Личный обыск бывает в исключительных случаях. И спросил, каково мое мнение. Я сказала, что они люди опытные, знают, как лучше, да и мне кажется, что корсет надежнее.

Потом Миша спросил, куда я хочу поехать. В какое кафе? “Вам виднее, в какое! Я понятия не имею”, — сказала я.

Прибыв на место, Миша предложил Алексею Ив. нас оставить. Прощаясь со мной, он попросил позволения поцеловать меня и со слезами на глазах растроганно твердил: “Берегите себя, Ксения! Знаю, как вам тяжело там среди них! Поцелуйте мужа, хоть я с ним и не знаком. Берегите его. Авось, когда-нибудь увидимся с вами!”

“Кто знает! — сказала я. — Мне хочется отблагодарить замечательного шофера. Вот плитка шоколада вашей супруге, а вам московские сигареты и крошечная бутылочка коньяка. И вам тоже, Миша, сигареты и коньяк”. Миша тотчас открыл пачку и закурил. Потом попросил у Ал. Ив. 50 франков, чтобы купить Володе духи.

Когда Ал. Ив. уехал, я спросила Мишу: “Почему вы его отпустили? Разве вы ему не доверяете?”

“Доверяю, но у нас так положено — каждый работает в своей области, и ему не нужно знать наших разговоров”.

“Кто он? — спросила я, — Что сказать мне Володе? С кем я встречалась? Но, конечно, такой же Алексей Иванович его настоящее имя. Приехал он сюда мальчиком, Володя его не знает, так что это неважно”.

Я не настаивала.

И вот началась беседа. Прежде всего Миша рассказал, что виделся с Жоржем. Он шлет привет, сожалеет, что сам не смог

приехать, просит поцеловать Ваню (“давайте уж так его называть, чтобы вам не сбиться”). Жорж просил еще передать, что всегда помнит и любит Ваню и старается беречь его.

“Все это хорошо, и нас трогает такое отношение, — сказала я, — но, как я вижу, вы ограничиваетесь тем, что хотите лишь ознакомить нас с литературой, которую выпускаете. Что мне передать Ване относительно укрепления связи, перемены шифра и, самое главное, в каком направлении и как вести работу? Оторванный от вас, он не знал, что с НТС. Откуда берет средства? Какие методы работы? Идет ли по-прежнему в НТС молодежь? Все это необходимо знать! И, наконец, повторяю: связь, связь, связь! Нас не устраивает существующее положение”.

Тогда Миша принялся рассказывать: о тяжелом положении НТС после войны; о том, что рузвельтовская политика сосуществования, которую некоторое время еще поддерживал Трумен, очень затрудняла работу; о том, что вел большую работу с партизанами; о том, с каким трудом было организовано издание журнала “Посев”, как долго выбирали название (название нейтральное и знаменует посев); как приобрели маленькую радиостанцию, поставили на грузовичок и так ездили и вели передачи, пока их не засекали и не запретили”. Шло время, — продолжал Миша, — мы крепили, нам разрешили передачи уже не с грузовичка, теперь нашей первой задачей — создать мощную радиостанцию. И это будет самой надежной связью с нашими единомышленниками. Поэтому слушайте радио! Что касается средств, то они пополняются из членских взносов и добровольных пожертвований.

“Неужели на это вы можете существовать? — спросила я. — Ради святой цели можно пойти и на компромисс и черпать средства откуда только возможно! (Мне хотелось вызвать его

на более откровенное объяснение, откуда НТС берет средства, но Миша уклонился)”.

“Партия пополняется за счет молодежи”, — продолжал он.

“А пойдет ли молодежь, родившаяся здесь и даже не знающая России, на подвиг, как вы, Жорж, Ваня?” — спросила я.

“Сейчас работать легче, занимаемся мы главным образом распространением политической литературы. И вы помогите нам — присылайте рукописи, которые у вас не хотят печатать”.

Я сказала, что рукописи мы присылать не сможем, но постараемся узнавать, у кого они есть.

“А мы уж будем изыскивать пути, чтобы заполучить эти рукописи, — подхватил Миша. — Хорошо бы и вам писать в нашу газету или журнал!”

“И тем самым себя расшифровать?”

“Даю честное слово, — горячо воскликнул Миша, — что я стараюсь всегда подать материал так, чтобы не подвести человека! Сейчас нас интересует настроение военных кругов... Не сведения о ракетах, их местонахождение и т.п., мы организация политическая. Вот, какое настроение у военных? У тебя (прости, Ксения, у меня это невольно вырвалось!)?” — “Я рада этому и тоже как-то сроднилась с вами, и так жалко расставаться!” — “Но связи с военными у тебя есть, ведь ты была на фронте!”

Я ответила, что старые военные либо умерли, либо на пенсии — далеки от дел.

“Очень интересуют нас отношения между СССР и Китаем. Если что будете знать помимо газет — сообщите. И еще: вам нужно найти человека, желательно писателя, которому мы будем посылать литературу, а он, доверяя вам, делился бы с вами. И еще один вопрос: как ты думаешь, какая форма власти должна быть? Что об этом говорят?”

Я ответила, что никаких разговоров не слышала. Хотят хорошо жить, вот и все!

“Жаль, что Ваня не может приехать! Ну а ты, Ксения, приедешь еще?”

Я сказала, что паспорта выдали на два года, и вся наша группа мечтает использовать их на будущий год. Будем копить деньги (“Мы поможем!” — перебил меня Миша), посмотрим, как пройдет это путешествие. А какую страну выбрать, какая для вас удобней?

“Италия, Дания, Англия, только не Америка и Финляндия — там трудно встречаться. И, конечно, не социалистические страны”. Потом Миша попросил дать № телефона, расспросил, как пройти в квартиру, никого не спрашивая. А что если явится человек, который не говорит по-русски?

Я сказала, что Ваня говорит по-французски и по-немецки.

Встреча наша прервалась. Я ушла на обед. Перед уходом, Миша просил меня тотчас надеть корсет и уже не снимать его до самой Москвы. И когда я явилась после обеда, то была уже в корсете. Перед прощанием Миша просил обстоятельно сообщить открыткой о моем благополучном возвращении. Принес Ване одеколон. И, трижды поцеловавшись, мы расстались. На прощание я дала два жетончика для ключей с изображением Спасской башни и храма Василия Блаженного, сказав: “Здесь я назначаю вам свидание — тебе и Жоржу!”

ОБЩЕЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ О ВСТРЕЧАХ

Начиная с первой встречи, между нами сразу же установились непринужденные, сердечные отношения, без какой бы то ни было натянутости. Когда в вестибюль неторопливой походкой вошел полуседой шатен выше среднего роста с зачесанными назад волосами, карими глазами, в очках, красноносый,

с запекшимися губами, в сером костюме, коричневой рубашке, без головного убора, держа в руках французский журнал с яркой обложкой, я тотчас поняла, что это Миша (Ольгский). Сидя в глубине холла, где толпился народ, я дала ему войти, потом медленно поднялась и, пройдя мимо него, бросила, почти не разжимая губ: “Ксения”, — и вышла на улицу. Вскоре он нагнал меня и сказал просто и сердечно:

— Ну, здравствуйте! Мы давно ждем вас.

Говорил он глухим баритоном, держался прямо и уверенно. Руки у него большие с крупными, обломанными ногтями. На вид ему лет 60—65.

Вечером, в присутствии Алексея Ив., который никому не давал говорить (не без моего участия!), Миша был молчалив, сдержан и даже суховат.

Алексей Иванович, примерно такого же роста, как Миша, светлый шатен с сединой, широкоплечий, голубоглазый, лет 45—48, с прямым носом и высоким лбом, говорит звучным баритоном, очень экспансивен.

Он бросился ко мне, как к родной сестре, и держался так до конца, все время повторяя, что хотел бы все время быть со мной, говорить, слушать, что он не ожидал встретить такого человека.

Однако на другой день он, привезя Мишу (который совсем не знает языка и плохо ориентируется в Париже), сказал, что человек он увлекающийся и потому, чтобы нам не мешать поговорить, уходит. Оставаясь наедине со мной, Миша тотчас становился простым. Чувствовалось, что Алексей Ив. ему мешает. Он даже пожалел, что сразу не представил меня как Ксению, а назвал настоящее имя.

Наши встречи тщательно охранялись от глаз агентов Москвы. В разговорах я не чувствовала со стороны Миши и Алек.

Ив. никакой настороженности, и, в свою очередь, я всячески подчеркивала свое полное к ним доверие.

— Миша несколько раз извиняющимся тоном говорил: “Пусть Володя не сердится, как это видно из последнего письма, пусть не обижается. Мы ведь не заставляем его разносить листовки. Пусть сам нам скажет, что делать и как лучше организовать работу”.

Резюмируя все беседы, создается впечатление, что они отнеслись ко всему с полным доверием.

В этих людях чувствуется какая-то неуверенность! У них нет ясной перспективы. Может быть, они понимают, какое жалкое впечатление производят, понимают, что не Тарсис, не Вольпин-Есенин и четыре писателя-инкогнито герои “Свободной России”, и, может быть, поэтому так настойчиво требуют, чтобы Володя и я указывали оттуда, из России, что нужно делать.

Их ставка на молодежь — на студентов и на писателей. Задача — засылать побольше антисоветской литературы и разъяснять по радио, какое зло большевики. Этим они оправдывают свое существование.

В подготовке к встречам и выполнению задания я руководствовалась на месте инструкциями тов. Михайлова, которые, как мне кажется, и помогли успешному выполнению операции».

Заканчивался очередной период моих долгих блужданий в «Омуте истины»*, наступал другой — творческий. Я все чаще встречался и ближе сходил с подлинными «инженерами человеческих душ» многих республик Союза. Общение с

* В первом издании книга И.В. Дорбы носила название «В омуте истины».

ними меняло взгляды на жизнь, на прошлое, на оценку самого себя... Слушая рассказы Константина Гамсахурдия о том, как он сидел на Соловках, в памяти возникала встреча с братьями Солоневичами и их роман «Россия в концлагере». Сравнивал впечатления Константина Паустовского о Франции со своими. Посмеивался над страхами Бориса Пастернака, хранившего у Александры Петровны, от глаз жены, письма Марины Цветаевой и одновременно размышлял о прочитанном романе «Доктор Живаго», хранящемся еще в рукописи в Тифлисе у доброй, очаровательной Нины Табидзе — княжны Макаевой, которая по приезде в Москву звонила: «Вано! Привезла вам вина! По дороге в Переделкино к Борису заеду к вам. Спускайтесь через десять минут!» И однажды случилось так, что я, выписывая сербскую «Политику», вычитал в ней, что первым кандидатом на Нобелевскую премию — Пастернак. Таким образом, я поздравил его первым. На другой день его пришли поздравлять Сурков с синклитом, а после обеда явились снова, уговаривать отказаться. Ряд подобных эпизодов мной записан, кое-что напечатано или хранится в памяти.

Много для души и ума давали путешествия по стране: Кавказ, Лимитрофы, Крым, Ленинград, Киев... В Кахетии, на реке Алазани, стоит дом народного поэта Грузии Сандро Шаншиашвили. В гостиной простая беленая печь, а на ней подписи многих видных литераторов и общественных деятелей Европы, таких как Анри Барбюс, Ромен Роллан, не говоря о наших писателях. Среди них и ближайшего их друга Тихонова. Доброго моего друга Николая Семеновича, председателя Комитета защиты мира, мастера рассказа, с детства мечтавшего побывать в Индии. И когда его мечта осуществилась, он потрясал гидов знанием истории и географии этой сказочной страны. Слушая его восторженный рассказ о храме Блаватской или о Ганге —

священной реке, где сжигают мертвых, в воображении вставал огромный, неизведанный новый мир...

Каждый талант — грань истины, будь то Рыльский, который не прочь выпить рюмку-другую, или Тычина, который с ужасом рассказывает, как его школьный дружок Воропилов, по окончании парада на Красной площади, потащил его с мавзолея «куда-то вниз» и заставил выпить полстакана!!! водки! Или страстный путешественник Сергей Сергеевич Смирнов, изучавший древнее Перу, странник по морям и океанам Вилис Лацис, по суше, больше пешком, мой учитель Евгений Германович Лундберг или далекий потомок испанских рыцарей народный поэт Эстонии Иоганнес Семпер — каждый оставлял в душе неизгладимый след, а в памяти — рассказ, новеллу, целую повесть. У них всех таился, как говорил Геродот, «неистребимый запас надежд», а Лермонтов — «святое вечности зерно»...

После суровой московской зимы, упорной работы над переводами, рецензиями, когда апрельское солнышко весело заглядывало в окна, тянуло «к перемене мест». Пушкин прав — «весьма мучительное свойство...» И мы обычно уезжали на юг. А иногда приходила телеграмма из Латвии: «Расцветает сирень, приезжайте. Ваш Карл Краулинь».

В человеке заложено, а верней, во всем живом, нечто по-тустороннее — предчувствие, передача мыслей, гипноз, вещие сны, предугадывание будущего. Отсюда апокрифы, мифы, Нострадамус и Книга откровений Иоанна Богослова — Апокалипсис...

Сирень, этот цветок древних русских дворянских гнезд, в Латвии цветет пышно. Окончив философский факультет, Карл Краулинь, хочешь не хочешь, отложил в далекий ящик свой любимый предмет и, возглавив (на какое-то время) писателей в Риге, стал критиком. А Спинозу, Канта, Гегеля, от греха по-

дальше, увез на дачу (трехэтажный домик!) в поселок Мурьяни, что на живописной реке Гауе. Там, в тишине, спокойно можно было заниматься разведением цветов и мыслить!

И когда я с удивлением спросил его как-то: откуда, каким образом здесь вырастает такая необычно пышная, яркая сирень, Краулинь, взяв меня под руку, рассказал древний скандинавский миф.

В разгаре апрель, земля жаждет даров. Богиня весны, желая поскорей украсить цветами поля и луга, птичьими гнездами, разбудила дремавшее солнце: «Вставай, поднимайся! Слышишь сдерживаемые стоны страстных желаний и печальных вздохов природы?»

И солнце тут же, в сопровождении богини весны и своей неразлучной спутницы Ирис — радуги, — обогрело землю. И всюду вырастали красные, бледно-голубые, темно-синие, золотистые, снежно-белые и крапчатые цветы. И когда утомленное солнце захотело передохнуть, богиня весны бросила взгляд на север и его скудную растительность и попросила солнце: «Позволь мне, всемогущее светило, одеть цветами и эти холодные страны, и, хотя радуга почти израсходовала все свои краски, осталось еще немного лиловой!»

«Сейте лиловую!» — согласилось доброе солнце. А увидев слишком много лилового, взяв из рук богини весны палитру, смешало все оставшиеся семь цветов и посеяло по всей земле.

Так появилась белая сирень — цветы, придающие человеку и всему живому физические и моральные силы...

Слушая Карла, я думал о том, что в Англии сирень считают цветком горя и расставания, а во Франции, особенно белую, — цветком счастья. А разве все мы, вдыхая ее аромат, невольно не ищем цветов с пятью лепестками?..

И вспоминал скамейку под кустом цветущей сирени, где произошло первое признание в любви, и твердил про себя:

Заглохший старый сад, приют бывших свиданий...
Все время унесло, и лишь былые тени
В мечтаниях передо мной из прошлого встают...

...Пролетели годы, и только мой портрет в кустах сирени навевает мысли о том времени.

В 1976 году здоровье у Али становилось все хуже и хуже. Пролежав в январе 1977 года в больнице Старых большевиков, настойчиво стала просить заведующую кардиологическим отделом Ольгу (Улькер) Халиловну Алиеву ее выписать. Добрая Ольга Халиловна пошла ей навстречу. Но, понимая серьезность болезни, стала приходить к нам на Кудринку. В марте, несмотря на предостережения, мы уехали в Ялту.

Словно предчувствуя свою смерть, Александра Петровна написала Ольге письмо, напомиравшее завещание: «Не покидайте моего Альмаро!»

В мае, после похорон, я позвонил в Москву и понял, что Оля переживает смерть вместе со мной что она мне близка, меня не покинет! Смерть Али, а до того ее болезнь измочалили меня, я был чуть живой.

Оля подняла меня на ноги, я окреп, воспрял духом и всем сердцем отдался этой молодой красивой татарке Улькер. Ее темперамент вернул мне молодость, быстрый ум побудил к творчеству. Она не раз уже спасала меня от смерти. Своим трудолюбием, честностью она удивляет знакомых писателей, а добротой и сердечностью заставляет себя уважать,

а меня еще больше полюбить Крым и татарский народ! Свидетельствует об этом моя повесть «Загадки Стамбула», ей посвященная и описывающая жизнь ее матери Тевиде Сулеймановны и бежавшего в Турцию отца Халила Али-Сулейман Бешевли.

Человеку свойственно заблуждаться. Каковы люди, таков и век. Прежние поколения искали в содержании романа, повести саму жизнь, источник размышлений, подспорье для духовного обновления, крылья, чтобы подняться ввысь... Тот далекий читатель, углубившись в книгу, вдруг становился мудрым Спинозой, добрым и безрассудным Дон Кихотом, Андреем Болконским или д'Артаньяном...

Пришли враждебные силы, изгнали интеллигенцию, а оставшимся — недорезанным — писателям порекомендовали писать «по живым, из жизни проверенным фактам коммунистического строительства — этот лозунг надо неустанно повторять всем нам, — писал Ленин, — нашим писателям, агитаторам, пропагандистам...» Литература стала идеологической надстройкой, отражающей борьбу классов и успехи социалистического строительства. И все-таки. И все-таки, отдавая должное этому лозунгу-приказу, поколение, воспитанное на старых началах, дало Шолохова, Фадеева, Соболева, Леонова, Паустовского, Пастернака, Твардовского, Есенина и многих других. Прошло семьдесят лет.

Поднявшуюся из развалин, из духовного обнищания страну добить было уже проще. Те же силы — одни «квивают» на США, Англию, НАТО, другие на Сион, масонов, третьи на своих бюрократов — повергли народ в бездну нравственного убожества, моральной слепоты, в последний этап обезчеловечения. И, поманив свободой размели по ветру прежние идеалы. Сво-

бодой! — Свободой обезьяны на дереве, где можно покричать на проходящего тигра, или даже швырнуть в него недоеденный банан...

Обезьяноподобных становится все больше, а стук топора, которым рубят их рощу, они по недомыслию принимают за нечто другое... Невольно приходят на ум слова Рощина в далеком Париже: «Через сто лет люди все больше будут своими действиями походить на обезьян! Самых бездельных животных...»

ЭПИЛОГ

Людам легче держать на языке
горячий уголь, чем тайну.

Сократ

Упорный труд, настойчивое желание выбиться в люди помогли мне стать членом Союза писателей. Александра Петровна ввела в высший круг советской интеллигенции. Знание жизни, мытарства по странам Европы, «университеты» на Лубянке, сдержанность, воспитание сделали возможным не только общение, но порой близкие знакомства с крупнейшими поэтами и прозаиками Страны Советов. А мудрое, всё, всё меняющее время, позволило предать гласности правду о белой эмиграции и впервые показать ту роль, которую она сыграла в мире после своего изгнания, и намекнуть, что боролась за правое дело, сказать, что это был цвет, мозг, совесть, душа России, и наконец открыть глаза тем, кто хотел вести борьбу за свержение советского строя при помощи инразведок наших исконных врагов.

Мой любимый Николай Васильевич Гоголь говорил: «У писателя только один учитель: сами читатели». А Федор Михайлович Достоевский уверял по-другому: «Запомните мой завет: никогда не выдумывайте ни фабулы, ни интриг. Берите то, что дает сама жизнь. Жизнь куда богаче всех наших выдумок! Никакое воображение не придумает нам

того, что дает иногда самая обыкновенная, заурядная жизнь, уважайте жизнь!»

А если жизнь не такая уж заурядная? Потому мой правдиво написанный роман «Белые тени» спустя неделю после его появления в «Роман-газете» исчез с прилавков, так было и с романом «Под опущенным забралом». Сработала новизна темы и, главное, правда!

Посыпались со всех сторон письма, в издательства «Молодая гвардия» и «Роман-газета» и мне на Садовую. Откликнулись и кадеты Донского кадетского корпуса — из Малаховки Поликарпов, а из Ташкента упомянутый в романе «Букашка» — Иван Григорьевич Яковлев. Но, пожалуй, больше всего ошеломил меня телефонный звонок. Мужчина назвался внуком героя моего романа генерала Кучерова. Поначалу я даже заподозрил провокацию...

Юрий Сергеевич сразу же завоевал мое доверие. Я тут же понял, что он внук генерала. Культурный, образованный, разносторонний — и как главный инженер одного из предприятий Риги, и как автор ряда газетных статей, и, наконец, как поэт, еще до Чеченской войны с тревогой за Россию сказавший:

Беззвучен жалкий наш набат
О том, что властвует распад
О том, что скоро боль и кровь
Сметут обжитый мир и кров.

Вскоре мы подружились. Он рассказал о необычной и драматической судьбе своего отца, сына белого генерала, прожившего недолгую и очень непростую жизнь, в которой было все — и суд над «вредителем, врагом народа» в начале 30-х годов, и фронт,

и Сталинская премия, полученная талантливым беспартийным инженером за восстановление народного хозяйства, и, наконец, очень странная смерть в Кремлевской больнице...

После развала страны Юра с женой Соней — мудрой Софьей Акоповной — и сыном Сергеем переехал в Иваново, стал главным инженером аграрно-промышленной компании. Дружба наша окрепла, и мы время от времени, при каждой возможности, встречаемся.

Каков читатель сейчас? Кто, как оценит «Омут истины»?

И в самом деле, ненависть к труду внушается ныне с малых лет. А ведь Тургенев говорил: «Жизнь — это труд!» Рецепт прост: гасить красоту, всякое устремление духа вверх. Если раньше детей баюкали волшебными сказками о торжестве добра, красоты — которая только и может спасти мир, — то теперь в «сказке для малышей» уродливые чудища со страшными мордами вытворяют такое, что не дай бог и взрослому присниться. Никита Хрущев намекал крестьянам: «Вступаем в коммунизм, молоко будете в магазине покупать!» Андропов попытался было заставить людей работать — и получил пулю!

Так все в пропасть и катится до последнего этапа — обезьяньей свободы!

А кто не хочет лезть на дерево, обречен на вымирание. В их числе самые опасные — писатели, с их моралью, рассуждениями, философией, политикой. Их слушать вредно, они сеют недоброе...

Зачем вам, молодым, о чем-то мыслить, рассуждать,

Не лучше ль Сименона с Кристи почитать.

Под барабан и ор ламбаду отплясать,

А на отчество свое, не долго думая, начхать!

Кинематографисты, театроведы, издатели делают, хочешь не хочешь, свой «бизнес». Одни охотно («Так этим красно-коричневым и надо!»), другие — из трусости, третьи — по недомыслию или по унаследованной привычке — «Чего изволите?» А кто не хочет, чтоб не скудоумных Пинкертонов, а быстрых разумом Ньютонов Российская земля должна рождать, дружно твердят: «Потерпите малость, продержитесь, покуда нет бумаги и денег. Мы избрали добрых, мудрых, они нас поведут куда надо. Россия держит нейтралитет! Владимир Мономах ошибался!» А поглядишь «пузатому» в глаза — он тут же отведет их в сторону и, разведя руками, начнет лицемерно сокрушаться о своей беспомощности от отсутствии средств, дефиците бумаги, помещения... техники... и т.п.

А поглядишь, Москва завалена макулатурой, желтой прессой. В газетах назойливо публикуют ненужное широкому кругу читателей, занимая целые страницы рекламой, чтобы сказать: «Пользуйтесь лучшим в мире мылом “Люкс”», или: «За рулем БМВ мир становится другим!» Тысячи, сотни тысяч книг, таких нужных нашей жаждущей душе, можно было напечатать на этой бумаге. Увы, веянье времени заставляет перестраиваться, менять кожу, холуйствовать, подчиняться обезьяньему началу. Наша интеллигенция, на манер той старой, царской, гнилой не осмеливается, подобно шахтерам, продиктовать свои условия президенту страны, который уже сидит не в «Кремлевских палатах», как это пристало верховной российской власти, а по-американски, в «Белом доме»! А чтобы не обиделись англичане, во главе совета — «спикер»! Не дай бог и французов обидеть, потому у нас вместо городского головы сидит «мэр»!

Оглядитесь, русские люди, неужто не понимаете, что превращаетесь в колониальных рабов! Вся наша столица пестрит разноцветными вывесками, рекламами, яркими витринами магазинов с иностранными названиями, где продают за доллары! Переведите взгляд и на мартышек, выглядывающих из-за прилавков своих наспех сколоченных будок под названием «комки», заполненных бросовым товаром рынков Европы и США: кондитерскими изделиями сомнительного качества и разлитым морем всевозможных напитков, нередко изготовленных домашними средствами.

Присмотритесь к так называемым молодым «коммерсантам», которые выстроились, притоптывая и позевывая, у своих столиков вдоль всего Арбата. Они торгуют шинелями, кителями, мундирами, фуражками и орденами своих отцов и дедов, славных героев, защитников Отечества! С каким цинизмом они предлагают купить «по дешевке» освященные в церкви иконы, перед которыми, стоя на коленях, молились их матери и бабушки за их благополучие!..

Кто заставил, что потянуло их свернуть на путь безделья? Или они пошли по нему от унаследованного от отцов характера?

Кто ложной дорогой стремится вперед,
На жалкую гибель себя обречет! —

говорил мудрый Фирдоуси. Что их спасет? Может, соломинкой для нашей утопающей молодежи окажутся новые хозяева, прибывающие из заграницы? Они привыкли жить по-человечески, трудиться и заставлять это делать окружающих. Может, они заставят бездельников свернуть с их пагубной дороги?

На мою долю выпало, после многих бед, счастье встречаться с мудрыми, вдумчивыми людьми, владевшими культурной русской речью, умевшими точно выражать мысли, энергично, изящно, без злобы. Ныне язык, на котором мы начинаем говорить, груб, примитивен, исковеркан чужеземными, порой похожими на собачий лай словами («Ваучер!»). На трибунах, по телевизору, в печати царят пустословие, ложь, грубость. Поэтому наш современник приучился слушать вполуха, смотреть вполглаза, читать по диагонали, не проявлять сочувствие к лежащему старику или старухе, мимоходом причмокнуть и пожать плечами. Ныне молодой человек не защитит девушку от наглого нахала, не остановит вора, забравшегося в карман соседа. За редким исключением!

И я с грустью думаю: в среде рабов умирает общественный идеал, личность не хочет выйти из узких рамок себялюбия, индивидуализма, не может дорасти до сознания ответственности за общее дело. И потому созданный с их молчаливого согласия, строй преследует собственные интересы, обрекая общество на вырождение...

И все же я надеюсь, а иногда эта надежда превращается в веру, что это болезнь века, не рак или СПИД, а грипп, корь, пусть даже холера... Эпидемия, охватившая континенты! А вдруг?!

И в самом деле, бреду, опираясь на трость и зазевавшись, задумавшись или кто знает почему, ее роняю. И вдруг!.. молодой человек, быстро наклонившись, с улыбкой ее подает... Тянусь отворить дверь в магазин. И вдруг!.. Она распаивается, и юная девушка мило щебечет: «Проходите!» Выхожу из троллейбуса. И вдруг!.. Чувствую, как меня кто-то поддерживает, ухватив за локоть... Сколько было таких неожиданностей, проявлений доброты, внимания...

Приходит на ум и девочка лет десяти—двенадцати, которая, взяв меня под руку, спрашивает: «Дедушка, может, вас проводить?» Значит, в их сердцах не угасло милосердие! И невольно вспоминается рассказ ныне покойной Александры Петровны, как ее сын Рюрик Павлов, летчик, погибший в 1941 году в неравном бою с тремя немецкими «юнкерсами», будучи школьником 8-го класса, на вопрос, почему опоздал на обед, весело смеясь, ответил: «Мама! Вижу, плетется старушка, проковыляет десяток шагов и остановится... Я взял ее на руки и отнес домой. Так меня, бедная, благодарила!»

Жизнь! Добро и зло всегда рядом. В изложенных рассуждениях, чувствах, понятиях я старался приблизиться к правде. И спрашивал себя: прав ли Федор Михайлович Достоевский, когда в 1876 году в «Дневнике писателя» писал: «Где же правда, неужели и вправду мир еще так далек от нее? Когда же пресечется рознь и соберется ли когда человек вместе, и что мешают тому? Будет ли когда-нибудь так сильна правда, чтоб совладать с развратом, цинизмом и эгоизмом людей? Где выработанные, добытые с таким мученьем, истины, где человеколюбие? Да и истины ли уж это, полно? И не одно ли они упражнение для “высших” чувств, для ораторских речей или для школьников, чтобы держать их в руках, — а чуть дело, настоящее дело, практическое уже дело — и все по боку, к черту идеалы! Идеалы вздор, поэзия, стишки! И неужели правда, что жид опять везде воцарился, да и не только “опять воцарился”, а и не переставал никогда царить?»

А может, правы Ницше, Маркс, утверждая, что жизнь есть борьба? Сильный побеждает слабого, умный — глупого, хитрый — простодушного... Или искать гармоническое сочетание человека с жизнью в мудром Барманизме?

Жизнь моя напоминает приключенческий роман. И я не удивлюсь, если эта моя исповедь увидит свет, а изложена она языком того времени, понятиями и рассуждениями, чувствами того времени, я не удивлюсь, что снова попаду на скамью подсудимых за то, что кого-то обидел в своих поисках.

В каждом живом существе, книге, картине, музыкальном произведении своя истина. Христос сказал: «Истина — это Я!» Магомет, Будда, Конфуций так, наверно, думали. Ленин, Гитлер уверяли о том же. О том же твердят цари, короли, президенты.

Конец

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	5
Глава первая НЕИСПОВЕДИМАЯ СУДЬБА.....	7
Глава вторая КАК Я ВОЗГЛАВИЛ ОТДЕЛ КОНТРАЗВЕДКИ НТСНП И ПОЛУЧИЛ ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ	26
Глава третья ЖЕНЩИНЫ ПАРИЖА.....	58
Глава четвертая С КОЧКИ НА КОЧКУ	115
Глава пятая ЧЕЛОВЕК	154
Глава шестая «ПОД КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ ОРИОНА».....	201
Глава седьмая ВОЛЯ.....	252
ЭПИЛОГ	295

Научно-популярное издание

Гриф секретности снят

Дорба Иван Васильевич

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

В омуте истины

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

109004, г. Москва, ул. Николаямская, дом 43, корпус 4.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 23.03.2012. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 9,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 1109.

Отпечатано с электронного оригинал-макета,

предоставленного издательством,

в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

На долю автора настоящей книги выпало немало испытаний. Ему довелось пережить революцию, Гражданскую войну, эмиграцию и Вторую мировую войну. Волей судьбы он оказался в центре шпионских интриг в Европе в 1930–1940-е гг. Он был одним из руководителей разведки эмигрантского Народно-трудового союза, сотрудничал с немецкой разведкой, а затем стал работать на СМЕРШ.

Жизнь эмигранта оказалась яркой и насыщенной событиями, его не сломали трудности и испытания. Пройдя лихие годы войны, он стал гражданином СССР.

ISBN 978-5-9533-6577-2

9 785953 365772

Вече